Б. М. Теплов

ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК
ДЛЯ СРЕДНЕЙ
ШКОЛЫ

МОСКВА · 1954

Б. М. ТЕПЛОВ

ПСИХОЛОГИЯ

УЧЕБНИК
ДЛЯ СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ

Утверждён
Министерством просвещения РСФСР

ИЗДАНИЕ ВОСЬМОЕ

Москва — 1954

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Восьмое издание учебника печатается по седьмому изданию без изменений.

В подготовке пятого и шестого изданий учебника принимал участие *Н. С. Лейтес.*

Глава I

ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

1. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПСИХИКЕ

Психология — наука, изучающая психику человека. Под психикой разумеются наши чувства, представления, мысли, стремления, желания, хорошо знакомые каждому человеку по его собственному опыту. К психике относятся также интересы и способности человека, его темперамент и характер. Как протекают процессы восприятия, чувства, волевые процессы? Каковы законы памяти, воображения, мышления? Как развиваются способности и формируется характер человека? Вот вопросы, которыми занимается психология.

Человек является членом общества, и поэтому его психические свойства формируются под решающим влиянием общественных условий жизни. Именно в зависимости от условий жизни и деятельности человека в обществе развивается его психика, сознание. «...Сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди» *(Маркс).*

Классики марксизма-ленинизма — Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин — указывают, что источником ощущений, представлений, мыслей является внешний, материальный мир, а психика, сознание человека, является отображением окружающего мира.

Психика есть одно из свойств материи, возникшее в процессе её развития. Неорганическая материя не обладает этим свойством, она не ощущает и не мыслит; и в пределах органического мира далеко не всякая материя обладает психикой. Потребовался длинный путь развития живой природы, чтобы прийти к материи ощущающей и мысля-

щей. Психика человека есть *особое свойство высокоорганизованной материи — свойство мозга*. Свойство это заключается в *отражении окружающей действительности*.

Отражение предметов реального мира мозгом человека не следует понимать как пассивное отражение, подобное отражению в зеркале. Человек не пассивно воспринимает мир, он *познаёт его в практической деятельности*, активно воздействуя на природу и на других людей. В этой активной деятельности и возникают наши ощущения и восприятия — образы тех материальных предметов и явлений, которые через посредство органов чувств действуют на наш мозг, отражаются в нём.

Современная наука о мозге даёт нам знание физиологических процессов, совершающихся в работающем мозгу. Исследования И. П. Павлова в области высшей нервной деятельности открыли те физиологические процессы, которые составляют основу отражения реального мира мозгом человека. Эти исследования сняли покровы тайны с так называемой «душевной» деятельности: на огромном материале экспериментальных фактов доказано, что психика определяется внешними воздействиями, условиями существования.

Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности, как величайшее достижение современной науки о мозге, является естественно-научным фундаментом психологии.

Слово «психология» образовано из двух греческих слов: «псюхе» (душа) и «логос» (слово, учение), и значит «наука о душе».

По представлениям, возникшим ещё в древние времена и сохраняющимся до сего времени в религиозных верованиях и во взглядах некоторых буржуазных философов, душа — это нематериальное, бесплотное существо, живущее в теле человека и в момент смерти покидающее его. Согласно этим представлениям душа является носителем и причиной всей психической жизни человека: его чувств, мыслей, желаний. Такое понимание психики является *идеалистическим*.

Противоположное ему и единственно научное понимание психики — *материалистическое*. Мозг, а не бесплотная душа, есть орган нашей психической жизни, носитель всех наших психических процессов: мышления, чувств, воли. Отражательная деятельность мозга и составляет нашу психическую жизнь.

В течение тысячелетий в психологии велась борьба между материализмом и идеализмом. Ещё в древней Греции и Риме многие мыслители и учёные боролись с идеалистическим пониманием души и делали попытки дать материалистическое объяснение психической жизни. Эту борьбу продолжали передовые учёные и философы-материалисты нового времени. Ценный вклад в развитие материалистического понимания психической жизни внесли великие русские философы-материалисты — Герцен, Белинский, Чернышевский и Добролюбов. Важнейшее значение для борьбы за материалистическую психологию имели работы великого русского учёного, физиолога и психолога И. М. Сеченова.

Однако лишь в последнее время, на основе диалектического материализма, созданного трудами Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, стало возможным построение последовательно материалистической психологии.

Психология изучает:

1. Психические процессы. Восприятие, запоминание, мышление, чувство, волевое решение — всё это различные виды психических процессов.

Чтобы разобраться в сложном потоке душевной жизни человека, необходимо прежде всего распределить все психические процессы на определённые группы, выделить отдельные области, или стороны, психики, иначе говоря, произвести классификацию психических процессов.

Наиболее общая и простая классификация основывается на различении трёх тесно связанных между собой сторон психической жизни: *познания, чувства* и *воли*.

Чтобы правильно понимать психическую жизнь человека, надо иметь в виду, что *познание, чувство* и *воля не существуют обособленно друг от друга*. Чувствуя, мы переживаем своё отношение к тому, что мы познаём или делаем; принимая волевое решение, мы исходим из определённых мыслей и чувств.

Психическая жизнь, несмотря на всю её сложность, изменчивость, кажущуюся иногда капризность и неустойчивость, подчинена, так же как и все другие явления действительности, определённым законам.

Психология имеет задачу *установить законы* психических процессов и тем самым *дать научное объяснение* этих процессов.

2. Психические свойства личности, т. е. наиболее существенные и устойчивые особенности, которые характеризуют каждого человека в отличие от других. К числу психических свойств личности относятся: интересы и склонности человека, его способности, его темперамент и характер.

Психология ставит перед собой задачу *изучить формирование и развитие психических свойств человека*. Как создаются интересы человека? Как развиваются его способности? Как формируется его характер? Исследование такого рода вопросов составляет одну из важнейших задач психологии.

2. ПСИХИКА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Пока человек живёт, он так или иначе действует, в той или иной форме проявляет свою активность. Вся жизнь человека наполнена той или другой деятельностью.

Воздействуя на вещь, человек руководствуется имеющимся у него образом этой вещи — своим восприятием, представлением, понятием о ней. Если образ правилен, действие с вещью может привести к желаемому результату; если образ вещи ложен, оно приведёт к неудаче. Таким образом, проверка правильности, истинности тех образов действительности, которые доставляют наши ощущения и наше мышление, даётся практической деятельностью, практикой. Такого рода проверку человек далеко не всегда осуществляет личным опытом. Основное значение имеет общественно-историческая практика людей. Известно, что общественный опыт передаётся от поколения к поколению в виде орудий производства, в виде научных знаний и т. п.

Познание есть отражение реального мира, возникающее в процессе деятельности, практики; правильность его проверяется результатами этой деятельности.

Все психические процессы всегда протекают в какой-либо деятельности. Это относится не только к волевым и познавательным, но и к эмоциональным процессам. Человек всегда так или иначе действует, и в ходе своей деятельности он познаёт и чувствует.

Не надо, конечно, думать, что всякая деятельность проявляется во внешних движениях. Решая трудную задачу, человек может внешне сохранять полную неподвиж-

ность, и всё же мы скажем, что в данном случае он активен, что он выполняет определённую деятельность, имеющую свои цели и требующую от него немалых волевых усилий.

Психические процессы не могут быть поняты вне зависимости от деятельности человека как *личности*, т. е. члена общества, живущего и активно действующего среди других людей в известную историческую эпоху, в определённых общественных условиях.

Не только психические процессы возникают в деятельности человека, но и *психические свойства личности формируются в деятельности*.

Способности человека раскрываются в занятиях той или иной деятельностью; способности не только проявляются в деятельности, но они формируются, развиваются при этом. И свойства характера также формируются только в деятельности, в поступках. Чтобы выработать в себе настойчивость и упорство, нужно не бояться трудностей, систематически бороться с ними, преодолевать их. Жизнь человека, его практическая деятельность, формирует его психический облик. Не зная, как живёт и что делает человек, мы никогда не поймём, почему у него возникли те или другие интересы, развились те или другие способности, сложился тот или другой характер.

3. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ ВЫСШЕЙ НЕРВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Учение И. П. Павлова о высшей нервной деятельности раскрывает физиологические основы психики и обусловленность психики условиями существования. Как известно, И. П. Павлов, изучая физиологию высшей нервной деятельности, открыл законы, общие человеку и высшим животным. Кроме того, он исследовал специально человеческие механизмы высшей нервной деятельности. Научное объяснение психики человека невозможно без знания закономерностей высшей нервной деятельности.

Основным, наиболее универсальным принципом работы коры больших полушарий головного мозга является *принцип образования временных (условных) нервных связей*. Он заключается в следующем. Если одновременно действуют на животное два раздражителя: один — вызывающий безусловный рефлекс (например, пища), а другой — нейтральный, сам по себе не вызывающий у животного

безусловного рефлекса (например, звонок), то в коре возникают два очага возбуждения. Между этими очагами возбуждения устанавливается связь, укрепляющаяся при повторном совпадении этих двух раздражителей во времени. В результате образования такой связи нейтральный раздражитель вызывает такую же реакцию, какую в обычных условиях вызывает пища.

Временная (условная) связь — наиболее универсальное явление в работе коры головного мозга. Деятельность коры больших полушарий, состоящая в том, что многочисленные внешние раздражители сигнализируют о других важных для сохранения жизни организма явлениях, называется *сигнальной деятельностью*. В приведённом примере звонок является сигналом пищи.

Новые нервные связи, возникающие в мозгу, дают возможность ориентироваться в среде по признакам и свойствам окружающего мира. Если эти связи являются случайными, они не закрепляются, так как не будут повторяться.

В коре головного мозга наряду с процессами возбуждения имеют место процессы противоположного характера — *процессы торможения*. Деятельность коры в любой момент представляет собой сложную мозаику процессов возбуждения и торможения, связанных между собой *законом взаимной индукции* нервных процессов. Закон этот заключается в следующем. Если в каком-либо участке коры возникает возбуждение, то в связанных с ним участках коры развивается процесс торможения (отрицательная индукция), и наоборот, если в каком-либо участке имеется процесс торможения, то в соседних участках развивается процесс возбуждения (положительная индукция).

Экспериментально было показано, что возбуждение, возникшее в каком-нибудь участке, не остаётся на одном месте, а распространяется, иррадиирует по коре. Одновременно возникает противоположный процесс — торможение, — который ограничивает и направляет в определённое русло процесс возбуждения, приводя к сосредоточению, концентрации возбуждения. При этом процесс торможения также способен распространяться по коре, иррадиировать, и собираться в одном пункте, концентрироваться.

Таким образом, наряду с *законом взаимной индукции* действует *закон иррадиации и концентрации нервных процессов*, определяющий движение процессов возбуждения и торможения в коре больших полушарий.

Частным случаем закона индукции является *внешнее торможение*, которое заключается в следующем. Допустим, что у животного выработан условный пищевой рефлекс на звонок, — тогда при действии звонка у собаки течёт слюна. Если во время действия звонка начнёт действовать какой-нибудь достаточно сильный новый раздражитель (например, в комнату войдёт посторонний человек), то условный рефлекс затормозится, слюна течь перестанет. Это объясняется тем, что возникновение нового очага возбуждения вызывает торможение других участков коры, вследствие чего тормозится и выработанный условный рефлекс.

Другую природу имеет *внутреннее*, или *условное, торможение*. Оно не является результатом посторонних раздражений. Примером внутреннего торможения может служить угасание условного рефлекса. Если условный раздражитель (звонок) несколько раз подряд даётся без подкрепления его безусловным раздражителем (пищей), то он перестаёт вызывать условный рефлекс. Образовавшаяся связь временно затормаживается. Если, однако, через некоторое время снова дать звонок, условный рефлекс возобновится. Это доказывает, что условная связь не разрушена, а лишь временно заторможена. Такое торможение имеет огромное значение, вызывая временное угасание рефлекса, который в данных условиях является бесполезным.

Каждая реакция организма животного происходит по принципу рефлекса, т. е. является ответом на внешние воздействия. Но определяется она не только тем, какой раздражитель падает на организм в данный момент, но и тем, каковы уже сложившиеся в коре системы связей.

В частности, при длительном повторении в одинаковой последовательности ряда условных рефлексов распределение очагов возбуждения и торможения в коре определённым образом закрепляется. В результате возникает определённая система рефлексов, которая воспроизводится легко, без усилий. Многочисленными экспериментами было показано, что если у собаки выработать несколько рефлексов на разные раздражители, повторяющиеся в определённом порядке достаточное число раз, то окажется, что после некоторого количества повторений животное воспроизведёт всю систему ответных реакций даже в случае, если раздражители будут значительно изменены (например, если на

месте положительного раздражителя окажется условный тормоз, и наоборот). Такая устойчивая система реакций называется динамическим стереотипом.

Динамический стереотип — это приспособление организма к одним и тем же, повторяющимся внешним воздействиям. В некоторых случаях, для того чтобы вызвать все эффекты данной системы рефлексов, не требуется даже соответствующего количества раздражителей. Достаточно дать сигнал, служащий началом системы раздражителей, чтобы все реакции последовали автоматически. Понятно, что подобная возможность будет иметь место только при достаточной прочности, закреплённости стереотипа. Если выработавшийся динамический стереотип перестаёт соответствовать изменившемуся порядку внешних раздражителей, то он перестраивается, изменяется в соответствии с новыми условиями.

4. МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ПСИХИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Основными методами психологии являются наблюдение и эксперимент.

Важнейшей особенностью подлинно научной психологии является *объективное* изучение психики. «Неисчислимые выгоды и чрезвычайное могущество над собой получит человек,— говорил И. П. Павлов,— когда естествоиспытатель другого человека подвергнет такому же внешнему анализу, как должен он это делать со всяким объектом природы, когда человеческий ум посмотрит на себя не изнутри, а снаружи».

Мы знаем уже, что психика неразрывно связана с деятельностью, что она проявляется в действиях, поступках человека. Поэтому наблюдения за действиями людей и анализ их высказываний, речевых реакций дают возможность судить об их душевной жизни.

Работа психолога не может, конечно, ограничиваться непосредственным наблюдением за теми людьми, с которыми он может лично общаться. Материалы прямого наблюдения дополняются изучением продуктов деятельности и таких документов, как дневники, письма, воспоминания.

Очень велико в психологии значение эксперимента.

При экспериментах исследователь не дожидается случайного наступления интересующих его психических процессов, а сам создаёт условия, чтобы вызвать эти процессы у испытуемых. (Испытуемыми называются лица, над которыми производится психологический эксперимент.) С помощью специальных приборов и методов создаётся возможность измерять некоторые стороны психических процессов, например скорость восприятия, точность и прочность памяти и т. п. Повторяя при одинаковых условиях тот же эксперимент с разными людьми, можно установить индивидуальные особенности данного процесса у каждого из этих людей.

В эксперименте исследователь по собственному желанию меняет некоторые из условий, в которых протекает процесс, и наблюдает, к каким это приводит последствиям. Например, изменяя по очереди условия заучивания какого-нибудь материала (скажем, иностранных слов), можно выяснить, при каких из этих условий оно происходит быстрее, при каких бывает более прочным. Тем самым открывается возможность устанавливать *причину* явления и научиться им управлять.

Все психические процессы и свойства личности изучаются в процессе их становления, развития. При этом психологический анализ исходит из социальной обусловленности личности. Нельзя изучать психику человека, особенности его личности, не учитывая эпохи, в которой человек живёт, условий его жизни, его классовой принадлежности, его места в общественной жизни.

Научная психология стремится к раскрытию физиологической основы психических явлений. Наряду с изучением социальной обусловленности психики важнейшей задачей психологии является выяснение мозговых механизмов психики на основе учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности.

5. ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИИ

Изучение человека составляет одну из важнейших задач науки, а среди наук о человеке психология занимает одно из первых мест.

Изучение психологии, наряду с другими науками, необходимо для выработки научного, материалистического мировоззрения. Известно, что идеалистическое учение о душе является опорой для всякого рода суеверий и предрассудков. Знание психологии, подлинно научное понимание физиологических основ психики, служит сильным оружием в борьбе с этими суевериями и предрассудками.

Особенно велико значение психологии у нас, в СССР, в эпоху перехода от социализма к коммунизму. Советская психология призвана вооружать знаниями, помогающими бороться с пережитками капитализма в сознании людей, и разрешать задачи коммунистического воспитания нашей молодёжи.

Психология даёт возможность разбираться в психической жизни людей. Поэтому очень велико значение психологии для всякой работы, связанной с воздействием на людей и требующей умения учитывать их психическое состояние и понимать их индивидуальные особенности. А едва ли можно назвать хотя бы одну специальность, в которой человек не сталкивается с необходимостью понимать других людей, разбираться в них и воздействовать на них.

И. В. Сталин назвал писателей «инженерами человеческих душ». Вряд ли нужно доказывать, насколько полезно для писателя знать законы душевной жизни человека. В известной степени «инженерами человеческих душ» являются и представители других специальностей, в первую очередь педагоги. Для них знание психологии совершенно обязательно.

Необходимо указать также на значение психологии для изучения литературы и истории. Умение разбираться в психической жизни человека содействует более полному пониманию многих исторических и литературных фактов.

Изучение психологии помогает разбираться в своей психической жизни. Каждый человек знает по себе, как нелегко бывает иногда обозначить словом, описать своё собственное переживание. В то же время умение назвать, описать своё переживание очень ценно: оно даёт возможность осознать это переживание, понять его и благодаря этому до известной степени овладеть им.

Психология даёт возможность понимать самого себя, знать свои сильные и слабые стороны. А знать себя необходимо для самовоспитания, для работы над собой, над исправлением своих недостатков, над развитием своих способностей. Знать себя необходимо также для того, чтобы сознательно выбрать такую специальность, такую работу, в которой можно принести больше всего пользы родине и получить больше всего удовлетворения.

Знание психологии помогает правильно организовать умственную работу, в частности учебную работу. Какие приёмы заучивания являются наиболее экономными и ведут к лучшему усвоению знаний? Как организовать упражнения для выработки тех или других навыков? От чего зависит развитие наблюдательности, внимания, мышления? Все эти вопросы относятся к области психологических знаний.

Современная психология делится на ряд отраслей. Наряду с общей психологией, изучающей закономерности психической жизни взрослого нормального человека, важнейшими отраслями психологии являются: детская психология, изучающая психику ребёнка, и патопсихология (от греческого слова «патос» — страдание), имеющая своим предметом болезненные уклонения в психике людей. В психологической науке имеется ряд специальных отраслей, изучающих психическую жизнь в условиях определённых видов деятельности: психология труда, педагогическая психология, военная психология, психология искусства и др.

Вопросы для повторения

1. Какими вопросами занимается психология?
2. В чём заключается материалистическое понимание психики?
3. В чём отличие психических процессов от психических свойств личности?
4. Какова связь между психикой и деятельностью человека?
5. В чём заключается принцип образования временной (условной) нервной связи?
6. В чём различие между внешним и внутренним торможением?
7. Что такое динамический стереотип?
8. Какие требования предъявляются к наблюдению как методу изучения психической жизни людей?
9. В чём состоит значение эксперимента в психологии?
10. Какое значение имеет изучение психологии?

Глава II

РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ

6. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ВОЗНИКНОВЕНИИ И РАЗВИТИИ ПСИХИКИ

В основе материалистического мировоззрения лежит учение о развитии материи.

Определённым этапом в развитии материи является *возникновение жизни*, т. е. появление живой, или органической материи. Возникнув из неорганической материи, живая материя имеет в отличие от неживой свои особые свойства. Важнейшим из этих свойств является *раздражимость*, т. е. способность реагировать на внешние раздражения, приходить под влиянием воздействия среды в состояние деятельности. Живая материя — это материя раздражимая.

Дальнейший этап в развитии материи связан с возникновением у более высоких форм живой материи нового свойства — *чувствительности*, т. е. способности иметь ощущения, отражающие свойства предметов, воздействующих на организм.

Ощущения и составляют начальную форму психики.

Психика, таким образом, не является свойством всякой живой материи. Она есть свойство высших форм органической материи. Потребовался очень длинный путь развития, чтобы от материи только раздражимой прийти к материи ощущающей, от первого появления жизни на земле — к возникновению животных, обладающих психикой.

Психика возникла на определённой ступени развития животных.

Возможно, что ощущения возникли у животных, не имевших нервной системы. «Ощущение связано необходи-

мым образом не с нервами, а с некоторыми до сих пор не установленными точнее белковыми телами» *(Энгельс)*. Несомненно, однако, что, начиная с кишечнополостных, психика становится функцией нервной системы, и дальнейшее развитие психики связано с развитием нервной системы. У позвоночных животных непосредственным носителем психики становится мозг. Таким образом, у высших животных и человека психика — продукт мозга, или, иначе говоря, мозг — орган психики.

Человек появился на земле, как высший продукт развития животного мира. Понятно, что и психика человека была подготовлена всем предшествующим ходом развития животных. Процесс возникновения и развития психики в животном мире составляет как бы предисторию человеческой психики. Изучение этого процесса позволяет понять, как подготавливалось появление человеческой психики и в чём состоит то новое и особенное, что характеризует её в отличие от психики животных.

Сознание человека является высшей ступенью развития психики. Решающее значение в переходе от форм психики, свойственных высшим животным, к человеческому сознанию имел труд. «...Труд создал самого человека» *(Энгельс). Труд создал и человеческое сознание.*

Гениальные работы И. В. Сталина по вопросам языкознания показали колоссальное значение для развития сознания звукового языка. «Звуковой язык, — указывает И. В. Сталин, — в истории человечества является одной из тех сил, которые помогли людям выделиться из животного мира, объединиться в общества, развить своё мышление, организовать общественное производство, вести успешную борьбу с силами природы и дойти до того прогресса, который мы имеем в настоящее время».

Конечно, сознание первобытных людей было ещё очень непохоже на сознание современного человека. Те особенности, которые мы наблюдаем в психике современных людей, не являются чем-то изначально присущим человеческой природе. Сознание человека развивалось в ходе исторического развития, на основе развития общественных условий жизни.

Длительный путь развития психики от возникновения её до сознания современного человека имеет качественно различные периоды: 1) *развитие психики у животных,*

управляемое *биологическими законами* изменчивости, наследственности и естественного отбора и подготовившее возникновение человеческого сознания, и 2) *историческое развитие человеческого сознания, для которого основное значение имеют законы общественно-исторические.*

7. УСЛОВИЯ ЖИЗНИ И ПСИХИКА ЖИВОТНЫХ

Развитие психики является составной частью общей эволюции животных. Животные приспособляются к изменениям среды не только соответствующими изменениями в строении тела, но и изменениями форм поведения.

Для успешного приспособления к среде важнейшее значение имеет гибкость, изменчивость поведения животного, способность быстро изменять своё поведение в ответ на изменение внешних условий. Изменчивость поведения стоит в связи с уровнем психического развития: чем выше последнее, тем более гибко и совершенно животное приспособляется к изменениям среды.

Следует различать, с одной стороны, формы поведения животных с преобладанием наследственных механизмов, так называемые инстинкты, с другой — формы поведения, вырабатывающиеся в индивидуальном опыте животного.

Физиологическую основу инстинкта составляют безусловные рефлексы. Инстинктивное поведение представляет собой не что иное, как *цепной рефлекс*, т. е. ряд последовательных рефлекторных движений, из которых каждое предыдущее является начальным толчком для каждого последующего. Необъяснимые на первый взгляд инстинктивные действия, выполняемые животными без специального научения, представляют собой системы безусловных рефлексов, закрепившихся в процессе развития вида. Постройка сот пчёлами или гнёзд птицами, перелёты птиц — примеры инстинктивных действий.

Сложные цепные рефлексы (инстинкты) вырабатываются в результате накопления в ряде предшествующих поколений тех свойств, которые приобретались животными данного вида под влиянием воздействий среды. Этим объясняется, что инстинкты хорошо приспособлены к обычным для данного вида условиям жизни: пчела строит свои соты так, что на наименьшем пространстве и с минимумом материала достигается наиболее возможная вместимость.

Не следует, однако, думать, что такого рода действия в какой-либо степени говорят об уме животного; пчела, конечно, не производит математического расчёта своей постройки. Предположение о «разумности» инстинктивных действий опровергается следующими наблюдениями: эти действия продолжают выполняться даже и при таком изменении условий, которое превращает их в бессмысленные. Если у гагарки, высиживающей птенца, переложить во время её полёта за пищей яйцо несколько в сторону, она по возвращении садится в точности на прежнее место и продолжает его «высиживать», нисколько не заботясь о яйце, которое лежит поблизости, в поле её зрения. Таким образом, всякая необычная перемена в условиях жизни может превратить инстинктивное действие из очень совершенного и целесообразного в биологически бессмысленное, а иногда даже вредное.

Безусловные рефлексы (инстинкты) не являются, однако, совершенно неизменными. Передовая мичуринская биология разоблачила ложность утверждений биологов-идеалистов о неизменности наследственных свойств организма. Попадая в новые условия жизни, организм приобретает новые свойства; эти новые свойства, передаваясь по наследству, усиливаются и закрепляются в ряде поколений. Таким образом происходит изменение наследственности.

Образующиеся в процессе индивидуального развития условные рефлексы, с одной стороны, и врождённые, безусловные рефлексы, являющиеся результатом развития многих поколений, — с другой, теснейшим образом связаны между собой. Условные рефлексы, соответствующие постоянным факторам, встречающимся в жизни данного вида, могут всё более закрепляться, делаться наследственными и передаваться потомству. «Можно принимать, что некоторые из условных вновь образованных рефлексов позднее наследственностью превращаются в безусловные» *(Павлов)*. Наоборот, те безусловные рефлексы, которые перестают отвечать изменившимся внешним условиям, перестают наследоваться потомством. Таким образом происходит изменение инстинктов. Но это изменение происходит относительно медленно, на протяжении жизни ряда поколений.

У животных, нервная система которых достигает достаточно высокого уровня развития, поведение строится

в значительной мере на основе временных связей, складывающихся в индивидуальном опыте организма. Безусловные рефлексы животное наследует, а условные рефлексы у него вырабатываются в течение жизни.

То, что называется «дрессировкой» животного, представляет собой выработку условных рефлексов. Известные возможности к этому имеются уже у червей. Можно в результате многократно повторяющихся опытов приучить дождевого червя по пути в своё жилище поворачивать в определённом месте направо, а не налево, если после того, как он повернёт налево, пропускать через него электрический ток.

Изучение условно-рефлекторной деятельности у животных, стоящих на разных ступенях развития, показывает, что чем сложнее и совершеннее организм, тем в большей мере развита у него способность вырабатывать условные рефлексы. У млекопитающих, как хорошо известно, возможности выработки разнообразных условных рефлексов исключительно велики.

Биологическое значение условных рефлексов состоит в том, что новые временные связи дают возможность точно и своевременно приспособляться к меняющимся условиям жизни. При этом очень важным является не только то, что всевозможные нейтральные раздражители могут становиться сигналами безусловных раздражителей, но и то, что в изменившихся условиях новые нервные связи легко исчезают, затормаживаются. Условными рефлексами объясняются самые сложные формы целесообразного поведения животных.

Развитие психики осуществляется в неразрывном единстве с развитием материального носителя её — нервной системы, в частности мозга.

Начиная с млекопитающих, органом выработки условных рефлексов становится кора больших полушарий головного мозга, и важнейшее значение приобретает эволюция коры.

Усложнение нервной системы и развитие различных форм поведения животных в конечном счёте обусловлено образом жизни.

Возьмём в качестве примера птиц. Центральный факт, определяющий и строение, и психику их, заключается в приспособленности к лётной жизни в воздухе. Для лётной жизни нужно хорошее развитие зрения и слуха; в этом направлении и шло развитие органов чувств у птиц.

У хищных птиц решающее значение имеет возможность *издали* видеть свою добычу, поэтому острота зрения достигает у них такой степени, которая недоступна ни одному животному. С другой стороны, жизнь в воздухе предъявляет мало требований к осязанию и обонянию, вследствие чего эти ощущения развиты у птиц очень слабо. Движения птиц высоко специализированы (лётные движения), но очень шаблонны и дают мало возможностей для развития разнообразных и изменчивых форм поведения. Воздух — значительно более однообразная среда, чем поверхность земли, на которой проводит жизнь большая часть млекопитающих. Поэтому у птиц эволюция пошла в направлении усовершенствования и усложнения безусловных рефлексов (инстинктов), наименее гибкой формы поведения, а у млекопитающих стали развиваться формы поведения более изменчивые, т. е. условные рефлексы.

Другим примером могут служить *обезьяны*. Фактом, из которого надо исходить при объяснении высоты их психического развития, является древесный образ жизни. Жизнь на деревьях расширяет поле зрения; значение обоняния уменьшается, роль зрения возрастает. Балансирование на ветвях, перепрыгивание с ветки на ветку требуют хорошего глазомера, развития осязания и, главное, способности к разнообразным и ловким движениям. Питаются обезьяны сердцевиной орехов, плодов, стеблей; пищу им приходится извлекать с помощью достаточно мелких и тонких движений. Показательно высокое развитие руки, до известной степени освобождённой от функции передвижения (благодаря древесному образу жизни) и начавшей исполнять функцию хватания. В результате у обезьян образуются многочисленные и очень подвижные системы условно-рефлекторных связей. Отдельные временные связи у обезьян, по мысли И. П. Павлова, замыкаются в цепи связей, эти цепи связей могут расти и обогащаться, повышая приспособительные возможности животного. При этом связи, отражающие действительные свойства, подкрепляются, а случайные связи тормозятся, следствием чего является отражение некоторых существенных свойств предметов, а затем и связей между предметами.

Высокое развитие у обезьян получает ориентировочно- исследовательский рефлекс, о котором И. П Павлов пишет; «Едва ли достаточно оценивается рефлекс, который

можно было бы назвать исследовательским рефлексом, или, как я его называю, рефлекс «что такое?», тоже один из фундаментальных рефлексов. И мы, и животное при малейшем колебании окружающей среды устанавливаем соответствующий рецепторный аппарат по направлению к агенту этого колебания. Биологический смысл этого рефлекса огромен». На основе развития ориентировочно-исследовательского рефлекса возникает характерное для обезьян «любопытство» — стремление всматриваться во всякий новый предмет, хватать его и манипулировать с ним.

Всё сказанное помогает понять, почему у обезьян появились те зачатки мыслительной деятельности, которые составляют высшую ступень психического развития в животном мире.

8. СОЗНАНИЕ ЧЕЛОВЕКА

1) Роль труда и языка в развитии сознания

Сознание человека возникло в результате перехода от животного существования к трудовой деятельности. Животное *приспособляется* к природе, человек же *изменяет* природу для удовлетворения своих потребностей.

Своеобразием этой производственной, трудовой деятельности, составляющей основное, решающее отличие человека от его животных предков, определяются и особенности сознательной психики человека.

Для труда характерны прежде всего две связанные друг с другом черты: 1) *употребление и изготовление орудий* и 2) *общественный, коллективный характер трудовой деятельности.*

«Процесс труда, — говорит Энгельс, — начинается только при изготовлении орудий». Предпосылки для этого создались, как мы видели, уже у обезьян. Такими предпосылками являлись частичное освобождение руки от функции передвижения и приспособление её к функции хватания, развитие способности к манипулированию вещами под контролем зрения, развитие зачатков мыслительной деятельности. Потребовался, однако, ещё один решающий шаг — переход к прямой походке и *полное* освобождение руки от функции передвижения, чтобы перейти от случайного

использования орудий высшими обезьянами к трудовой деятельности первых людей, *основанной* на изготовлении и употреблении орудий.

Многочисленными опытами доказано, что обезьяна иногда может использовать палку, сук или другой длинный предмет, для того чтобы достать приманку (банан, апельсин), до которой она не может дотянуться рукой. Однако имеется существеннейшее различие между настоящим орудием труда и палкой, которую обезьяна использует как «орудие» доставания банана. Это различие связано с коллективным характером труда. Труд возник как коллективная деятельность, и с самого начала орудия труда характеризовались определённым *способом употребления*, выработанным данным коллективом и известным данному коллективу. Поэтому орудия могли изготовляться «впрок» и храниться коллективом. Ничего подобного мы не находим у обезьян. «Способ употребления» палки для добывания банана не закрепляется за этой палкой и не становится свойством её, известным целой группе обезьян. Употребление палки как «орудия» имеет случайный, эпизодический характер. Поэтому животные никогда не хранят своих «орудий».

Употребление орудий связано с осознанием некоторых устойчивых постоянных свойств предмета и столь же устойчивых отношений этого предмета к другим. Нельзя изготовлять и употреблять орудие, не сознавая, что оно является средством добывания пищи или одежды, не сознавая, следовательно, того отношения, которое оно имеет к тем вещам, которые при помощи него добываются. А чтобы изготовлять впрок и хранить орудие, нужно сознавать, что это отношение имеет постоянный, устойчивый характер. *Осознание постоянных свойств предмета и его отношений к другим предметам* — один из важнейших признаков перехода от зачатков мыслительной деятельности, наблюдаемых у животных, к сознательному человеческому мышлению.

Коллективный характер труда предполагает известное сотрудничество индивидов, т. е. некоторое, хотя бы самое элементарное, разделение трудовых операций. Такое разделение возможно лишь в том случае, если каждый индивид *сознаёт* связь своих действий с действиями других членов коллектива и тем самым с достижением конечной цели.

Возьмём, например, деятельность загонщика в условиях первобытной коллективной охоты. Что побуждает его к деятельности? — Потребность в мясе или шкуре животного. Конечная цель, которую преследуют все участники охоты, — завладеть мясом и шкурой животного. Однако непосредственная цель действий загонщика совсем другая — вспугнуть зверя и погнать его от себя. Какой смысл имели бы эти действия, если бы загонщик не осознавал связи своих действий с действиями других участников охоты и тем самым с достижением конечной цели — получением мяса и шкуры животного? Очевидно, действия загонщика возможны лишь потому, что он осознаёт свои действия как средства, ведущие к достижению конечной цели охоты.

Таким образом, в условиях коллективного труда деятельность человека становится *целенаправленной*, т. е. она предполагает осознание *цели и тех средств, которые ведут к достижению этой цели*. В этом одно из коренных отличий человеческой деятельности и сознания от поведения и психики животных [1].

Сознание появилось одновременно *с речью, т. е. общением людей друг с другом посредством языка*. «Язык, — писал Маркс, — так же древен, как и сознание». И. В. Сталин указывает: «История не знает ни одного человеческого общества, будь оно самое отсталое, которое не имело бы своего звукового языка».

У животных нет языка. Правда, животные нередко воздействуют друг на друга с помощью звуков голоса. Примером могут служить хотя бы сигналы, подаваемые сторожевыми птицами в стае. Как только человек или хищное животное приблизится к стае журавлей, спустившейся на луг, сторожевая птица издаёт пронзительный крик и с шумным хлопаньем крыльев поднимается в воздух, а вслед за ней

[1] «Разделение труда» у таких животных, как пчёлы, муравьи и т. п., имеет лишь внешнее и притом очень поверхностное сходство с подлинным разделением труда, возникающим лишь у человека. Деятельность насекомых никогда не имеет коллективного характера; в их деятельности нет взаимопомощи. При поверхностном наблюдении может казаться, что, например, муравьи «совместно» тащат добычу в муравейник. Более тщательное наблюдение показывает, однако, что каждый муравей тащит добычу в свою сторону, и только потому, что большинство муравьёв движется в сторону муравейника, добыча, в конечном итоге, передвигается в эту сторону.

снимается и вся журавлиная стая. Однако эти случаи только внешне похожи на речевое общение людей. Птица издаёт крик не с сознательной целью известить птиц о приближающейся опасности; крик есть часть инстинктивной реакции на опасность, реакции, включающей в себя, кроме крика, ещё хлопанье крыльев, взлёт и т. д. Другие же птицы взлетают не потому, что они «поняли значение» этого крика, а в силу инстинктивной связи между этим криком и взлётом.

Условными сигналами для животного могут быть самые различные предметы или отдельные свойства их, совпадающие по времени с появлением пищи или приближением опасности. Такая сигнализация, обеспечивающая ориентировку в среде по свойствам и признакам окружающих предметов и явлений, имеющая общие закономерности для высших животных и человека, была названа И. П. Павловым *первой сигнальной системой.*

У человека в отличие от животных в процессе труда и общественной жизни развился звуковой язык. Слова и сочетания слов, которые мы слышим, видим или ощущаем при произнесении, также сигнализируют собой определённые предметы или отношения окружающих нас вещей. Это составляет *вторую сигнальную систему,* являющуюся продуктом общественной жизни и образующую специально человеческую «прибавку», не имеющуюся у животных.

«В развивающемся животном мире на фазе человека, — пишет И. П. Павлов, — произошла чрезвычайная прибавка к механизмам нервной деятельности. Для животного действительность сигнализируется почти исключительно только раздражениями и следами их в больших полушариях, непосредственно приходящими в специальные клетки зрительных, слуховых и других рецепторов организма... Это — первая сигнальная система действительности, общая у нас с животными. Но слово составило вторую, специально нашу, сигнальную систему действительности, будучи сигналом первых сигналов».

О значении словесных воздействий И. П. Павлов пишет: «слово для человека есть такой же реальный условный раздражитель, как и все остальные общие у него с животными, но вместе с тем и такой многообъемлющий, как никакие другие, не идущий в этом отношении ни в какое количественное и качественное сравнение с условными раздражителями

животных. Слово, благодаря всей предшествующей жизни взрослого человека, связано со всеми внешними и внутренними раздражениями, приходящими в большие полушария, все их сигнализирует, все их заменяет и потому может вызвать все те действия, реакции организма, которые обусловливают те раздражения».

Вторая сигнальная система неразрывно связана с первой; у человека всегда имеет место взаимодействие обеих сигнальных систем. Вторая сигнальная система позволяет в обобщённом виде сохранять накопленные знания, служит общению между людьми и лежит в основе механизма человеческого мышления. Через вторую сигнальную систему, в её взаимодействии с первой, осуществляется решающее влияние общественных условий на развитие сознания человека; через вторую сигнальную систему сознание человека проявляется в его общественной деятельности.

Речь возникла в процессе коллективного труда, когда у формировавшихся людей неизбежно должна была появиться *«потребность что-то сказать друг другу» (Энгельс).* Одновременно формировался и орган человеческого сознания — кора большого мозга человека. «Сначала труд, — как указывает Энгельс, — а затем и рядом с ним членораздельная речь явились самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьян мог постепенно превратиться в человеческий мозг, который, при всем сходстве в основной структуре, превосходит первый величиной и совершенством».

Мозг человека отличается от мозга всех животных, в том числе и высших обезьян, прежде всего по своему размеру: средний вес головного мозга человека — 1400 г, тогда как средний вес мозга человекообразных обезьян от 400 до 500 г.

Исключительно высокое развитие имеет у человека *кора больших полушарий*. Она представляет собой пластинку толщиной в 3—4 мм, облегающую снаружи большие полушария. При микроскопическом исследовании обнаруживается, что кора состоит из ряда слоёв, отличающихся друг от друга по типу и функциям имеющихся в них нервных клеток. Отходящие от этих клеток нервные волокна связывают их с органами чувств, с органами движения, а также образуют связи между клетками. В коре насчитывается около 16 миллиардов нервных клеток.

Кора большого мозга человека является целостным органом, отдельные части которого, выполняющие различные функции, теснейшим образом связаны друг с другом.

Параллельно с развитием мозга шло развитие его ближайших орудий — органов чувств и органов движения. Важнейшее значение на первых этапах имело развитие руки, являвшейся у формировавшихся людей и органом трудовых движений, и органом познания вещей посредством осязания. Не меньшее значение получило и развитие человеческого голосового аппарата, способного производить членораздельные звуки, человеческого уха, способного воспринимать членораздельную речь, и человеческого глаза, способного замечать в вещах то, что недоступно ни одному из животных.

Основные принципы работы коры головного мозга, общие для человека и высших животных, изложены выше, в § 3.

Учение И. П. Павлова о второй сигнальной системе и её взаимодействии с первой указывает на специфически человеческие механизмы высшей нервной деятельности.

Основные законы высшей нервной деятельности, установленные И. П. Павловым, являются общими для всех людей. Но содержание психической жизни человека определяется в первую очередь воздействием общественных условий, в которых человек живёт и действует. С изменением общественной жизни существенным образом меняется психология людей, как совокупность исторически обусловленных особенностей, привычек, знаний, мыслей и чувств. Эти изменения в духовном облике людей представляют собой то, что отличает человека одной исторической эпохи от другой, одного класса от другого.

2) Общественно-историческая обусловленность сознания

Сознание человека возникло в результате перехода наших предков к трудовой, производственной деятельности. Но «производство, — говорит И. В. Сталин, — есть всегда и при всех условиях *общественное* производство». И мы видели, что все основные особенности человеческого сознания объясняются прежде всего коллективным, общественным характером труда. Поэтому *развитие сознания,*

развитие человеческой психики обусловливается ходом общественно-исторического процесса.

Развитие это выражалось прежде всего в *возникновении новых потребностей.*

Животное побуждается к деятельности всегда одними и теми же биологическими, инстинктивными потребностями. Выработка новых форм поведения, новых способов действия не связана у животного с появлением новых потребностей. Когда у собаки вырабатывается условный рефлекс на новый раздражитель, например на световой сигнал, то это не значит, что у неё возникает новая потребность, в данном случае — потребность в свете. Выработка новых форм поведения побуждается всё той же потребностью в пище, и собака реагирует на свет только потому, что он стал сигналом пищи.

Не так обстоит дело у человека. Удовлетворение в труде первых потребностей вело к развитию, утончению этих потребностей, а затем и к появлению новых.

Развитие потребностей создавало новые побуждения для человеческой деятельности и вело к постоянному усложнению её. Оно же сообщило человеческой психике богатство и широту, которые так резко отличают её от скудной психической жизни животных.

В *деятельности*, направленной на удовлетворение потребностей, *создавались и развивались способности человека*. Способности восприятия создавались по мере того, как деятельность человека требовала всё более тонкого и совершенного различения предметов действительности. Мыслительные способности развивались в силу того, что деятельность человека требовала от него всё более глубокого осмысливания связей и зависимостей между вещами и явлениями. Воля и способность к произвольному сосредоточению внимания развивались потому, что процесс труда требовал напряжения, усилий, требовал длительного сосредоточения внимания на предмете работы.

Чем шире и разнообразнее становилась деятельность человека, тем шире и разнообразнее становились его способности. В процессе развития науки формировались способности научного мышления, развитие музыки вело к развитию музыкального слуха.

Овладевая природой, человек научался владеть и собой. В отличие от животных он способен сознавать своё отношение к вещам, сознавать свои чувства, потребности, влечения.

На основе осознания своих чувств и влечений, под влиянием требований общественной жизни и деятельности развивалась у человека способность владеть этими чувствами и влечениями, *способность сознательно регулировать своё поведение*. На этом пути формировались основы воли и характера человека.

Психическое развитие животных управляется биологическими законами, в том числе законами наследственности. В развитии психики человека эти факторы отступают на задний план перед другими, более существенными.

Уже в первых орудиях труда, как мы видели, закреплялся коллективный, *общественный опыт*. Овладевая орудием, первобытный человек овладевал общественным опытом. В этом уже заключался совершенно новый фактор психического развития, не известный миру животных. Другим средством передачи общественного опыта явилась речь, сначала устная, а затем и письменная. Благодаря речи опыт и знание всех людей могут стать достоянием каждого и передаваться из поколения в поколение.

Ребёнок в процессе воспитания и обучения овладевает наследием, созданным всеми предшествующими поколениями.

Сознание человека определяется общественным бытием. Сознание меняется вслед за изменением экономических или производственных отношений людей, т. е. тех отношений, в которые люди вступают между собой в процессе борьбы с природой за удовлетворение своих потребностей, в процессе производственной деятельности. «История показывает, — говорит И. В. Сталин, — что если в разные времена люди проникались различными мыслями и желаниями, то причина этого в том, что в разные времена люди по-разному боролись с природой для удовлетворения своих потребностей, и, в соответствии с этим, по-разному складывались их экономические отношения».

Сознание человека отличалось одними чертами в эпоху первобытно-общинного строя, когда люди боролись с природой сообща, когда они не знали частной собственности. Оно приобретает другие черты с появлением частнособственнических отношений, когда возникает деление общества на классы и классовая борьба между эксплуататорами и эксплуатируемыми составляет основную черту общественного строя; так обстоит дело при рабовладельческом, феодальном и капиталистическом строе.

В классовом обществе психические черты, характеризующие типичных представителей определённых классов, являются следствием того места, которое занимает этот класс в производстве. Нельзя, например, понять и научно объяснить важнейшие психические особенности таких героев «Мёртвых душ», как Собакевич, Коробочка, Плюшкин, если не исходить из их классовой природы, если смотреть на них только как на людей «вообще», не принимая во внимание, что это русские помещики 30 — 40-х годов XIX в. Нельзя понять психологию героев Горького, если не видеть в них представителей определённых классов буржуазии (например, члены семьи Артамоновых, Егор Булычёв), рабочего класса (Павел Власов, Ниловна и другие действующие лица романа «Мать»).

Величайший исторический переворот — Великая Октябрьская социалистическая революция — положил начало глубочайшим изменениям в человеческом сознании. С переходом к советскому строю начинается новый этап в историческом развитии человека, освобождённого теперь от порабощающих его отношений частной собственности. Духовный облик советского человека качественно отличен от облика представителей различных классов капиталистического общества. В нашей стране, в которой завершается строительство социализма и осуществляется переход к коммунизму, происходит и величайшая перестройка сознания людей.

«Мы сегодня не те, что были вчера,—говорил А. А. Жданов,— и завтра будем не те, что были сегодня. Мы уже не те русские, какими были до 1917 года, и Русь у нас уже не та, и характер у нас не тот. Мы изменились и выросли вместе с теми величайшими преобразованиями, которые в корне изменили облик нашей страны».

Историческое развитие сознания никогда не протекает как процесс гладкий, ровный, спокойный. В процессе развития всегда происходит *борьба старого и нового, отживающего и развивающегося, пережитков прошлого и зародышей будущего*. При этом надо принять во внимание, что первичным, исходным является изменение общественных отношений людей, а вторичным, производным — изменение их сознания. «...Сначала изменяются внешние условия, сначала изменяется положение людей, а затем соответственно изменяется их сознание» *(Сталин)*. Это изменение сознания не происходит сразу. Даже после того, как ясно

определились новые черты сознания, когда они стали характерными, ведущими чертами, ещё продолжают давать себя знать в течение некоторого времени пережитки прошлого в сознании, и борьба с этими пережитками может принимать очень острые формы.

Развернувшееся в 1929—1930 гг. массовое вступление крестьян в колхозы и крутой поворот советской власти от политики ограничения кулачества к политике ликвидации, уничтожения его как класса знаменовали собой глубочайший революционный переворот, переход общества в новое качественное состояние. Следствием этого явились глубочайшие сдвиги в психологии крестьян. Эти сдвиги ярко показаны М. А. Шолоховым в романе «Поднятая целина». С точки зрения борьбы старого и нового в сознании крестьянина при переходе от единоличного к колхозному хозяйству особенно поучителен образ Кондрата Майданникова.

Кондрат Майданников — крестьянин-середняк. Одним из первых он подал заявление в колхоз и на собрании, где обсуждался вопрос об организации колхоза на хуторе Гремячий Лог, горячо призывал к этому других. Но переход к новой жизни был связан и у него с большой внутренней борьбой.

«Нелегко давался Кондрату колхоз! Со слезой и с кровью рвал Кондрат пуповину, соединявшую его с собственностью, с быками, с родным паем земли... Кондрат давно уже не верит в бога, а верит в коммунистическую партию, ведущую трудящихся всего мира к освобождению, к голубому будущему. Он свёл на колхозный баз всю скотину... Он — за то, чтобы хлеб ел и траву топтал только тот, кто работает. Он накрепко, неотрывно прирос к советской власти. А вот не спится Кондрату по ночам... И не спится потому, что осталась в нём жалость-гадюка к своему добру...»

Он болеет душой за общественную, колхозную собственность, показывает образец нового отношения к труду: первым в колхозе заслужил почётное звание ударника. Но он ещё не может полностью отрешиться от пережитков частнособственнической психологии. «Иду мимо лошадиных станков,— думает он в тяжёлые, бессонные ночи,—чужие кони стоят,—мне хоть бы что, а как до своего дойду, гляну на его спину с чёрным ремнём до самой репки, на меченое левое ухо, и вот засосёт в грудях... И всё норовишь ему послаже сенца кинуть, попыреистей, помельче».

Самым замечательным у Кондрата Майданникова является его глубоко сознательное отношение к оставшимся у него пережиткам частнособственнической психологии, его страстное желание бороться с ними и побороть их. Когда секретарь Гремяченской ячейки ВКП(б) предлагает ему, лучшему ударнику в колхозе, вступить в партию, он отказывается, считая себя ещё недостойным высокого звания члена партии: «Раз я ишо не отрешился от собственности, значит, мне и в партии не дозволяет совесть быть. Я так понимаю». Такое отношение к пережиткам прошлого в своей психологии является лучшей гарантией победы над этими пережитками.

За 36 лет, отделяющих нас от Великой Октябрьской социалистической революции, в корне изменилось сознание советских людей.

«Следует признать, что важнейшим завоеванием нашей революции является новый духовный облик и идейный рост людей, как советских патриотов». «Теперь советские люди не те, какими они были 30 лет назад» *(Молотов)*.

Мы знаем, что в СССР формируются люди, сочетающие умственный и физический труд, и что всё больше сближается между собой психология жителей города и деревни.

Этот новый духовный облик завоёван в постоянной борьбе с пережитками прошлого. Психические черты нового человека не приходят сами собой. Они активно воспитываются в практике строительства социалистического общества под руководством великой Коммунистической партии.

В этой воспитательной работе особенно важное значение имеют, с одной стороны, борьба с теми психическими чертами, которые отражают влияние капитализма и его идеологии и противоречат новому, социалистическому строю общества, а с другой стороны, ясное осознание тех новых черт, которые содержат в себе зародыши будущего, в которых уже просвечивает психология человека эпохи коммунизма.

Обращаясь к советским писателям, А. А. Жданов говорил: «Показать эти новые высокие качества советских людей, показать наш народ не только в его сегодняшний день, но и заглянуть в его завтрашний день, помочь осветить прожектором путь вперёд — такова задача каждого добросовестного советского писателя».

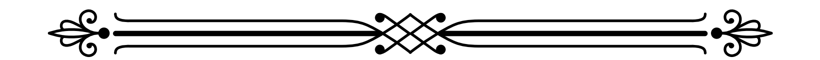
Эта же задача стоит и перед советской психологией.

Вопросы для повторения

1. В чём различие между раздражимостью и чувствительностью?
2. Что называется инстинктом?
3. Что вам известно по вопросу об изменчивости инстинктов?
4. Что представляют собой индивидуальные формы поведения животных?
5. Чем определяется процесс психического развития животных?
6. Каковы важнейшие отличия сознания человека от психики животных?

7. Какова роль труда в процессе превращения обезьяны в человека?
8. Какова роль звукового языка в развитии человечества?
9. Укажите особенности строения коры большого мозга человека.
10. В чём заключается учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах?
11. Укажите основные особенности исторического процесса развития сознания.
12. Расскажите о развитии сознания советского человека.

Глава III

ОЩУЩЕНИЯ

9. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ОБ ОЩУЩЕНИЯХ

Ощущением называется тот простейший психический процесс, который возникает в результате воздействия на органы чувств предметов или явлений материального мира и заключается в отражении отдельных свойств этих предметов или явлений.

При помощи ощущений мы узнаём свойства окружающих нас вещей: их твёрдость или мягкость, шероховатость или гладкость, их тяжесть, температуру, запах и вкус, цвета этих вещей, звуки, которые они издают. Кроме того, ощущения дают нам сведения об изменениях в нашем собственном теле: мы ощущаем движение и положение отдельных частей нашего тела, нарушения в работе внутренних органов и т. д.

Ощущения, будучи отражением свойств внешнего мира, дают материал для других, более сложных познавательных процессов: восприятий, представлений, воспоминаний, процессов мышления. «Иначе, как через ощущения, — писал Ленин, — мы ни о каких формах вещества и ни о каких формах движения ничего узнать не можем».

Материальные вещи и процессы, которые оказывают воздействие на органы чувств, называются *раздражителями*, а самый процесс этого воздействия — *раздражением*. Тот процесс, который в результате раздражения возникает в нервной ткани, называется *возбуждением*. Когда возбуждение по центростремительным нервам приходит в кору больших полушарий, возникает *ощущение*.

Весь анатомо-физиологический аппарат, необходимый для получения ощущения, И. П. Павлов предложил назы-

вать *анализатором*. Всякий анализатор состоит из трёх частей: органа чувств (рецептора), центростремительных нервов и соответственных участков мозга. Если разрушается любая из частей анализатора, возникновение соответствующих ощущений становится невозможным. Так, например, зрительные ощущения прекращаются и при повреждении глаз, и при перерезке зрительных нервов, и при разрушении соответствующих участков коры.

Необходимо обратить внимание на то, что термин «органы чувств» имеет условное значение. Он получил распространение в те времена, когда в науке ещё не было проведено ясного различия между ощущениями и чувствами. Теперь, как мы знаем, словом «чувство» обозначается особый психический процесс, существенно отличный от ощущений. Правильнее было бы поэтому называть рецепторы не органами чувств, а органами ощущений.

В таком же условном смысле слово «чувство» употребляется в выражениях: «чувство зрения», «чувство вкуса», «вибрационное чувство» и т. п., обозначающих способность иметь ощущения зрительные, вкусовые, вибрационные и т. д. Встречаясь с такими обозначениями, нужно помнить, что они относятся не к «чувствам» в настоящем смысле этого слова, а к ощущениям.

В больших полушариях представлены центральные концы анализаторов, осуществляющих различение внешних воздействий и внутренних состояний организма. «В высшем этаже центральной нервной системы, — отмечает И. П. Павлов, — мы имеем концы тончайших и бесконечно разнообразных анализаторов». Мозговой конец зрительного анализатора расположен главным образом в затылочной доле коры, слухового анализатора — главным образом в височной доле.

10. ВИДЫ ОЩУЩЕНИЙ

Все ощущения можно разделить на две группы:

1) *Ощущения, отражающие свойства вещей или явлений, находящихся вне нас*. Органы этих ощущений (рецепторы) расположены на поверхности тела или близко к ней.

2) *Ощущения, отражающие движения отдельных частей нашего тела и состояние наших внутренних органов*. Органы этих ощущений (рецепторы) расположены в глубине тканей (например, мышц) или на поверхности внутренних органов (например, в стенках желудка, дыхательных путей).

К первой группе относятся ощущения зрительные, слуховые, обонятельные, вкусовые и кожные.

1. Зрительные ощущения. Раздражителем для органа зрения является свет, т. е. электромагнитные волны, имеющие длину от 390 до 800 миллимикронов (миллимикрон — миллионная часть миллиметра).

Всё, что мы видим, имеет какой-либо цвет. Бесцветным может быть только предмет совершенно прозрачный и, значит, невидимый. Поэтому мы можем сказать, что зрительные ощущения — это ощущения цветов.

Все цвета делятся на две большие группы: цвета *ахроматические* и цвета *хроматические*. К ахроматическим цветам относятся белый, чёрный и все серые, к хроматическим — все остальные, т. е. красные, жёлтые, зелёные, синие со всевозможными оттенками.

2. Слуховые ощущения. Раздражителем для органа слуха являются звуковые волны, т. е. продольные колебания частиц воздуха, распространяющиеся во все стороны от источника звука.

В звуковых волнах различают: частоту колебаний, амплитуду, или размах, колебаний и форму колебаний. Соответственно этому слуховые ощущения имеют следующие три стороны: *высоту* звука, которая является отражением частоты колебаний, *громкость* — отражение амплитуды колебаний и *тембр* — отражение формы колебаний. Наш орган слуха чувствителен к колебаниям в пределах от 16 колебаний в секунду до 20 000 колебаний в секунду. Колебания с частотой больше 20 000 колебаний в секунду, недоступные для нашего слуха, называются ультразвуком.

Звуки по характеру вызываемых ими ощущений разделяются на *музыкальные звуки* (звуки пения, музыкальных инструментов, камертонов) и *шумы* (всевозможные скрипы, шорохи, стуки, треск, грохот и т. п.). Речь состоит как из музыкальных звуков (главным образом в гласных), так и из шумов (главным образом в согласных).

3. Обонятельные ощущения. Органами обоняния являются обонятельные клетки, расположенные в верхней части носовой полости. Раздражителем для органа обоняния служат частицы пахучих веществ, проникающие в нос вместе с воздухом.

4. Вкусовые ощущения. Раздражителями для органа вкуса — вкусовых почек — служат растворённые (в воде или слюне) вкусовые вещества.

Вкусовые ощущения имеют четыре различных качества: сладкое, кислое, солёное и горькое. Разнообразие вкусов различных кушаний в значительной мере зависит от присоединения к вкусовым ощущениям обонятельных. Если совершенно исключить обоняние, вкус чая, кофе и хинина в соответствующих растворах становится одинаковым.

5. Кожные ощущения. Кожа, а также слизистая оболочка рта и носа могут давать ощущения четырёх видов: а) ощущения прикосновения, или *тактильные ощущения*, б) *ощущения холода*, в) *ощущения тепла* и г) *ощущения боли*. Одни точки кожи дают только тактильные ощущения (точки прикосновения), другие— только ощущения холода (точки холода), третьи — только ощущения тепла (точки тепла), четвёртые — только ощущения боли (точки боли). Легко простым опытом убедиться в существовании точек холода. Для этого нужно кончиком карандаша, слегка прикасаясь к коже, медленно провести по закрытым векам; время от времени будет получаться мгновенное ощущение холода.

Чувствительность разных участков кожи к каждому из этих четырёх видов ощущений различна. Чувствительность к прикосновению больше всего на кончике языка и на кончиках пальцев, т. е. на самых подвижных органах; спина же, например, очень мало чувствительна к прикосновению. Совсем иначе распределяется болевая чувствительность: наиболее чувствительна к боли кожа спины, щёк, а наименее чувствительна кожа на кончиках пальцев и на ладони. Таким образом, те участки кожи, которыми мы больше всего пользуемся для ощупывания, наименее болезненны; они сильнее всего «закалены» против боли. Что касается ощущений тепла и холода, то наиболее чувствительны к ним те части кожи, которые обычно прикрыты одеждой: кожа поясницы, живота, груди.

Ко второй группе относятся двигательные ощущения, ощущения равновесия и органические ощущения.

1. Двигательные ощущения. Рецепторы их находятся в мышцах, сухожилиях и на суставных поверхностях. Двигательные ощущения доставляют сигналы о степени сокращения мышц и о положении наших членов, о том, например, насколько согнута рука в плечевом, локтевом или луче-запястном суставе.

Сочетание кожных и двигательных ощущений, получающихся при ощупывании предметов, т. е. при прикосновении к ним движущейся руки, *называется осязанием*.

Органом осязания является рука со всеми её кожными, мышечными и суставными рецепторами. Рука как орган осязания впервые появляется у обезьян, но полного развития достигает лишь у человека, став у него орудием труда.

Кожные ощущения сами по себе сигнализируют только о факте прикосновения предмета к телу и о месте этого прикосновения. Когда муха садится нам на лоб, мы легко замечаем это, но так же легко можем быть введены в заблуждение и принять за муху прикосновение соломинкой, кисточкой, травинкой или бумажкой. Чтобы точнее определить свойства прикасающегося к коже предмета, его твёрдость, мягкость, шероховатость, гладкость, форму, очертания и т. д., нужно его ощупать. Например, ощущения твёрдости и мягкости зависят главным образом от того, какое сопротивление оказывает тело при давлении на него; поэтому нельзя определить степень твёрдости или мягкости предметов без участия двигательных ощущений.

2. Ощущения равновесия. Рецепторы их находятся во внутреннем ухе и дают сигналы о движении и положении головы. Эти ощущения играют чрезвычайно большую роль в лётном деле; поэтому при определении пригодности к работе лётчика всегда испытывается деятельность этих органов.

3. Органические ощущения. Рецепторы их находятся в стенках большинства внутренних органов: пищевода, желудка, кишечника, кровеносных сосудов, лёгких и т. д. К числу органических относятся ощущения, которые мы имеем при голоде, жажде, насыщении, тошноте, внутренних болях и т. п. Пока мы вполне здоровы, сыты, вообще когда работа внутренних органов происходит нормально, мы не замечаем почти никаких органических ощущений; они главным образом дают сигналы о нарушениях в работе внутренних органов. Исследования павловской школы, прежде всего работы К. М. Быкова, показали, что импульсы, направленные в кору от внутренних органов, не осознаваясь отчётливо, лежат в основе общего «самочувствия» человека. Внутренние анализаторы контролируют, проверяют химический состав и давление крови, состояние органов и их работу; при этом они могут вступать во временную связь с анализаторами, приносящими сведения о внешних предметах.

11. ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТЬ И ПОРОГИ

Чувствительностью, как мы знаем, называется способность иметь ощущения. Следует различать: *абсолютную чувствительность* и *чувствительность к различению*. Под абсолютной чувствительностью разумеется способность ощущать слабые раздражения, а под чувствительностью к различению — способность ощущать слабые различия между раздражениями.

Не всякое раздражение вызывает ощущение. Мы не ощущаем прикосновения падающих на нашу кожу пылинок, не слышим с другого конца комнаты тиканья карманных или ручных часов. Для того чтобы возникло ощущение, нужно, чтобы сила раздражения достигла некоторой определённой величины. Эта *минимальная величина раздражения, дающая едва заметное ощущение, называется абсолютным порогом ощущения*. Раздражения, величина которых лежит *ниже порога*, не дают ощущения.

Чем *меньше* величина порога ощущения, тем *больше* абсолютная чувствительность к данным раздражителям. Если один человек впервые ощущает прикосновение при давлении 3 *г* на 1 *мм*^{2} поверхности кожи, а другому необходимо для этого 6 *г* на 1 *мм*^{2}, то это значит, что порог тактильных ощущений у второго вдвое больше, а абсолютная чувствительность вдвое меньше, чем у первого.

Абсолютная чувствительность наших органов чувств чрезвычайно велика. По отношению к зрению, например, С. И. Вавилов экспериментально показал, что при наиболее благоприятных условиях глаз способен ощущать лучистую энергию, равную всего нескольким квантам. Если предположить полную прозрачность атмосферы, то мы могли бы увидеть с расстояния в 1 километр источник света, равный тысячным долям свечи. Ни один физический прибор не имеет такой чувствительности к свету. Необычайно высока и чувствительность нашего обоняния, обнаруживающего присутствие в воздухе таких количеств вещества, которые не могут быть открыты никакими методами химического анализа. Достаточно, например, наличия одной стомиллионной доли миллиграмма искусственного мускуса в литре воздуха, чтобы мы могли ощутить запах.

Что касается *чувствительности к различению*, то для характеристики её пользуются величиной *порога различения*.

Если мы положим на руку груз в 100 *г* и затем прибавим к нему ещё 1 *г*, то этой прибавки ни один человек ощутить не может. Чтобы заметить увеличение ощущения, нужно к грузу в 100 *г* прибавить не менее 3—4 *г*. *То минимальное различие между раздражениями, которое даёт едва заметное различие ощущений, называется порогом различения.*

Порог различения силы света равен приблизительно $1/100$. Это значит, что при силе света в 100 свечей увеличение освещённости может быть замечено при добавлении 1 свечи.

Порог различения силы звука равен в среднем $1/10$. Значит, к хору в 100 человек надо прибавить не менее 10 певцов, чтобы получить едва заметное усиление звука.

Пороги различения хорошо объясняются данными, установленными И. П. Павловым относительно нервных процессов, протекающих в корковой части анализатора. В силу иррадиации возбуждения по коре действие какого-нибудь определённого раздражителя вначале не отличается от действия других, сходных с ним раздражителей. Постепенно возрастающая способность к различению ощущений (*дифференцировка*, по Павлову) объясняется концентрацией процесса возбуждения в корковой части анализатора; в основании дифференцировки лежит тормозной процесс — «заглушение сначала широко возбуждённого мозгового конца анализатора, исключая его мельчайшую часть, отвечающую данному условному раздражителю». Такое торможение, содействующее различению сходных раздражителей, было названо И. П. Павловым *дифференцировочным торможением.*

Таким образом, повышение чувствительности к различению есть не что иное, как ограничение процесса иррадиации развивающимся в соседних участках процессом торможения.

Как абсолютная чувствительность, так и чувствительность к различению не являются величиной постоянной. Они меняются в зависимости от разных условий. Наиболее важны следующие три причины изменения чувствительности. Во-первых, чувствительность изменяется под влиянием действующих на органы чувств раздражителей. Во-вторых, она может изменяться под влиянием других одновременных ощущений. В-третьих, наконец, она меняется в зависимости от условий жизни и в первую очередь от требований, предъявляемых той деятельностью,

которой человек занимается. Теперь мы подробнее рассмотрим действие каждой из этих причин.

12. АДАПТАЦИЯ

Если на органы чувств в течение некоторого времени действуют достаточно сильные раздражители, то чувствительность к этим раздражителям постепенно уменьшается. Если же раздражители очень слабы или отсутствуют вовсе, чувствительность увеличивается. Такое *изменение чувствительности под влиянием действующих на органы чувств раздражителей называется адаптацией.*

В некоторых видах ощущений адаптация очень сильна, в других — совсем незначительна. *Сильная адаптация наблюдается в тактильных, температурных, обонятельных и зрительных ощущениях, слабая — в слуховых и болевых ощущениях.*

Тактильная чувствительность при продолжающемся некоторое время прикосновении к какому-либо месту кожи очень быстро уменьшается. Опыты показали, что уже через 3 секунды ощущение давления составляет только $\frac{1}{5}$ той силы, которую оно имело сейчас же после прикосновения. Адаптация в тактильных ощущениях сказывается, например, в том, что пока мы сидим неподвижно, мы почти совсем не ощущаем давления одежды. Иногда можно наблюдать, как человек тщетно ищет очки, сдвинутые на лоб. Происходит это потому, что кожа лба очень быстро адаптируется к давлению очков и перестаёт ощущать его.

Очень сильна адаптация в температурных ощущениях. Когда, купаясь, входишь в реку, вода в первое мгновение кажется холодной, но уже после двух-трёх минут оказывается, что в воде совсем не так холодно.

Температурная адаптация ярко обнаруживается в следующем опыте. Если в течение 1—2 минут подержать одну руку в горячей воде (градусов 40), а другую в холодной (не больше 20 градусов) и затем обе руки сразу опустить в воду средней температуры (градусов 30), то эта вода будет одновременно казаться для одной руки холодной, для другой — горячей.

Чрезвычайно быстро наступает адаптация и в обонятельных ощущениях. Входя с улицы в плохо проветренную комнату, в первое мгновение очень резко

ощущаешь неприятный запах, но уже через несколько минут он перестаёт ощущаться. Опыты показали, что к запаху йода, например, полная адаптация наступает через 50— 60 секунд (запах уже не ощущается), к запаху камфоры — через 1,5 минуты, к запаху сильно пахнущего сыра — через 8 минут. Для полного восстановления обонятельной чувствительности нужен перерыв от 1 до 3 минут.

Особенно важное значение имеет адаптация в зрении.

Выходя из тёмной комнаты на яркий солнечный свет, мы в первые мгновения видим очень плохо; сильный свет слепит нас, и глаза невольно зажмуриваются. Но достаточно четырёх-пяти минут, чтобы зрение приспособилось к яркому освещению и стало функционировать нормально. Это называется *адаптацией к свету*. Обратный процесс — *адаптация к темноте* — происходит, когда мы переходим с яркого света в более или менее тёмную комнату. Сначала нам кажется, что мы попали в абсолютную тьму; мы ничего не видим и можем передвигаться только ощупью. Однако через некоторое время обнаруживается, что в комнате совсем не так уж темно, что мы можем даже различать очертания предметов. Во время пребывания в темноте чувствительность зрения увеличивается. Точные измерения показали, что это увеличение чувствительности чрезвычайно велико: после часа пребывания в темноте чувствительность может стать в 200 тысяч раз больше, чем она была на свету.

Чем объясняется такое громадное увеличение чувствительности?

Известное значение имеет тот факт, что ширина зрачка меняется в зависимости от количества света, падающего на глаз. При переходе с яркого света в темноту площадь зрачка увеличивается в 17 раз, и, следовательно, он пропускает в 17 раз больше света. Но этого недостаточно для объяснения адаптации к темноте, при которой чувствительность увеличивается не в 17 раз, а в 200 тысяч раз.

Самое важное значение имеет тот факт, что в сетчатке глаза находятся светочувствительные аппараты двух родов: колбочки и палочки. *Колбочки* заполняют центральную ямку сетчатки, куда падает изображение того предмета, на который мы смотрим. Они обладают малой чувствительностью чтобы вызвать их реакцию, нужен достаточно сильный свет. Колбочками мы видим при ярком свете;

их можно назвать *аппаратом дневного зрения. Палочки*, расположенные главным образом по краям сетчатки, обладают высокой чувствительностью: они могут реагировать даже на очень слабый свет. Палочками мы видим ночью, в сумерки, вообще при слабой освещённости; они являются *аппаратом ночного зрения.* Таким образом, адаптация к темноте связана с переходом от зрения колбочками к зрению палочками.

Не следует думать, однако, что колбочки являются менее совершенным аппаратом, чем палочки. Правда, чувствительность к свету у них меньше, и поэтому колбочковое зрение возможно только при достаточно ярком освещении. Но зато только с помощью колбочек мы можем видеть цвета и точно различать форму предметов. В глубокие сумерки, когда работает палочковое зрение, мы цветов не различаем — всё кажется серым. Точно различать форму предметов мы в этих условиях также не можем.

У чисто дневных животных в сетчатке имеются только колбочки; ночью эти животные совсем не видят. Таковы, например, куры, голуби. В сетчатке ночных животных, например сов или летучих мышей, наоборот, имеются только палочки; эти животные плохо видят днём. Наблюдаются редкие случаи, когда у человека совсем не функционирует колбочковый аппарат. Такие люди не различают цветов и видят всё серым, как на фотографии кроме того, они страдают светобоязнью, т. е. плохо видят при ярком свете. Этот недостаток называется *полной цветовой слепотой.* Гораздо чаще встречается *частичная цветовая слепот*а, при которой человек не различает некоторых цветов; такую частичную цветовую слепоту иногда называют «дальтонизмом». Бывают и такие случаи, когда не функционирует палочковый аппарат: тогда человек не видит в сумерки и вообще при слабом свете (так называемая «куриная слепота»).

Ощущениями с малой адаптацией являются, как мы уже знаем, *слуховые* и *болевые ощущения.* Звук, неизменно продолжающийся несколько минут, не перестаёт ощущаться, подобно тому как перестаёт ощущаться запах. Не перестаёт ощущаться и боль, продолжающаяся несколько времени без изменения. Небольшое уменьшение чувствительности при этом происходит, но очень медленно, так что заметить его трудно. Не бывает в слуховых ощущениях и чего-либо похожего на адаптацию к темноте. Попадая в тишину, мы не испытываем такого увеличения чувствительности, которое

позволило бы нам через некоторое время начать слышать звуки, в тысячу раз более слабые, чем те, которые мы слышим в обычных условиях.

Правда, по отношению к звукам и боли иногда происходит нечто, на первый взгляд похожее на адаптацию. Мы настолько привыкаем к непрерывному тиканью часов в комнате, что в конце концов совсем его не замечаем. В таком же смысле можно привыкнуть к боли и перестать обращать на неё внимание. Но эти случаи имеют лишь внешнее сходство с адаптацией. Моя слуховая чувствительность вовсе не ослабевает от того, что в комнате тикают часы. Достаточно мне вспомнить про них, например заинтересовавшись тем, не забыл ли я их завести, чтобы с полной ясностью услышать тиканье. В результате адаптации ослабевают или усиливаются самые ощущения, тогда как привыкание к тиканью часов означает не ослабление ощущений, а лишь другое направление внимания. Я перестаю замечать однообразный шум или боль только потому, что перестаю обращать на них внимание, но в любую минуту, как только захочу этого, могу снова заметить их. При подлинной адаптации дело обстоит иначе: сколько бы я ни хотел этого, я не могу увидеть слабый свет в первые мгновения после прихода в тёмную комнату. Адаптация зависит от изменения в работе анализаторов, и её нельзя произвольно уничтожить, обратив внимание на соответствующие ощущения.

13. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОЩУЩЕНИЙ

Чувствительность к какому-нибудь раздражителю сильно зависит от других ощущений, имеющихся в данный момент. Зависимость эта очень сложная, и не все законы, управляющие ею, изучены в настоящее время. Но одна простая закономерность действует в большинстве случаев. *Слабые раздражители увеличивают чувствительность к другим, одновременно действующим раздражителям, тогда как сильные раздражители уменьшают эту чувствительность.*

Если я должен увидеть в темноте какую-нибудь слабо светящуюся точку, то я легче увижу её, когда в поле зрения имеются другие слабо светящиеся точки. Если же в поле зрения имеется довольно сильный свет, то это затрудняет возможность увидеть слабый огонёк. Аналогичное действие оказывают на зрительную чувствительность ощущения от других органов чувств: негромкие звуки, лёгкие вкусовые или температурные ощущения повышают чувствительность зрения, тогда как очень сильные звуки или резкое охлаждение и нагревание понижают её.

Тот факт, что слабые раздражители увеличивают чувствительность к другим, одновременно действующим

раздражителям, объясняется иррадиацией возбудительного процесса, усиливающего возбуждение в окружающих участках (иррадиация, как было показано Павловым, бывает наиболее значительной именно при действии слабых раздражителей). Более же сильные раздражители, благодаря отрицательной индукции, вызывают торможение окружающих участков, и вследствие этого уменьшается чувствительность к другим раздражителям.

Одним из наиболее ярких проявлений взаимодействия ощущений является *контраст ощущений*. После сладкого пирожного яблоко кажется кислым, а если бы его съесть до пирожного, оно показалось бы сладким. После солёного раствора дистиллированная вода кажется сладковатой. Серый прямоугольник на белом фоне кажется темнее, чем на чёрном *(рис. 1)*. Тот же серый прямоугольник на красном фоне покажется зеленоватым, на жёлтом фоне — синеватым и т. д.

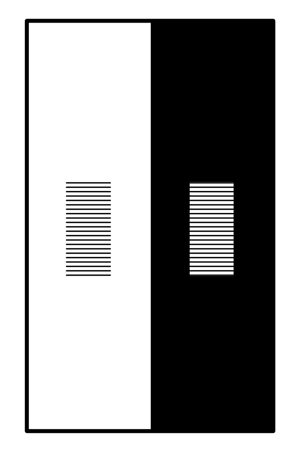

Рис. 1. Светлотный контраст.

Вследствие контраста ощущение изменяется в сторону, противоположную соседним или предшествующим ощущениям. На тёмном фоне цвета светлеют, на светлом фоне темнеют. Благодаря контрасту усиливается различие между соседними или следующими друг за другом ощущениями. Это имеет большое значение в процессе восприятия, так как ощущения более резко отделяются друг от друга.

Различные случаи контраста находят своё объяснение в свете учения И. П. Павлова. В основе усиления различия между раздражителями лежат индукционные отношения между противоположными процессами возбуждения и торможения. Влияние взаимной индукции возбуждения и торможения в корковой части анализатора проявляется как в случаях одновременного контраста (одновременная индукция),так и в случаях последовательного контраста (последовательная индукция). И. П. Павлов отмечает, что «явления взаимной индукции вполне совпадают с большой группой контрастных явлений, изученных в теперешней физиологии органов чувств».

14. ИЗМЕНЕНИЕ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ТРЕБОВАНИЙ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Мы видели, как велика может быть чувствительность органов чувств человека. Однако на деле у большинства людей развитие ощущений далеко отстаёт от тех возможностей, которые даются устройством органов чувств.

От чего же зависит развитие ощущений? — Главным образом от того, какие требования предъявляет к ощущениям жизнь и в первую очередь деятельность, которой человек занимается.

1) Слуховая чувствительность

Самая важная функция слуха для всех людей — это восприятие речи. Глухота тяжела главным образом потому, что она лишает возможности слышать речь. Неудивительно, что у всех нас слуховые ощущения развиваются в первую очередь по отношению к звукам речи, и притом не ко всяким звукам речи, а именно к звукам родного языка. Различение этих звуков, начиная с ранних детских лет, составляет для нас самую важную необходимость. Поэтому нам кажется непонятным, как можно не различать их. Однако на самом деле различие между многими звуками речи крайне незначительно и требует очень тонкой слуховой чувствительности. В этом приходится убеждаться каждому, кто хочет как следует овладеть правильным произношением на любом иностранном языке.

В русском языке, например, для понимания смысла слов необходимо отличать твёрдые согласные от мягких. Такие слова, как «мел» и «мель» или «мол» и «моль», имеют совсем разное значение, но по слуху они отличаются друг от друга только тем, что в одном случае последняя согласная твёрдая, а в другом — мягкая. Ни во французском, ни в английском, ни в немецком языке такого различия между твёрдыми и мягкими согласными нет. В этих языках значение слова никогда не может измениться от замены твёрдой согласной мягкой. Эти языки не требуют, чтобы человек различал твёрдость и мягкость согласных. Вследствие этого французу, немцу или англичанину очень трудно услышать различие между твёрдой и мягкой согласной; оно кажется им чрезвычайно тонким, почти неуловимым. И они,

обучаясь русскому языку, постоянно делают ошибки, произнося вместо твёрдой согласной мягкую или наоборот.

С аналогичными трудностями, но по отношению к другим звукам, встречается и русский, обучаясь любому из иностранных языков. Во французском языке, например, смысл слова может зависеть от того, какое произносится е: закрытое или открытое (например, nez — нос и net — чистый). Для француза различие между этими звуками представляется огромным, тогда как русскому нужно много времени и старания, чтобы научиться «слышать» это различие. В немецком и английском языках такое же значение имеет различие между долгими и краткими гласными, которого в русском языке нет.

Таким образом, у каждого человека с детства необходимо вырабатывается специальный слух к звукам своего родного языка, предполагающий очень тонкую дифференцировку близких друг к другу звуков. Хорошее овладение иностранным языком требует, чтобы был выработан аналогичный слух к звукам этого языка, а это может быть достигнуто только в процессе пользования этим языком.

В другом направлении развиваются слуховые ощущения при занятии музыкой, которая требует прежде всего очень тонкого различения отношений между звуками по высоте. В процессе занятия музыкой вырабатывается музыкальный слух.

Некоторые профессии развивают очень тонкую чувствительность к разного рода специальным звукам. Так, например, опытный лётчик слышит в звуке мотора тончайшие оттенки, по которым он судит о работе его, тогда как постороннему человеку кажется, что мотор шумит всегда одинаково.

Замечательная тонкость слуха наблюдается нередко у слепых. Многие из них могут определять размеры комнаты по тому, как раздаются в ней звуки шагов или голоса; по этим же звукам они судят о том, обставлена ли комната мебелью или пуста, имеются ли ковры на стенах или нет. Слепые хорошо узнают людей не только по голосу, но иногда и по звуку их шагов. Отмечены случаи, когда слепые различали виды деревьев (тополь, акация, масличное дерево) по шуму листьев.

Конечно, природные свойства слухового аппарата у слепых такие же, как и у зрячих, но жизнь требует от них более совершенного дифференцирования слуховых раздражителей.

По слуху они судят о том, что зрячие могут гораздо легче увидеть глазами, и поэтому они научаются различать некоторые тончайшие оттенки звуков.

2) Зрительная и осязательная чувствительность

В большинстве видов человеческой деятельности особенно большую роль играет зрение, и поэтому именно зрительные ощущения являются у большинства людей наиболее высоко развитыми. Недаром человека иногда называют «зрительным животным». Но и в области зрения наши ощущения, как правило, бывают развиты очень мало по сравнению с имеющимися у нас возможностями. Известно, например, что некоторые работники текстильной промышленности, специализировавшиеся на выработке чёрных тканей, различают до сорока оттенков чёрного цвета там, где большинство людей видит всего лишь два-три оттенка.

В некоторых видах деятельности вырабатывается не менее тонкая осязательная чувствительность. Опытные мельники могут при помощи осязаний точно определять качество муки и даже узнавать, в какой местности выросла пшеница, из которой сделана мука.

3) Обонятельная чувствительность

У огромного большинства людей обонятельные ощущения играют в жизни незначительную роль. Поэтому они остаются мало развитыми. Однако возможности развития обонятельных ощущений у человека очень велики. Это обнаруживается всякий раз, как деятельность человека начинает требовать, чтобы он руководствовался обонятельными ощущениями.

Чрезвычайное значение приобретают обонятельные ощущения у слепоглухих, т е. у людей, ещё в раннем детстве лишившихся и зрения, и слуха. Обоняние является для них главным средством, чтобы распознавать людей и предметы на расстоянии. По запаху они узнают человека, вошедшего в комнату, определяют, не был ли некоторое время назад в комнате интересующий их человек; идя по знакомой улице, они по запаху судят о том, мимо какого дома они сейчас проходят.

4) Вибрационная чувствительность у глухих и слепоглухих

Вибрационными ощущениями называются ощущения, которые мы получаем со всей поверхности нашего тела от колебаний воздуха, производимых движущимися телами. Эти ощущения не играют в нашей жизни почти никакой роли, так как гораздо тоньше мы воспринимаем воздушные колебания при помощи слуха. Поэтому в обычных условиях мы даже и не замечаем этих ощущений. Но если человек теряет слух, вибрационные ощущения приобретают для него большое значение. Известны случаи, когда люди совершенно глухие обнаруживают большую любовь к музыке, хотя они не могут слышать ни одного звука. Некоторые из них предпочитают игру на рояле и, чтобы воспринимать музыку, кладут руку на крышку инструмента. Другие охотнее «слушают» оркестр и, посещая концерты, садятся спиной к эстраде, так как спиной они лучше всего воспринимают колебания воздуха. Такие люди могут неплохо разбираться в музыке, безошибочно узнавая хорошо знакомые им произведения.

Ещё большее значение приобретают вибрационные ощущения у слепоглухих, в особенности у тех из них, которые лишены и обоняния. Слепоглухие с помощью вибрационных ощущений воспринимают стук в дверь, узнают, когда в комнату к ним кто-нибудь входит, могут даже по походке узнавать знакомых людей; на улице они с помощью вибрационных ощущений издали замечают приближение автомобиля. С некоторыми из слепоглухих удаётся разговаривать с другого конца комнаты с помощью азбуки Морзе, стуча ногой по полу; они ощущают вибрации и понимают всё, что им передают.

Такие же возможности развития вибрационных ощущений имеются и у всех нас, но они остаются обычно неиспользованными, так как мы в аналогичных случаях пользуемся другими, более совершенными органами чувств.

5) Развитие ощущений

Итак, при здоровом состоянии органов чувств возможно добиться чрезвычайной тонкости ощущений. Для этого надо ставить перед собой такие задачи, которые с необходимостью требуют высокой чувствительности в каком-либо виде ощущений. Упражняясь в такой деятельности, мы можем в сравнительно короткое время достичь значительных результатов.

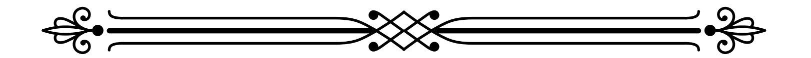
Особенно большое значение имеет с этой точки зрения занятие искусством. Живопись, рисование, выполнение всякого рода художественных работ являются самым мощным средством для всестороннего развития функций зрения. Скульптурные работы развивают наряду со зрительными и осязательные ощущения. Занятия музыкой ведут к тонкому

развитию музыкального слуха, а занятия художественной литературой, поэзией, театральным искусством поднимают на большую высоту «речевой слух». Человек с высокой культурой в области искусства обычно имеет и хорошо развитые ощущения.

Вопросы для повторения

1. Что называется ощущением?
2. Какая разница между терминами «раздражение» и «возбуждение»?
3. На какие две группы разделяются ощущения?
4. Перечислите виды кожных ощущений.
5. Какие ощущения называются двигательными?
6. Что называется осязанием?
7. Что называется абсолютным порогом ощущения?
8. Что называется порогом различения?
9. Как объяснить пороги различения в свете учения И. П. Павлова?
10. Какие условия влияют на величину чувствительности?
11. Что такое адаптация?
12. Укажите различия между палочковым и колбочковым зрением.
13. Какие вы знаете закономерности взаимодействия ощущений?
14. Какова физиологическая природа контрастных явлений?
15. От чего зависит развитие ощущений?

Глава IV

ВОСПРИЯТИЕ

15. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ВОСПРИЯТИИ

На наши органы чувств всегда действует огромное количество раздражителей, причём значительная часть из них лежит выше порога. Таким образом, мы всегда имеем множество ощущений, отражающих отдельные свойства вещей. На основе этих ощущений образуется восприятие предметов и явлений окружающей нас действительности.

Восприятием называется психический процесс отражения предметов или явлений действительности, действующих в данный момент на наши органы чувств.

Самая важная особенность восприятия заключается в том, что оно всегда отражает вещи, предметы, явления, а не отдельные лишь свойства и признаки их. В обычных условиях мы видим не цвета и не пятна света и тени; мы видим определённые предметы. Мы слышим не просто звуки разной высоты, громкости и тембра; мы слышим голос человека, шум дождя, крики играющих детей, звонки трамвая.

Прочтём несколько строк из описания весенней ночи в «Записках охотника» Тургенева. «Знаете ли вы, например, какое наслаждение выехать весной до зари? Вы выходите на крыльцо... На тёмносером небе кой-где мигают звёзды; влажный ветерок изредка набегает лёгкой волной... деревья слабо шумят, облитые тенью... Пристяжные ёжатся, фыркают и щеголевато переступают ногами; пара только что проснувшихся белых гусей молча и медленно перебирается через дорогу. За плетнём, в саду, мирно похрапывает сторож».

Здесь как бы даётся отчёт о том, что воспринимает человек, вышедший на крыльцо на исходе весенней ночи. Множество ощущений — зрительных, слуховых, температурных, тактильных и др. — возникает у него в этот момент. Но в описании Тургенева речь идёт не об этих ощущениях, а о тех предметах и явлениях, которые воспринимаются посредством этих ощущений: о звёздах на небе, деревьях, пристяжных, паре гусей, о храпящем стороже.

Возьмём фразу: «Влажный ветерок изредка набегает лёгкой волной». Откуда узнаёт человек о набегающих волнах ветерка? Конечно, из целого ряда различных ощущений. Важнейшую роль играют здесь кожные ощущения — лёгкие ощущения прикосновения в сочетании с ощущениями холода на открытых участках кожи (лицо, руки); попробуйте подуть себе на руки, и вы получите это характерное сочетание ощущений прикосновения и холода. К этим кожным ощущениям присоединяются обонятельные — лёгкий запах сырости («влажный» ветерок), слуховые—шум деревьев, колеблемых ветром, может быть, и зрительные — слабое движение тёмных пятен, какими кажутся в темноте силуэты деревьев. Все эти ощущения, выделяясь из массы других ощущений, образуют целостный образ «набежавшей волны влажного ветерка».

Так же обстоит дело и с восприятием других объектов. Из определённой группы зрительных и слуховых ощущений создаётся образ пристяжных, ёжащихся, фыркающих и переступающих ногами; движущиеся тёмные пятна определённого очертания в сочетании с очень сложной группой своеобразных звуков человек воспринимает как движения пристяжных. На основе другой группы зрительных ощущений строится восприятие пары гусей; видя светлые пятна характерной формы, передвигающиеся определённым образом, человек узнаёт гусей. Ещё одна группа зрительных ощущений образует восприятие плетня, огораживающего сад. Слыша доносящиеся с той же стороны характерные звуки, человек узнаёт в них похрапывание.

В результате восприятия в сознании возникает образ предмета или явления. В основе этого образа восприятия всегда лежат ощущения, но, однако, он не сводится к простой сумме этих ощущений. Всякое восприятие предполагает то или другое понимание, осмысливание этого образа.

Характернейшей особенностью восприятия является *называние* воспринимаемых предметов или явлений, т. е.

включение в процесс восприятия второй сигнальной системы. Именно с помощью речи, благодаря словесным обозначениям, мы обычно так легко и мгновенно воспринимаем предметы, узнаём и понимаем их.

Легко понять, какую важную роль играет в процессе восприятия *прошлый опыт* человека. Кто никогда не видел гусей иначе, как на картинке, едва ли сразу узнает их, да ещё ночью; он будет видеть что-то светлое, движущееся через дорогу, и недоумевать, что бы это могло быть.

Мы видим, таким образом, что восприятие представляет собой очень сложный процесс, в основе которого лежит выделение некоторой группы ощущений, объединение их в целостный образ, определённое понимание, или осмысливание, этого образа и узнавание соответствующего предмета или явления.

Без узнавания невозможно осмысленное восприятие. Если я говорю, что, встретив на улице знакомого, я не узнал его, то это не значит, что в данном случае не было никакого узнавания. Я ведь во всяком случае узнал, что это человек, мужчина, одетый в пальто, и т. д. Такого рода узнавание называется *неспецифическим узнаванием*. При неспецифическом узнавании мы можем лишь определить, к какой категории предметов принадлежит данный объект: это человек, это стол, это легковой автомобиль, но не узнаём индивидуальных черт и особенностей вот этого самого предмета. Если же мы узнаём именно индивидуальные черты данного человека или данного предмета, то имеет место *специфическое узнавание*; я узнаю, что это тот самый человек, с которым я на днях познакомился в поезде, я узнаю своё пальто среди множества других одежд в гардеробе театра.

16. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ВОСПРИЯТИЯ

Так как восприятие всегда включает в себя ощущения, получаемые от разных органов чувств, то и физиологические процессы, лежащие в основе восприятия, включают в себя процессы возбуждения, начинающиеся в органах чувств под воздействием предметов внешнего мира и передающиеся по центростремительным нервам в кору мозга. В зависимости от того, каким анализатором осуществляется отражение предметов и явлений внешнего мира или какой анализатор является при этом ведущим, восприятия

разделяются на зрительные, слуховые, двигательные, кожные, вкусовые и обонятельные.

Опыты по изучению условных рефлексов показали, что когда на анализатор систематически действует не изолированный раздражитель, а совокупность раздражителей (например, ряд раздражителей, предъявляемых в определённом темпе), то ответная реакция начинает зависеть не от индивидуальности каждого раздражителя, а от своеобразия их связи, их соотношения. Так, в некоторых опытах применялся звуковой раздражитель, прерывающийся определённое количество раз в минуту; оказалось, что рефлекс, выработавшийся на такое прерывистое звучание, не зависит от того, какие именно звуки при этом применяются. То же самое наблюдалось и при световых раздражителях, когда рефлекс вырабатывался на соотношение между раздражителями: одни световые сигналы могли заменяться другими, предъявляемыми с определённой частотой. Это явление было названо И. П. Павловым *рефлексом на отношение*.

Связи между отдельными раздражениями, которые были вскрыты при изучении рефлексов на отношения, играют существенную роль в процессах восприятия. Образование таких связей в слуховом анализаторе даёт возможность узнавать мелодию по соотношению входящих в неё звуков, несмотря на различие в их абсолютной высоте и силе. Образование таких связей в зрительном анализаторе обеспечивает узнавание контуров фигуры, независимо от размеров, цвета и т. п. Таким образом, восприятие целостных предметов включает в себя восприятие соотношения раздражителей.

Кроме процессов, протекающих в пределах одного анализатора, огромное значение имеют взаимосвязи анализаторов между собой. Роль временных связей в процессе восприятия можно показать на примере зрительного восприятия величины.

Зрительное восприятие величины предмета зависит прежде всего от величины изображения предмета на сетчатке глаза. Предмет, вдвое более длинный, даст и на сетчатке вдвое более длинное изображение. Однако так обстоит дело лишь при восприятии предметов, одинаково удалённых от глаз. По законам оптики величина изображения предмета на сетчатке изменяется в зависимости от

расстояния до предмета. Например, предмет вдвое более длинный, но находящийся на вдвое большем расстоянии, даст изображение такой же длины, как предмет, вдвое более короткий, но находящийся вдвое ближе. Каким же образом нам удаётся точно воспринимать величину предметов, находящихся на разных расстояниях?

Существенное значение для процесса зрительного восприятия имеют повороты глаз. При переводе взора с далёкого предмета на близкий зрительные оси глаз сводятся, и происходит поворот глаз вовнутрь. При обратном переводе взора, с близкого предмета на далёкий, имеет место разведение зрительных осей — поворот глаз наружу. Повороты глаз вызываются сокращениями и расслаблениями глазных мышц; возникающие при этом двигательные ощущения, которых мы обычно не замечаем, играют важную роль в восприятии величины предмета.

Важным является и то, что форма хрусталика при приближении и удалении предметов меняется. Это достигается опять-таки сокращением и расслаблением особой мышцы, что связано с некоторыми ощущениями, обычно нами не замечаемыми.

Зрительное восприятие величины осуществляется благодаря образованию с самого раннего детства прочной связи между раздражением, поступающим от сетчатки, а также раздражением от мышц, устанавливающих направление глаза, и от мышц, изменяющих кривизну хрусталика применительно к расстоянию. Нервные связи в коре, лежащие в основе зрительного восприятия, вырабатываются постепенно, путём длительного опыта, начинающегося с первых месяцев нашей жизни.

Нервные связи, лежащие в основе зрительного восприятия величины, являются по своему происхождению условным рефлексом. Этот сложный условный рефлекс вырабатывается в раннем детстве, когда знакомство с действительной величиной предметов происходит и путём ощупывания; осязательные раздражения играют, таким образом, роль подкрепления.

На примере зрительного восприятия величины ясно видно, как благодаря образованию устойчивых нервных связей, лежащих в основе восприятия, достигается возможность познавать во внешнем мире такие свойства, которые не доступны отдельным ощущениям.

17. АНАЛИЗ ПРОЦЕССА ВОСПРИЯТИЯ

1) Выделение объекта в восприятии

Как мы видели, важнейшее значение в процессе восприятия имеет выделение из всей совокупности ощущений определённой группы их, относящейся к данному объекту.

Я смотрю из окна на улицу и замечаю в толпе, идущей по тротуару, своего знакомого. Я начинаю следить за ним. Тогда фигура моего знакомого становится объектом восприятия, а всё остальное, что я вижу на улице: дома, мостовая, движущаяся толпа, едущие машины, образует фон, из которого выделяется этот объект.

В фойе театра я веду с кем-нибудь разговор. На фоне множества голосов, шума шагов сотен людей и других звуков речь моего собеседника выделяется для меня как объект восприятия.

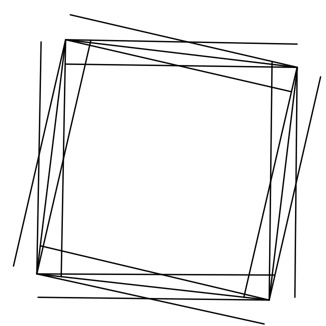

Рис. 2. Маскировка квадрата

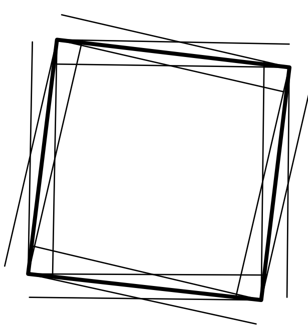

Рис. 3. Ключ к рис. 2.

В огромном большинстве случаев выделение объекта из фона совершается без всякого труда, мгновенно, «само собой». Возможны, однако, такие условия, при которых выделение объекта становится трудной задачей. Попробуйте увидать квадрат на *рис. 2*. Едва ли это вам удастся сразу. Вы, конечно, легко сообразите, что тут есть квадрат, и сумеете медленно проследить взором линии, которые его образуют. Но это ещё не значит, что вы будете «видеть» квадрат, т. е. что он будет выделяться из фона в самом восприятии. Только после того, как вы поглядите (и не один раз) на *рис. 3*, где искомый квадрат выделен жирными линиями, вы научитесь «видеть» его на *рис. 2*. Ещё труднее выделить квадрат на *рис. 4*. Здесь не сразу помогает даже и смотрение на *рис. 5*, хотя *понять* принцип выделения квадрата в этом случае совсем просто: он образуется пятыми по порядку линиями (всё равно, откуда вести счёт:

от центра или от краёв). Этот рисунок хорошо показывает разницу между «выделением объекта в восприятии» и выделением его с помощью мышления, рассуждения и т. д.

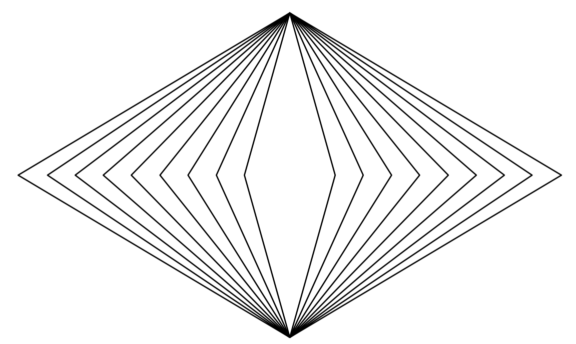

Рис. 4. Маскировка квадрата

Одним из важнейших условий хорошего наблюдения является умение легко и быстро выделять из фона объекты, имеющие значение для проводимого наблюдения.

В основе выделения объекта лежат определённые *группировки* пятен и линий в зрительном восприятии, звуков — в слуховом и т. д. Такого рода объединение отдельных элементов в группы зависит от целого ряда условий.

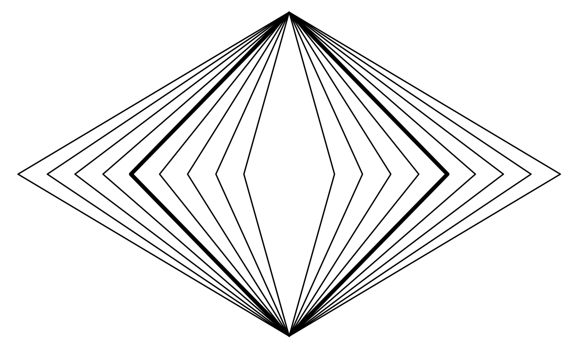

Рис. 5. Ключ к рис. 4.

В зрительном восприятии существенную роль играет *расстояние*: близко расположенные элементы объединяются в одну группу. *Рис. 6* всякий восприметкак три группы по три палочки; увидеть здесь какую-нибудь другую группировку

очень трудно. Не менее существенное значение имеет *сходство цвета*. Если прямоугольный предмет, окрашенный, как показано на *рис. 7*, наблюдать на фоне снега, то с некоторого расстояния он будет выглядеть приблизительно так, как это изображено на *рис. 8*: белые пятна, близкие по цвету к снегу, «отпадут» к фону. На этом принципе основана маскировочная окраска пятнами разных цветов:

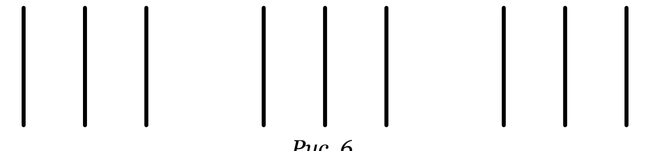

Рис. 6.

в результате «отпадения к фону» некоторых пятен форма предмета кажется искажённой.

Гораздо большее значение для результатов группировки имеют, однако, факторы другого рода. При беглом взгляде на комнату я сразу различаю столы, стулья, шкафы, картины и т. д. как отдельные, самостоятельные вещи.

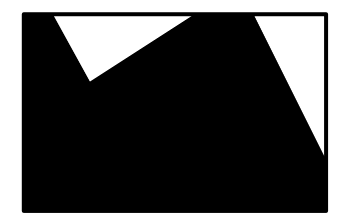

Рис. 7. Деформирующая окраска прямоугольника.

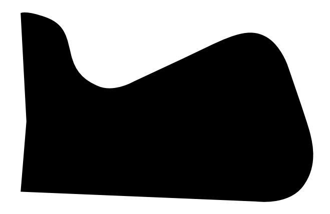

Рис. 8. Видимость издали на снегу прямоугольника, окрашенного деформирующей окраской.

Но тут я руководствуюсь главным образом не близостью отдельных воспринимаемых пятен друг к другу и не сходством их по цвету. Ножка стола может быть совсем рядом с ножками стула и иметь одинаковый с ними цвет. И всё же она объединяется не с ними, а с другими ножками того же стола, хотя они отстоят от неё гораздо дальше, и с крышкой его, хотя она обита зелёным сукном и, следовательно, совсем не похожа по цвету на ножки. Отдельные пятна

в поле зрения объединяются друг с другом на том основании, что они *соответствуют отдельным частям одного и того же предмета*. А это возможно лишь потому, что наше *восприятие имеет осмысленный характер*. Палочки на *рис. 6* не имеют для меня никакого смысла, и поэтому они группируются только по внешнему признаку пространственной близости. Но глядя на комнату, *я осмысливаю* всё, что вижу. Длинное коричневое пятно определённой формы я понимаю как ножку стола, и вследствие этого оно объединяется с пятнами, соответствующими другим частям того же стола. Такого рода *смысловые группировки*, играющие центральную роль в нашем восприятии, возможны только на основе *знакомства с предметами*, которое мы постепенно приобрели, начиная с самых первых лет нашей жизни.

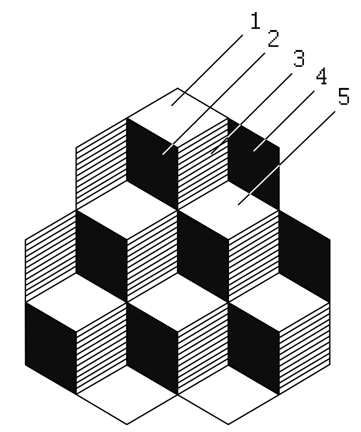

Рис. 9. Сколько кубиков?

Влияние осмысливания на группировку видно на *рис. 9*. Этот рисунок можно осмыслить, понять двумя разными способами: 1) как шесть кубиков (один в верхнем ряду, два в среднем и три в нижнем) и 2) как семь кубиков (два в верхнем ряду, три в среднем и два в нижнем). В этих случаях происходит совсем разная группировка пятен. Когда я вижу шесть кубиков, серое пятно *3* объединяется с пятнами *1* и *2*, но как только я начинаю видеть семь кубиков, оно объединяется с пятнами *4* и *5*.

2) Значение прошлого опыта для восприятия

Содержание восприятия гораздо больше, чем содержание наличных ощущений, потому что в процессе восприятия важную роль играют системы связей, возникшие в прошлом опыте.

Глядя на мрамор стола или подоконника, я воспринимаю его поверхность как твёрдую и холодную. Но ведь ни твёрдости, ни холода нельзя увидеть. Эти свойства узнаются только с помощью осязательных и температурных ощущений. Не прикасаясь к мрамору, я, конечно, не могу получить

этих ощущений. Но в прошлом я многократно получал их при прикосновении к мрамору. В результате у меня образовалась прочная связь внешнего вида мрамора с теми свойствами его, которые узнаются осязанием. Совершенно так же, глядя на мех, я воспринимаю его мягкость, ворсистость, теплоту. Известно, что некоторые вещи «выглядят» тяжёлыми, другие — лёгкими, хотя зрение само по себе не может давать ощущений тяжести или лёгкости. Всё это происходит благодаря оживлению возникших в прошлом опыте нервных связей, отражающих совокупность свойств предмета.

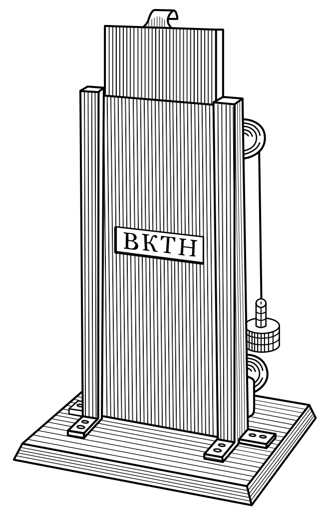

Рис. 10. Тахистоскоп.

Значение временных связей, возникших в прошлом опыте, очень ярко выступает в процессе чтения. Как показывают точные опыты, мы можем одновременно видеть с полной отчётливостью не больше шести-семи букв обычного печатного шрифта, так как изображения остальных букв уже не попадают на центральную ямку сетчатки, дающую ясное видение предметов. Однако всякий человек легко читает знакомые слова в 10—12 букв, когда они показываются всего на одну десятую секунды. Отчётливо видит он только часть букв, остальные же добавляются в силу выработавшихся связей.

Для проведения таких опытов пользуются специальными приборами, которые называются *тахистоскопами* (от греческих слов: «тахистос» — быстрейший, самый быстрый, и «скопео» — смотрю). Эти приборы позволяют показывать карточку с изображёнными на ней буквами, словами, рисунками, картинами и т. п. на любой короткий промежуток времени, начиная с тысячной доли секунды (*рис. 10*).

Умение правильно прочитать длинное слово, успев уловить лишь несколько букв, объясняется тем, что в случае прочного закрепления лежащих в основе восприятия временных связей в коре образуется соответствующий динамический стереотип. Динамический стереотип облегчает процесс восприятия и позволяет прочитать слово даже при неполном наборе обычных раздражителей, иногда лишь

по немногим буквам данного слова. Ожидая появления знакомого слова, мы сразу «схватываем» его, ибо система нервных процессов уже подготовлена к соответствующим раздражителям многократным повторением последовательности этих раздражителей в прошлом опыте.

Если новая последовательность раздражителей, попадая на пришедшую в возбуждение сложившуюся в прошлом опыте систему нервных процессов, не отвечает ей полностью, то возможно возникновение ошибок восприятия. Например, ожидая появления определённого слова, мы можем ошибочно «узнать» его в слове с неполным набором букв или с перестановкой букв.

Если показать в тахистоскопе следующий бессмысленный набор букв: «элекртечитсво», то большинство людей прочтут слово «электричество» и притом будут твёрдо уверены в том, что воспринимали именно это слово. Очевидно, что образ слова «электричество» возник в этом случае на основе закрепившейся в прошлом опыте системы временных связей, на основе прочного динамического стереотипа.

18. ИЛЛЮЗИИ

Иллюзией называется неправильное, искажённое восприятие.

Познакомимся с некоторыми иллюзиями, которые вызываются определёнными законами ощущения и восприятия и возникают при данных условиях у всех или у большинства людей.

1. Иллюзии контраста. Кроме примеров, приведённых в параграфе 12, укажем ещё на случаи, когда предмет кажется больше вследствие соседства с меньшими предметами, меньше — вследствие соседства с большими. На *рис. 11* средние кружки в действительности равны, но кажутся разными, потому что один окружён большими, а другой меньшими кружками.

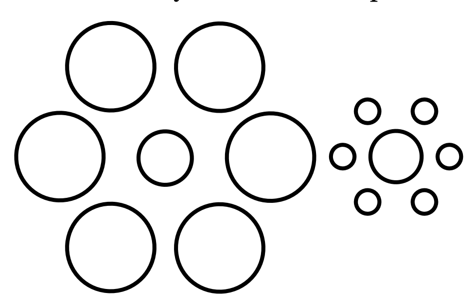

Рис. 11. Иллюзия контраста.

2. Переоценка верхней части фигуры. При делении на глаз вертикальной линии пополам неопытный человек почти всегда делает ошибку, указывая середину слишком высоко. В печатных цифрах 3 и 8 верхняя половина кажется одинаковой с нижней, тогда как на самом деле она меньше; в этом легко убедиться, перевернув книгу.

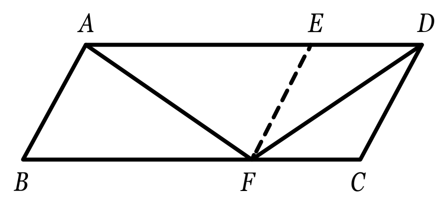

Рис. 12. Иллюзия параллелограма.

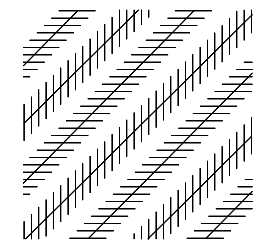

Рис. 13. Иллюзия нарушения параллельности.

3. Перенесение свойств целой фигуры на отдельные части её. Отрезок, входящий в состав большой фигуры, кажется длиннее равновеликого ему отрезка, входящего в состав маленькой фигуры. На *рис. 12* диагональ AF левого параллелограма кажется длиннее, чем диагональ FD правого параллелограма, потому что сам левый параллелограм больше правого.

4. Кажущееся изменение направления линии и искажение формы фигуры под влиянием направления других линий. На *рис. 13* и *14* параллельные линии кажутся непараллельными под влиянием направления линий, примыкающих к ним или пересекающих их. *Рис. 15* и *16* показывают, как искажаются формы квадрата и круга пересекающими их линиями.

Рис. 14. Иллюзия нарушения параллельности.

В иллюзиях большое значение может иметь наше понимание, осмысливание видимых нами линий и фигур. В некоторых случаях оно может вызывать иллюзию, в других — уничтожать её.

На *рис. 17* все три столбика одинаковы по величине, но правый кажется больше левого. Происходит это потому, что мы понимаем

данный рисунок как изображение постепенно удаляющихся от нас столбиков, а из опыта мы знаем, что при достаточном удалении видимая величина предмета должна уменьшаться. Мы знаем, что и на рисунках далёкие предметы изображаются меньшими по размеру. Если же в данном рисунке далёкий столбик нарисован в том же размере, как и близкий, то, очевидно, полагаем мы, он изображает столбик большего размера. Здесь *определённое понимание смысла рисунка вызывает иллюзию*.

Приведём обратный случай. Существует одна широко известная иллюзия: отрезки прямой, пересечённой двумя параллельными линиями, не кажутся продолжением друг друга. На *рис. 18* отрезок *CD* составляет истинное продолжение отрезка *AB*. Но он кажется как бы сдвинутым книзу, а продолжением *AB* кажется скорее отрезок *EF*. Стоит нам, однако, дополнить рисунок так, чтобы отрезки *AB* и *CD* приобрели определённый смысл — стали пониматься как части одной верёвки, которую тянут в разные стороны два человека, — и мы начинаем видеть их как продолжение друг друга (*рис. 19*). Иллюзия исчезает. Здесь *определённое понимание смысла рисунка уничтожает иллюзию*.

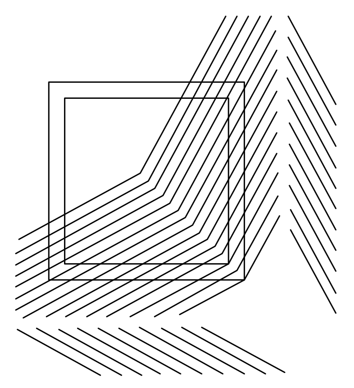

Рис. 15. Кажущееся искажение квадрата.

Истинность восприятия, как мы знаем, проверяется практикой. Достаточно измерить размеры средних кружков на *рис. 11* или диагоналей на *рис. 12*, чтобы убедиться в том, что они на самом деле равны, что впечатление о различии их, получающееся при первом взгляде на рисунок, ошибочно. Изучение различных иллюзий восприятия вскрывает причины, вызывающие в отдельных случаях искажённое, неправильное восприятие предметов. А знание этих причин помогает бороться с неправильностями восприятия, исправлять ошибки восприятия.

19. НАБЛЮДЕНИЕ

Особым видом восприятия является *наблюдение. Это преднамеренное, планомерное восприятие, предпринимаемое*

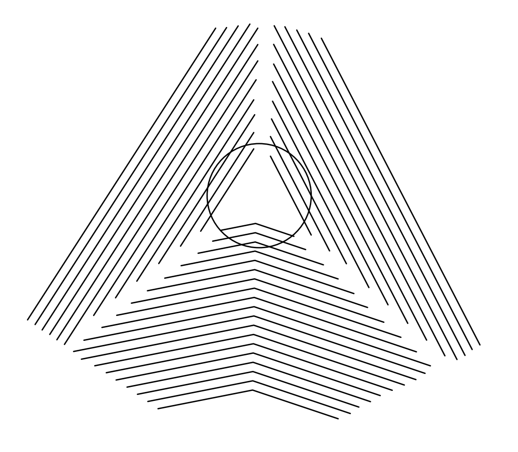

Рис. 16. Кажущееся искажение круга.

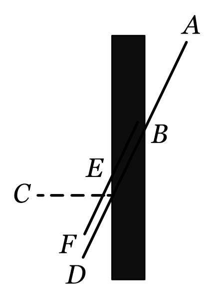

Рис. 18.
Иллюзия смещения отрезка прямой.

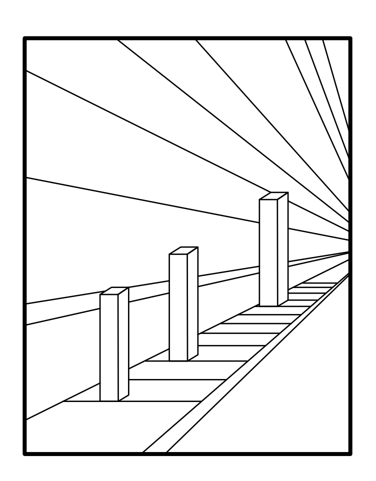

Рис. 17.
Иллюзия перспективы.

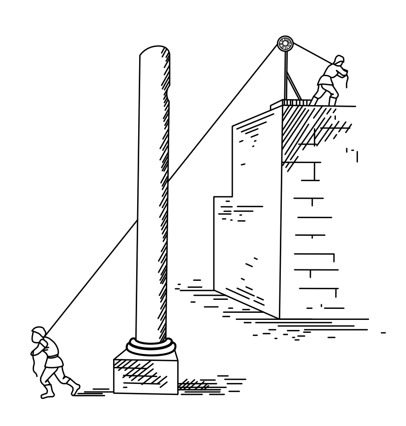

Рис. 19.
Ослабление иллюзии смещения отрезка прямой под влиянием смысла изображения.

с какой-либо определённой целью. Наблюдение — это изучение, исследование объекта, осуществляемое в процессе восприятия.

Умение наблюдать имеет огромную ценность в самых различных областях деятельности. Достаточно напомнить, с одной стороны, роль наблюдения для художника, с другой — место, которое занимает наблюдение в научном исследовании. Умение это даётся не сразу, оно воспитывается. Для приобретения его очень полезно знать, от чего зависит качество наблюдения, какими условиями оно определяется. С важнейшими из этих условий мы сейчас познакомимся.

Хорошее наблюдение предполагает прежде всего *ясную постановку задачи*. Нельзя наблюдать «вообще», не имея перед собой никакой определённой задачи. Предложите кому-нибудь стать на людном перекрёстке улиц и наблюдать. Разумный человек обязательно спросит вас, что же именно он должен наблюдать и для какой цели. Иначе говоря: какова задача его наблюдения? Задача, стоящая перед наблюдателем, организует его внимание, указывает, на что именно оно должно быть направлено. Хорошим наблюдателем мы назовём того, кто умеет подчинять своё восприятие стоящей перед ним задаче.

Наблюдение должно быть возможно более *полным* и *детальным*. Но полнота наблюдения не характеризуется просто количеством собранных сведений. Наблюдение, производимое артиллерийским наблюдателем в боевой обстановке, не станет полнее от того, что он заметит, какие растения имеются на лугу, и откроет птичьи гнёзда на соседнем дереве. Полнота наблюдения предполагает умение подмечать *всё существенное с точки зрения стоящей задачи*. В этом же смысле надо понимать и требование детальности наблюдения. Хороший наблюдатель умеет заметить мельчайшие детали, ускользающие от внимания другого человека, но не какие-нибудь вообще детали, а именно те, которые существенны с точки зрения цели и задачи наблюдения.

Успех наблюдения в сильной мере зависит от *предварительных знаний о наблюдаемом объекте*. Поэтому-то наилучшими наблюдателями являются хорошие специалисты в данном предмете. Наблюдение агронома за молодыми всходами будет тем эффективнее, чем больше он знает о посеянном сорте семян, о характере почвы, о тех агротехнических приёмах, которые могут быть использованы.

Чтобы успешно вести наблюдение, надо хорошо к нему *подготовиться*. Знания не только дают человеку возможность глубже и содержательнее мыслить; они дают ему также возможность глубже и содержательнее воспринимать вещи. Кто много знает, тот умеет и многое видеть в вещах. Знающий ботаник откроет немало важного и интересного в малозаметной травинке, в которой неосведомлённый человек не увидит ничего, достойного внимания.

Наблюдение должно быть *систематическим* и *планомерным*. Если попросить школьника лет восьми-девяти перечислить предметы, которые имеются в комнате, он немедленно начнёт называть то, что первым попадается ему на глаза, выхватывая то из одного, то из другого угла комнаты. Это пример бессистемного и непланомерного наблюдения. Очевидно, что таким путём никогда нельзя составить исчерпывающего перечня. Взрослый, получив такое же предложение, поступает в большинстве случаев иначе. Он намечает некоторый план, систему или порядок наблюдения: «начну от двери и сначала буду называть то, что стоит вдоль стен», или: «сначала перечислю все крупные вещи — столы, шкафы, диваны, потом то, что стоит на них, затем то, что висит на стенах». При более сложных и содержательных задачах и план наблюдения будет соответственно более сложным. Опытные наблюдатели обыкновенно имеют привычную, выработанную длительным опытом систему наблюдения, составляющую существенную часть их индивидуального мастерства.

Характерным признаком наблюдения является связь восприятия с *активной работой мышления*. Недаром наблюдение называют иногда «мыслящим восприятием» или «думающим восприятием».

Мыслительная деятельность в процессе наблюдения ярче всего проявляется в *сравнении* наблюдаемых вещей. Сравнивая данный объект с другим, можно легче уловить его сущность, понять, к какой категории вещей он относится и в чём его своеобразие.

Большое значение для наблюдения имеет *словесная формулировка* результатов наблюдения.

Процесс целенаправленного наблюдения не может дать плодотворных результатов, если мы ограничимся простым созерцанием объекта. Определённую сторону, черту предмета человек часто может выделить лишь тогда, когда назовёт её, обозначит её словом.

Если человек знает, что по окончании наблюдения он должен дать отчёт обо всём, что он видел и слышал, полнота и точность наблюдения значительно увеличиваются. Это объясняется тем, что, готовясь к предстоящему отчёту, мы уже в самом процессе наблюдения стремимся закрепить словами содержание восприятия: подыскать точное название предметам, которые мы замечаем, описать их отличительные особенности и т. д. А это заставляет нас до конца осмысливать воспринимаемые факты, сосредоточивать внимание на всём существенном, добиваться ясности и точности наблюдения. С этой стороны очень полезна имеющаяся у некоторых людей привычка во время путешествия, при посещении музеев, выставок, спектаклей, при случайном столкновении с интересными событиями мысленно готовить рассказ друзьям, товарищам или родным о том, что пришлось увидеть и услышать.

Чтобы стать хорошим наблюдателем, недостаточно овладеть искусством полного и точного восприятия; надо ещё приобрести искусство закреплять результаты восприятия, в той или другой форме давать отчёт о них.

Наблюдение отличается от простого восприятия тем, что здесь ведущую роль играет работа второй сигнальной системы. Весь процесс наблюдения основан на тесном взаимодействии первой и второй сигнальных систем.

20. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ВОСПРИЯТИИ И НАБЛЮДЕНИИ

Ознакомившись с тем, насколько сложен процесс восприятия, мы легко можем понять, что у разных людей он протекает неодинаково. Каждый человек имеет свою индивидуальную «манеру» воспринимать, свои привычные способы наблюдения, которые объясняются общими особенностями его личности и теми навыками, которые создались в ходе его жизни.

Перечислим наиболее характерные признаки, в которых могут выражаться индивидуальные различия в восприятии и наблюдении.

Одни люди склонны в процессе восприятия и наблюдения обращать внимание главным образом *на самые факты*, другие — *на значение этих фактов*. Первые интересуются главным образом *описанием*, вторые — *объяснением* того, что они воспринимают и наблюдают. Восприятие и наблюдение

первого типа называются *описывающими*, второго типа — *объясняющими*.

Указанные типологические различия во многом объясняются своеобразием взаимоотношения двух сигнальных систем. Склонность и способность к объясняющему типу наблюдения связаны с относительно большей ролью второй сигнальной системы.

Очень существенно различие между *объективным* и *субъективным* типами восприятия. Объективным называется восприятие, отличающееся точностью и обстоятельностью, на которое мало влияют предвзятые мысли наблюдателя, его желания и настроение. Человек воспринимает факты такими, каковы они есть, ничего не привнося от себя и мало прибегая к догадкам. Субъективное восприятие характеризуется противоположными чертами: к тому, что человек видит и слышит, тотчас присоединяются образы воображения и различные предположения; он видит вещи не столько такими, каковы они на самом деле, сколько такими, какими ему хочется их видеть.

Иногда субъективность восприятия выражается в том, что внимание человека направляется на те чувства, которые он переживает под влиянием воспринимаемых фактов, и эти чувства заслоняют от него самые факты. Нередко приходится встречать людей, которые, о чём бы они ни рассказывали, больше всего говорят о собственных переживаниях, о том, как они взволновались, испугались, растрогались, а о самых событиях, которые вызвали все эти чувства, могут сказать очень мало.

В других случаях субъективность восприятия проявляется в стремлении как можно скорее составить себе общее впечатление о наблюдаемом факте, хотя бы для этого и не было достаточных данных. Эта особенность ярко обнаруживается в опытах с тахистоскопом, когда показывается какое-нибудь слово на такой короткий срок, что прочесть его целиком заведомо невозможно. Показывается, например, слово «конторка». При объективном типе восприятия человек читает сначала «конт»; при втором показывании он может уже прочесть «контор» и, наконец, после третьего показывания — «конторка». Совсем иначе идёт процесс восприятия у представителя субъективного типа. После первого показывания он читает, например, «корзинка», после второго — «касторка», после третьего — «конторка».

При характеристике индивидуальных различий в восприятии и наблюдении важнейшее значение имеет та черта, которая называется *наблюдательностью*. Этим словом обозначается способность подмечать в вещах и явлениях признаки и черты существенно важные, интересные и ценные с какой-либо точки зрения, но мало заметные и поэтому ускользающие от внимания большинства людей. Наблюдательность не сводится к одному лишь умению вести наблюдение. Она предполагает любознательность, постоянное стремление узнавать новые факты и подробности их, своеобразную «охоту за фактами». Наблюдательность проявляется не только в те часы, когда человек специально занят наблюдениями в лаборатории, музее, на наблюдательном посту и т. д. Наблюдательным мы называем человека, который способен подмечать ценные факты «на ходу», в любых ситуациях жизни, в процессе любой деятельности. Наблюдательность предполагает постоянную готовность восприятия.

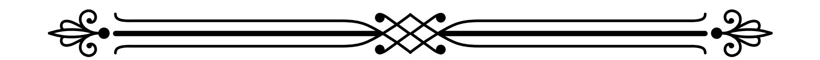
Наблюдательность — очень важное качество, ценность которого сказывается во всех областях жизни. Особенно необходима она в некоторых видах деятельности, например в работе учёного. Недаром великий русский учёный И. П. Павлов на здании одной из своих лабораторий сделал надпись: «Наблюдательность и наблюдательность».

Без наблюдательности невозможна работа писателя-художника: она даёт возможность писателю накапливать те запасы жизненных впечатлений, которые служат материалом для его произведений.

Вопросы для повторения

1. Что такое восприятие и чем оно отличается от ощущения?
2. Каковы физиологические основы восприятия?
3. Перечислите условия, от которых зависит объединение в группы (группировка) отдельных пятен и линий в зрительном восприятии.
4. Какое значение для восприятия имеет прошлый опыт?
5. Что называется иллюзией?
6. Объясните иллюзии, изображённые на *рис. 12* и *13*,
7. Что называется наблюдением?
8. Перечислите условия, от которых зависит качество наблюдения.

Глава V

ВНИМАНИЕ

21. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ВНИМАНИИ

Вниманием называется направленность сознания на определённый объект. Объектом внимания может быть любой предмет или явление внешнего мира, наши собственные действия, наши представления и мысли.

Я читаю книгу и целиком занят содержанием рассказа; я слышу разговоры, происходящие в комнате, но не обращаю на них внимания. Но вот кто-то из присутствующих начал рассказывать что-то интересное, и я замечаю, что мои глаза машинально бегают по строчкам книги, а внимание моё перешло к разговору.

И сначала, и потом я одновременно и слышал разговор, и читал книгу. Но организация моей психической деятельности была в обоих случаях совершенно различной. Сначала моё сознание было направлено на понимание читаемого; содержание книги находилось в центре, а содержание разговора на периферии, на краю сознания. Потом сознание направилось на слушание разговора; разговор стал в центре сознания, а чтение книги оказалось на краю его. Моё внимание, говорим мы, переместилось с чтения книги на слушание разговора.

В результате направленности сознания на определённый предмет он *сознаётся ясно* и *отчётливо*, тогда как все другие раздражители, действующие в то же время, переживаются более или менее смутно и неотчётливо. В то время, когда моё внимание было занято книгой, я с полной ясностью воспринимал её содержание, разговор же слышал смутно, как говорят, «краем уха». Если бы меня внезапно

спросили, о чём идёт разговор, я, вероятно, сумел бы воспроизвести только мало связанные друг с другом обрывки фраз. Но дело тотчас же изменилось, как только моё внимание перешло с книги на разговор. Теперь содержание разговора я воспринимаю с полной ясностью, а из книги до меня доходят только смутные клочки мыслей, хотя глаза и продолжают читать.

В явлениях внимания обнаруживается избирательный характер сознания: если человек обращает внимание на одни объекты, то он тем самым отвлекается от других.

Внимание нельзя назвать особым психическим процессом в том же смысле, как мы называем особыми процессами восприятие, мышление, воспоминание и т. д. Во всякий момент своей жизни человек или воспринимает что-нибудь, или вспоминает что-нибудь, или размышляет о чём-нибудь, или о чём-либо мечтает. Но не может быть такого момента, чтобы человек был занят процессом внимания. *Внимание — это свойство психики, это особая сторона всех психических процессов.*

22. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВНЕШНЕЕ ВЫРАЖЕНИЕ ВНИМАНИЯ

В основе внимания лежит один из важнейших законов работы больших полушарий мозга, подробно изученный И. П. Павловым, — *закон индукции нервных процессов* (стр. 8). Согласно этому закону, всякий возникающий в коре полушарий очаг возбуждения вызывает торможение окружающих участков. Таким образом, возбуждение никогда не распространяется равномерно по всей коре. В каждый данный момент имеется в коре один какой-нибудь участок, в котором создались наиболее благоприятные, или, как говорят, «оптимальные» условия для возбуждения. Этот участок с оптимальной возбудимостью и составляет в данный момент творческий отдел коры. С ним связана наиболее ясная работа сознания.

«Если бы можно было видеть сквозь черепную крышку, — писал И. П. Павлов, — и если бы место больших полушарий с оптимальной возбудимостью светилось, то мы увидали бы на думающем сознательном человеке, как по его большим полушариям передвигается постоянно изменяющееся в форме и величине причудливо-неправильных очертаний светлое

Рис. 20. Мимика зрительного внимания (всматривание). (Народный артист СССР М. М. Тарханов в роли Градобоева в пьесе «Горячее сердце» А. Н. Островского.)

Рис. 21. Мимика внимания, направленного на собственные мысли. (Народный артист СССР В. И. Качалов.)

пятно, окруженное на всем остальном пространстве полушарий более или менее значительной тенью». Перемещение по коре участка с оптимальной возбудимостью вызывает явления, выступающие в нашем сознании как изменение направленности внимания.

Наличие участка с оптимальной возбудимостью и закон индукции объясняют нам, как из массы разнообразных раздражителей — предметов и явлений, с которыми встречается человек, — многие затормаживаются, отодвигаются на второй план, в то время как другие усиливаются, выдвигаются на передний план. Усиление возбуждения в участке с оптимальной возбудимостью по закону взаимной индукции усиливает торможение остальных участков коры. Поэтому чем сильнее сосредоточено внимание на одном объекте, тем менее замечает человек другие объекты.

Сильное напряжение внимания обычно бывает связано с характерными внешними проявлениями.

Во-первых, возникают движения приспособительного характера, направленные к тому, чтобы лучше воспринять объект, на который направлено внимание; это движения всматривания (*рис. 20*), прислушивания и т. п. Когда внимание направлено на собственные мысли, глаза обычно «устанавливаются на бесконечность», т. е. направляются так, как при смотрении вдаль; благодаря этому окружающие предметы воспринимаются неясно и не отвлекают внимания (*рис. 21*).

Во-вторых, все лишние движения задерживаются. Для напряжённого внимания характерна неподвижность. Следствием этой задержки движений является та напряжённая тишина в аудитории или в зрительном зале театра, которая говорит о том, что лектору, оратору, артисту удалось захватить внимание аудитории.

В-третьих, наконец, при напряжённом внимании дыхание становится более поверхностным и более редким. Кроме того, меняется отношение продолжительности вдыхания к продолжительности выдыхания: вдыхания становятся более короткими, а выдыхания удлиняются. При кратковременном, но сильном напряжении внимания происходит часто полная задержка дыхания: человек слушает или смотрит, «затаив дыхание».

23. НЕПРОИЗВОЛЬНОЕ И ПРОИЗВОЛЬНОЕ ВНИМАНИЕ

Когда человек смотрит в кино интересный фильм, внимание без всяких стараний с его стороны направлено на экран. Когда, идя по улице, он внезапно услышит близко от себя резкий свисток милиционера, он «невольно» обратит на это внимание. Это — *непроизвольное внимание, направляющееся на данный объект без нашего сознательного намерения и без всяких усилий с нашей стороны.*

При непроизвольном внимании возникновение участка с оптимальной возбудимостью в коре головного мозга обусловлено непосредственно действующими раздражителями.

Но когда человек должен оторваться от интересной книги и заняться нужной, но мало увлекающей его в данный момент работой, например учить иностранные слова, ему приходится сделать над собой усилие, чтобы направить внимание в эту сторону, и, может быть, ещё больше делать усилий для того, чтобы не позволять вниманию отвлекаться, чтобы поддерживать внимание на этой работе. Если я хочу читать серьёзную книгу, а в комнате громкие разговоры и смех, я должен заставлять себя быть внимательным к чтению и не обращать внимания на разговоры.

Такое внимание называется *произвольным*. Оно отличается тем, что *человек ставит себе сознательную цель* направить внимание на определённый предмет и для осуществления этой цели применяет, когда это нужно, определённые *усилия, старания*.

При произвольном внимании участок с оптимальной возбудимостью поддерживается сигналами, идущими от второй сигнальной системы. Сознательная цель, намерение всегда выражаются в словах, чаще всего произносимых про себя (так называемая «внутренняя речь»). Вследствие образовавшихся в прошлом опыте временных связей эти речевые сигналы могут определять перемещение по коре участка с оптимальной возбудимостью.

Способность произвольно направлять и поддерживать внимание развилась у человека в процессе труда, так как без этой способности невозможно осуществлять длительную и планомерную трудовую деятельность. Во всяком деле, как бы человек ни любил его, всегда имеются такие стороны, такие трудовые операции, которые сами по себе не имеют ничего интересного и не способны привлечь к себе внимание. Необходимо уметь произвольно сосредоточивать своё внимание и на этих операциях, необходимо уметь заставить себя быть внимательным и к тому, что в данный момент не привлекает к себе. Хороший работник — это тот человек, который всегда может сосредоточить своё внимание на том, что необходимо по ходу работы.

Сила произвольного внимания человека бывает очень велика. Опытные артисты, лекторы, ораторы хорошо знают, как трудно бывает начать играть, говорить речь или читать лекцию при сильной головной боли. Представляется, что при такой боли невозможно будет довести выступление до конца. Однако стоит только усилием воли заставить себя начать и сосредоточиться на содержании лекции, доклада или роли, как боль забывается и снова напоминает о себе только по окончании выступления.

Какие же предметы способны привлекать к себе наше непроизвольное внимание? Иначе говоря: каковы причины непроизвольного внимания?

Причины эти, очень многочисленные и разнообразные, можно разделить на две категории: во-первых, *внешние особенности самих объектов* и, во-вторых, *интересность этих объектов для данного человека*.

Всякий *очень сильный раздражитель* обычно привлекает внимание. Сильный удар грома обратит на себя внимание даже очень занятого человека. Решающее значение имеет при этом не столько абсолютная сила раздражителя, сколько его *относительная сила* по сравнению с другими раздражителями. В шумном цехе завода голос человека может остаться незамеченным, тогда как среди полной тишины ночи даже слабый скрип или шорох могут привлечь внимание.

Внезапное и непривычное *изменение* также привлекает внимание. Например, если в классе со стены будет снята старая стенгазета, висевшая долгое время и уже переставшая привлекать внимание, то её отсутствие на привычном месте на первых порах будет обращать на себя внимание.

Главную роль в привлечении непроизвольного внимания играет интересность объекта для данного человека. Что же является *интересным*?

Прежде всего *то, что близко связано с жизненной деятельностью человека и стоящими перед ним задачами*, с той работой, которой он увлечён, с теми мыслями и заботами, которые эта работа в нём возбуждает. Человек, захваченный каким-нибудь делом или какой-нибудь идеей, интересуется всем тем, что с этим делом или с этой идеей связано, и, следовательно, на всё это обращает внимание. Учёный, работающий над какой-либо проблемой, сразу обратит внимание на, казалось бы, мелкую деталь, которая ускользает от внимания другого человека. Один из крупных советских изобретателей говорит о себе: «Меня интересуют принципы всех машин. Еду на трамвае и смотрю в окно, как идёт автомобиль, как он поворачивается (тогда я думал об управлении для культиватора). Я смотрю на все машины, например на лестницу пожарную, и вижу, что и её можно использовать».

Конечно, люди интересуются и не только тем, что непосредственно связано с главным делом их жизни. Мы читаем книги, слушаем лекции, смотрим спектакли и кинофильмы, которые не имеют прямой связи с нашей работой. Что же требуется для того, чтобы они могли заинтересовать нас?

Во-первых, они должны быть в какой-то мере связаны с уже имеющимися у нас знаниями; предмет их не должен быть для нас совершенно неизвестным. Едва ли человек, никогда не изучавший физики звука и ничего не понимающий в технологии металлов, может заинтересоваться лекцией на тему «Применение ультразвуков в металлургии».

Во-вторых, они должны давать нам какие-либо новые знания, содержать в себе нечто для нас ещё неизвестное. Популярная лекция на только что названную тему не будет интересна для специалиста по ультразвукам, так как содержание её известно ему целиком.

Интересно главным образом то, что даёт новые сведения о вещах, с которыми мы уже знакомы, в особенности же то, что даёт ответы на уже имеющиеся у нас вопросы. Интересно то, чего мы ещё не знаем, но что мы уже хотим узнать. На этом принципе построены обыкновенно сюжеты интересных, увлекательных романов. Автор так ведёт рассказ, что перед нами встаёт ряд вопросов (кто совершил такой- то поступок? что случилось с героем?), и мы постоянно ожидаем получить на них ответ. Поэтому внимание наше находится в постоянном напряжении.

Интерес является самым важным источником непроизвольного внимания. Интересное увлекает, захватывает наше внимание. Но было бы совсем неверно думать, что произвольное внимание никак с интересом не связано. Оно тоже руководствуется интересами, но интересами другого рода.

Если увлекательная книга захватывает внимание читателя, то тут имеет место *непосредственный интерес*, интерес к самой книге, к содержанию её. Но если человек, задавшись целью построить модель какого-нибудь аппарата, производит для этого длинные и сложные вычисления, каким интересом он при этом руководствуется? Непосредственного интереса к самым вычислениям у него нет. Интересует его модель, и вычисления являются лишь средством для того, чтобы её построить. В этом случае человек руководствуется *косвенным*, или, что то же самое, *опосредствованным интересом*.

Такого рода косвенный интерес, *интерес к результату*, имеется почти во всякой работе, которую мы производим сознательно и добровольно; иначе мы не стали бы её производить. Его достаточно, чтобы взяться за работу. Но так как самая работа неинтересна, не увлекает нас, то мы должны употреблять усилие, чтобы сосредоточить на ней своё внимание. Чем меньше самый процесс работы интересует и увлекает нас, тем более необходимо произвольное внимание. Иначе мы никогда не достигнем интересующего нас результата.

Бывает, однако, так, что работа, за которую мы сначала взялись вследствие какого-либо косвенного интереса и на которой мы сначала должны были произвольно, с большим усилием удерживать внимание, постепенно сама начинает интересовать нас. Возникает непосредственный интерес к работе, и внимание начинает уже непроизвольно сосредоточиваться на ней. Это нормальное течение внимания в трудовом процессе. С помощью одних произвольных усилий, без всякого непосредственного интереса к самой деятельности, нельзя успешно работать в течение долгого времени, так же как нельзя вести длительную работу на основе одного лишь непосредственного интереса и непроизвольного внимания; время от времени необходимо вмешательство произвольного внимания, так как в силу усталости, скучного однообразия отдельных этапов, всякого рода отвлекающих впечатлений непроизвольное внимание будет ослабляться. Итак, выполнение всякой работы требует участия и произвольного, и непроизвольного внимания, постоянного чередования их.

В итоге мы можем сказать: *центральное значение в организации внимания имеют задачи, которые ставят перед нами жизнь и та деятельность, которой мы заняты.* Исходя из этих задач, мы сознательно направляем своё произвольное внимание, этими же задачами определяются наши интересы — главные двигатели непроизвольного внимания.

24. БОРЬБА С ОТВЛЕЧЕНИЕМ ВНИМАНИЯ

Немало усилий требуется иногда, чтобы направить внимание в желательном нам направлении. Но ещё больше нужно усилий, чтобы в течение длительного времени поддерживать достаточную сосредоточенность внимания и не давать ему отвлекаться в сторону. Борьба с отвлекающими раздражениями — самая трудная из задач, стоящих перед произвольным вниманием. Несомненно, что произвольное внимание, т. е. действие сигналов второй сигнальной системы — слов видимых, слышимых и, главное, произносимых про себя, — может пересиливать действие очень сильных непосредственных раздражителей.

Чтобы изучить действие сильных, отвлекающих раздражителей, производились опыты, в которых надо было выполнять более или менее сложную умственную работу при наличии

очень резких мешающих звуков: свистков, звонков звука трубы, скрежета работающей поблизости циркулярной пилы, патефона, играющего весёлую музыку. Результаты показали, что у людей с хорошо организованным вниманием (в особенности у молодых людей) работа в подобных условиях может выполняться так же быстро и так же хорошо, как и при спокойной обстановке. Те раздражители, которые не соответствуют сознательно направляемому вниманию, полностью тормозятся, задерживаются. Однако вредное действие отвлекающих раздражителей сказывается в том, что на борьбу с ними приходится тратить много сил, и поэтому работа в подобных условиях утомляет больше, чем обычно. Стремясь сосредоточиться на работе, невзирая на помехи, человек прибегает к сильному мышечному напряжению, сжимает кулаки, иногда сжимает голову руками, время от времени резко встряхивает головой; большинство начинает в таких условиях думать, рассуждать, вычислять не про себя, а шопотом или вслух.

Больше всего отвлекает то, что сильно интересует или действует на чувства. Грохот машин не так мешает, как весёлый разговор соседей, хотя бы этот разговор происходил шопотом. Для людей, любящих и понимающих музыку, последняя является одним из самых сильных отвлекающих раздражителей, тогда как люди, равнодушные к музыке, легко могут не замечать её.

Большое значение имеет отношение человека к отвлекающим раздражениям. Шум в соседней комнате раздражает, сердит, и сплошь да рядом досада и гнев, возникающие при этом, отвлекают от работы гораздо сильнее, чем самый шум. Если нельзя устранить помеху, нужно относиться к ней спокойно; это единственный способ бороться с её отвлекающим действием.

У большинства людей наилучшее сосредоточение внимания достигается в спокойной обстановке, в уединении и тишине, когда отсутствуют всякие сильные отвлекающие раздражения. Пушкин, например, лучше всего работал в деревне, осенью и притом в дождливую погоду, когда нельзя было ни самому куда-либо отправиться, ни ждать к себе гостей. «Ты не можешь вообразить,— писал он жене,— как живо работает воображение, когда сидим одни между четырёх стен, или ходим по лесам, когда никто не мешает нам думать, думать до того, что голова закружится». Он не любил даже картин в своём кабинете, так как они могли развлекать внимание. Чайковский также стремился работать в полном уединении, избегая всяких помех и отвлечений.

Есть однако, немало людей, которые могут особенно хорошо сосредоточиться в шумной обстановке, среди множества, казалось бы мешающих и отвлекающих впечатлений. Чехов в молодые годы многие свои рассказы писал под аккомпанемент шумных разговоров и смеха многолюдного общества. Знаменитые русские композиторы Мусоргский (автор опер «Борис Годунов» и «Хованщина») и Бородин (автор оперы «Князь Игорь») охотно писали свои сочинения «на людях», например сидя в гостях.

Такие различия в манере работать отчасти зависят от выработавшейся привычки, главным же образом от индивидуальных особенностей внимания. Но каковы бы ни были эти особенности, внимание должно быть воспитано так, чтобы уметь, когда это нужно, справляться со всякими помехами.

Тот же Чайковский, которому легче всего было сочинять в условиях полного уединения и тишины, умел, однако, работать при любой обстановке, если нельзя было создать желательных условий.

Одной из причин малой продуктивности некоторых незаурядных по своим способностям людей является изнеженное, избалованное внимание, не умеющее справляться с действием отвлекающих раздражений. Вся жизнь таких людей проходит в тщетном ожидании момента, когда ничто не будет отвлекать их от работы.

25. ОСНОВНЫЕ СВОЙСТВА ВНИМАНИЯ

1) Устойчивость внимания

Устойчивым мы называем такое внимание, которое способно в течение долгого времени оставаться непрерывно сосредоточенным на одном предмете или на одной и той же работе. Противоположностью устойчивому вниманию будет внимание колеблющееся, которое то и дело ослабляется или отвлекается в сторону.

От чего же зависят такие колебания внимания и как с ними бороться?

Попробуйте в течение некоторого времени упорно смотреть с полным вниманием на какой-нибудь неподвижный предмет, например на географическую карту. Вам это не удастся.

В течение первой же минуты вы заметите, что ваш взгляд невольно отклоняется в сторону или что вы смотрите на карту машинально, без всякого внимания, а думаете о другом. В подобном положении колебания внимания неизбежно наступают у всякого человека. Специальные опыты показывают, что при бесцельном и пассивном смотрении на неподвижный

предмет невозможно сохранить полное напряжение внимания больше 5 секунд.

Совсем иначе обстоит дело, когда вы смотрите не на неподвижную карту, а на киноэкран, на котором развёртывается действие фильма. В этом случае вы можете долгое время следить за ходом действия без всяких колебаний внимания.

Вернёмся снова к географической карте. Предположим теперь, что вы не просто задались целью внимательно смотреть на неё, а что перед вами стоит задача сравнить между собой отдельные районы СССР с точки зрения обеспеченности их разными видами транспорта. Всякий знает, что в таком случае он может более или менее долгое время работать с картой без всяких колебаний внимания.

Итак, частые колебания неизбежно наступают при наличии двух условий: если внимание направлено на совершенно неизменный, неподвижный объект, с которым ничего не происходит, и если мы сами при этом пассивны, не выполняем никакой работы.

Опыты показывают, что, когда человек выполняет активную работу, не позволяющую вниманию ослабнуть или отвлечься даже на несколько секунд, полная устойчивость внимания может сохраняться в течение 10, 15 и даже 20 минут. Практически этого вполне достаточно. Отвлечься на несколько секунд после 10 или 20 минут непрерывной сосредоточенности позволяет организация всякой работы. Если же допустимы такие короткие отдыхи вниманию, оно может сохранять устойчивость и в течение нескольких часов.

Во многих видах деятельности к устойчивости внимания предъявляются очень строгие требования. Такова, например, работа стенографистки: если внимание отвлечётся хотя бы на несколько секунд, получится невосстановимый пробел в стенограмме. Такова же работа корректора: каждое колебание внимания может повлечь за собой пропуск опечатки. К этой же категории относится работа браковщика, телефонистки и т. п.

2) Объём внимания

Очень давно уже люди начали ставить перед собой вопрос: на сколько предметов может быть одновременно направлено внимание? сколько объектов оно может охватить сразу

одним актом? Это вопрос *об объёме внимания*, под которым понимается *количество объектов, охватываемых вниманием одновременно*.

Ответить на этот вопрос не легко. Когда я в театре смотрю на сцену, моё внимание как будто бы занято одновременно многими объектами, в особенности в сценах с большим количеством действующих лиц. Но если присмотреться к себе, легко заметить, что на самом деле внимание непрерывно переходит от одного действующего лица к другому, так что остаётся неизвестным, может ли оно в каждый данный момент схватывать больше одного предмета. Чтобы ответить на этот вопрос, надо, очевидно, показать человеку несколько разных объектов на такой короткий промежуток времени, чтобы внимание не успело перейти с одного объекта на другой. (Этот промежуток должен быть не больше одной десятой части секунды.) Если при таком кратком показе человек сумеет заметить, узнать, воспринять несколько объектов, значит, его внимание действительно может охватить их одновременно.

Для таких опытов, как мы уже знаем, пользуются специальными приборами, *тахистоскопами* (см. § 17). Результаты тахистоскопических опытов обнаружили, что взрослый человек может одновременно охватить вниманием четыре-пять, максимум шесть независимых друг от друга объектов. Если на карточке тахистоскопа напечатаны буквы, не связанные друг с другом и не образующие слов, то больше шести букв воспринять сразу нельзя. Таким образом, можно сказать, что *объём внимания обычно колеблется в пределах от четырёх до шести объектов*.

При этом, однако, надо отдать себе отчёт в том, что разумеется под «объектом». Для неграмотного человека, не знающего букв, далеко не всякая буква является *одним* объектом. Букву *О* он, пожалуй, воспримет как один объект («кружок»), но уже буква *Р* будет для него скорее двумя объектами: «палочка» и «кружок». В результате он никогда не сможет воспринять сразу не только шесть, но даже и четыре буквы.

С другой стороны, если мы будем показывать вполне грамотному человеку не отдельные буквы, а целые слова то окажется, что он может сразу воспринимать не шесть, а гораздо больше букв. Короткое слово в три-четыре буквы является для него одним объектом, и поэтому он может воспринять в тахистоскопе три-четыре таких слова (т. е. до 14—16 букв).

Хорошо грамотные люди читают не по буквам, а сразу целыми словами.

Важнейшим средством для увеличения объёма внимания является выработка умения воспринимать большими комплексами, т. е. видеть целую группу предметов как одно целое, как «один объект». Увеличение объёма внимания есть не что иное, как расширение участка с оптимальной возбудимостью. Это расширение происходит благодаря слиянию, объединению в одну систему процессов возбуждения, вызываемых одновременно действующими раздражителями.

Некоторые виды деятельности требуют возможно большего объёма внимания. Например, производительность работы наборщика в значительной мере зависит от того, какое количество знаков он может схватить сразу при взгляде на текст, с которого производится набор. Ещё важнее широта объёма внимания при наблюдении в боевой обстановке, где нередко исключена возможность длительно рассматривать объекты, а необходимо мгновенно заметить, узнать, сосчитать их. Большой объём внимания безусловно необходим лётчику.

Объём внимания должен учитываться при решении многих практических задач. Если нужно, чтобы надпись на плакате или объявлении могла быть понята даже при беглом взгляде, чтобы смысл её мог быть уловлен на лету, то она должна состоять не больше чем из четырёх-пяти слов (и то не очень длинных). Если надпись должна быть длиннее, из неё надо выделить (шрифтом, цветом и т. д.) три-четыре главных слова, достаточных для того, чтобы человек мог понять, о чём идёт речь.

3) Распределение внимания

Может ли внимание распределяться одновременно между двумя разными деятельностями? Может ли оно одновременно направляться в разные стороны? Может ли человек, выполняя какую-нибудь работу, следить в то же время внимательно за другими объектами или обдумывать вопрос, не относящийся к этой работе?

Практика показывает, что распределение внимания возможно. Мало того, жизнь на каждом шагу требует от нас распределения внимания. Нельзя, например, записывать объяснения учителя в классе, если не уметь распределять внимание. Учитель не прерывает своего изложения

на то время, пока я запишу сказанную им мысль. Он продолжает говорить дальше, и я должен, записывая одну мысль, в то же время внимательно слушать дальнейшее изложение. Записывание всегда несколько отстаёт от речи учителя, и внимание записывающего должно распределяться между тем, что он записывает, и тем, что говорится в данный момент.

Наблюдения показывают, что умение распределять своё внимание у разных людей чрезвычайно различно. Одни легко могут делать два дела сразу, другим это очень трудно: погрузившись в одно дело, они решительно не в состоянии замечать ничего другого. В известной степени это зависит от индивидуальных особенностей человека: у одних людей внимание *распределённое*, у других — *концентрированное*, т. е. склонное целиком сосредоточиваться в одном направлении. Но поскольку речь идёт об обычных задачах, требующихся в большинстве деятельностей, распределение внимания является главным образом делом умения, навыка.

Никакой человек не сможет одновременно делать два дела, если он ни одного из них не умеет делать хорошо, если каждое требует от него обдумывания всякого шага, внимания ко всем деталям выполнения. Чтобы успешно выполнять одновременно две работы, надо по крайней мере одной из них владеть настолько, чтобы она выполнялась в значительной мере автоматически, «сама собой», чтобы требовалось лишь время от времени сознательно контролировать и регулировать её.

Неумелый человек в то время, пока он записывает одну мысль лектора, ничего больше не слышит и не замечает. Процесс записывания настолько труден и непривычен для него, что требует полного и непрерывного напряжения внимания. Напротив, опытный человек очень мало занят самим процессом записывания. В центре его сознания находится главным образом содержание того, что говорит лектор, а записыванию он уделяет лишь незначительную часть своего внимания.

На этом и основана возможность распределения внимания. Уметь распределять внимание — значит уметь, имея в центре сознания одну деятельность, некоторое внимание уделять и другой деятельности, т. е. держать её поблизости от центра сознания.

Распределение внимания объясняется тем, что привычная деятельность, не вызывающая особых затруднений,

может управляться участками коры, находящимися в известной степени торможения. «Разве это не обычная вещь,— писал И. П. Павлов, — что мы, занятые, главным образом, одним делом, одной мыслью, можем одновременно исполнять другое дело, очень привычное для нас, т. е. работать теми частями полушарий, которые находятся в известной степени торможения по механизму внешнего торможения, так как пункт полушария, связанный с нашим главным делом, конечно, является тогда сильно возбуждённым?»

Во всех водительских профессиях (паровозный машинист, шофёр, вагоновожатый) умение распределять внимание является необходимым условием. Чрезвычайно высокие требования к распределению внимания предъявляет работа лётчика, дирижёра, учителя.

Внимание лектора, докладчика, оратора обычно должно быть сосредоточено на содержании тех мыслей, которые он излагает. Без этого невозможно говорить, не имея перед собой написанного текста. Но хороший лектор известную долю внимания должен уделять и другим предметам. Он должен следить за аудиторией, чутко улавливать все признаки понимания или непонимания, заинтересованности или скуки; лектор, думающий только о содержании своей речи и не обращающий внимания на аудиторию, никогда не сумеет эту аудиторию заинтересовать и увлечь. Иногда он должен взглядывать на часы и мысленно сопоставлять оставшееся время с тем количеством материала, которое он должен успеть сообщить; без этого он никогда не уложится в срок. Все эти объекты у опытного лектора находятся поблизости от центра сознания. Он не теряет их из виду, но в то же время не отвлекается от предмета своей речи.

Недостаточное умение распределять внимание часто является причиной неудач в шахматной игре. Человек, склонный настолько погружаться в собственные планы и комбинации, что всё остальное, происходящее на доске, остаётся вне поля его внимания, неизбежно допускает «зевки» и не реагирует своевременно на ходы и комбинации противника. Хороший шахматист должен уметь, как бы он ни был занят развитием своей идеи, следить за всей доской, уделяя некоторую часть внимания даже самым неинтересным для него участкам её.

4) Переключение внимания

Из ежедневного опыта мы знаем, что всякое начало трудно. Когда пишешь сочинение или письмо, самое трудное — написать первую фразу. При публичном выступлении, особенно у неопытных ораторов, начало речи идёт гораздо менее гладко, чем продолжение. Одна из причин этого —

в трудности сразу сосредоточиться на новой работе, целиком переключить на неё своё внимание. Многие люди нуждаются в некотором промежутке времени, для того чтобы успеть сосредоточить, собрать своё внимание на той деятельности, к которой они приступают.

Переключением внимания и называется *сознательное и осмысленное перемещение внимания с одного объекта на другой.*

Переключение внимания представляет собой перемещение по коре участка с оптимальной возбудимостью, регулируемое главным образом сигналами второй сигнальной системы. Способность к быстрому переключению внимания в сильной мере зависит от *подвижности нервных процессов.*

Некоторые люди могут легко и быстро переходить от одной деятельности к другой и сразу же начинают выполнять её с полным вниманием. Это люди, у которых внимание *подвижное, гибкое.* Для других переход от одного дела к другому связан с некоторым усилием: им нужно некоторое время, чтобы «собраться с мыслями», «войти в работу». Это люди с *мало подвижным вниманием.*

Способность быстрого переключения внимания особенно остро нужна в тех случаях, когда требуется тотчас реагировать на кратковременное и неожиданное раздражение. Такие задачи постоянно встают перед лётчиком, шофёром, паровозным машинистом.

Если нужно, чтобы в некоторый момент внимание было приготовлено к восприятию какого-нибудь раздражения, следует предварительно дать сигнал. Так поступают, например, при подаче команды: «предварительная команда» служит сигналом для «исполнительной команды».

Важно, чтобы сигнал был подан своевременно. Если дать его слишком поздно, внимание не успеет приготовиться; если дать слишком рано, внимание утомится от пассивного ожидания и может наступить «колебание внимания». Лучше всего давать предварительный сигнал за 2 секунды.

26. РАССЕЯННОСТЬ

Слово «рассеянность» употребляется в двух смыслах. Этим словом обозначают два вида невнимательности, происходящие от разных причин.

Рассеянность в первом смысле — это слабость произвольного внимания; следствием её является чрезвычайно

лёгкая отвлекаемость и полная неустойчивость внимания. Слабость очага возбуждения, вызываемого сигналами второй сигнальной системы, обусловливает состояние, когда слабые внешние раздражители отвлекают внимание. Человек ни на чём не сосредоточивается на долгое время, внимание его непрерывно перескакивает с одного на другое. Эти черты наблюдаются очень часто у детей младшего возраста. Всякий взрослый человек способен иногда впадать в такого рода рассеянность, например, в состоянии сильного утомления. Если же такая рассеянность является постоянной чертой человека, это говорит о дезорганизованности и невоспитанности его внимания.

Яркий пример рассеянности в этом смысле представляет собой Хлестаков («Ревизор» Гоголя). Это одна из самых характерных его черт. «Он не в состоянии остановить постоянного внимания на какой-нибудь мысли»,— говорит о нём Гоголь. А сам Хлестаков очень наивно, но и очень верно говорит о себе: «У меня лёгкость необыкновенная в мыслях». Внимание его в каждый момент направлено на то, что оказалось перед его глазами или случайно пришло ему на память, и с лёгкостью, действительно необыкновенной, перескакивает с одного предмета на другой.

Совершенно иной характер имеет рассеянность во втором смысле. Она выражается в том, что человек настолько сильно сосредоточен на одном предмете, что не способен замечать ничего другого, настолько погружён в свои мысли, что временами перестаёт отдавать себе отчёт в самых элементарных вещах. При такой рассеянности, конечно, нельзя говорить о слабости внимания; наоборот, сила сосредоточения здесь очень велика. Но всё же недостаток внимания имеется: это неумение распределять внимание и плохая способность к переключению. У таких людей внимание сильное, но узкое и мало подвижное.

Основными причинами этого вида рассеянности являются: во-первых, чрезмерно сильная заторможённость всей коры, кроме участка с оптимальной возбудимостью, и, во-вторых, малая подвижность нервных процессов.

Акакий Акакиевич из повести Гоголя «Шинель» является законченной иллюстрацией рассеянности в этом втором смысле. Все его помыслы и интересы сосредоточены на одном предмете: переписывании бумаг, и от этого предмета внимание его никогда не может оторваться. «Ни один раз в жизни,— пишет Гоголь,— не обратил он внимания на то, что делается и происходит всякий день на улице... Но Акакий Акакиевич, если он и глядел на что, то видел

на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки, и только разве если, неизвестно откуда взявшись, лошадиная морда помещалась ему на плечо и напускала ноздрями целый ветер в щеку, тогда только замечал он, что он не на середине строки, а скорее на середине улицы».

27. ВОСПИТАНИЕ ВНИМАНИЯ

Мы знаем, что внимание проявляется во всей нашей психической жизни. Поэтому хорошая работа внимания является обязательным условием, без которого невозможен успех ни в какой деятельности.

Первое условие хорошего внимания — это наличие достаточно широких и устойчивых *интересов*. Ведь, как мы знаем, всякое внимание зависит от интереса: непроизвольное — от непосредственного интереса к самой деятельности, произвольное — от интереса к результатам этой деятельности. Человек, ничем серьёзно не интересующийся, едва ли может иметь внимание более высокого уровня, чем у Хлестакова.

Второе, что нужно для развития внимания, — это выработать в себе умение *заставлять себя* произвольно сосредоточивать внимание в любой момент и на любом предмете. Нужно сделать внимание своим послушным орудием. Не внимание должно быть хозяином человека, а человек должен быть хозяином своего внимания.

Третье средство воспитания внимания — *приучить себя работать в неблагоприятных условиях*. Привыкая бороться с отвлекающими раздражениями, человек закаляет своё внимание, делает его сильным и выносливым.

Четвёртое условие — *никогда не работать невнимательно*. Нужно помнить, что всякая невнимательная работа приучает человека быть невнимательным.

Наконец, последнее условие — возможно лучше *знать особенности своего внимания*, его сильные и слабые стороны. Для полного исправления недостатков своего внимания нужна большая работа над собой. Но нельзя приступить к этой работе, не поняв сначала, в чём эти недостатки заключаются.

Вопросы для повторения

1. Что называется вниманием?
2. В чём заключается закон индукции нервных процессов и какова его связь с явлениями внимания?

3. При каких условиях какой-нибудь объект становится «интересным» для данного человека?
4. Какова роль непроизвольного и произвольного внимания в процессе трудовой деятельности?
5. Как бороться с отвлечением внимания?
6. При каких условиях может сохраняться длительная устойчивость внимания?
7. Какая разница между понятиями «объём внимания» и «распределение внимания»?
8. Какова величина объёма внимания?
9. При каких условиях возможно распределение внимания?
10. Чем отличается переключение внимания от колебаний неустойчивого внимания?
11. Перечислите важнейшие средства воспитания внимания.

Глава VI

ПАМЯТЬ

28. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ПАМЯТИ

Образовавшиеся в коре головного мозга временные (условные) связи могут сохраняться многими годами и десятилетиями. В тех случаях, когда возникшие связи время от времени подкрепляются, возобновляются, они могут быть действительными на протяжении всей жизни. Возможность сохранения и последующего оживления временных связей представляет собой необходимую основу психической деятельности.

Память проявляется в *узнавании* и *воспроизведении*.

Узнавание — это то проявление памяти, которое обычно связано с восприятием. Воспроизведение же может происходить и вне процесса восприятия. Я закрываю глаза и воспроизвожу вид своей комнаты, улицы, на которой я живу, или какого-нибудь знакомого лица. Я могу сказать наизусть стихотворение. Пианист может сыграть наизусть знакомую ему пьесу. Я могу кратко рассказать содержание предшествующей главы этого учебника. Всё это разные случаи воспроизведения, т. е. восстановления, обнаружения ранее образованных временных связей.

Необходимым условием узнавания и воспроизведения является *запоминание* и последующее *сохранение* того, что *я воспринял*, думал, чувствовал или делал.

Запоминание, сохранение, воспроизведение и узнавание — это основные процессы памяти. Запоминание является условием или предпосылкой сохранения в памяти, а воспроизведение и узнавание — результатом или

обнаружением того, что данный объект сохранился в памяти.

Итак, **памятью называется запоминание, сохранение и последующее воспроизведение или узнавание того, что мы раньше воспринимали, переживали или делали.**

29. АССОЦИАЦИИ И ИХ ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА

Запоминая какие-либо образы, мысли, слова, чувства, движения, мы всегда запоминаем их в определённой связи друг с другом. Без установления тех или других связей невозможно ни запоминание, ни узнавание, ни воспроизведение.

Что значит запомнить какое-нибудь стихотворение? Это значит запомнить ряд слов в определённой связи, в определённой последовательности. Когда человек учит наизусть стихотворение Лермонтова «На смерть поэта», он старается запомнить вовсе не отдельные слова сами по себе: «погиб», «поэт», «невольник» и т. д.,— эти слова он знает и без того; он старается запомнить последовательность этих слов, стремится образовать между ними такую связь, чтобы слова «погиб поэт» вызывали в сознании следующие за ними слова «невольник чести».

Что значит запомнить какое-нибудь иностранное слово, например французское слово «la table»? Это значит установить прочную связь между этим словом и тем предметом, который оно обозначает, или русским словом «стол». Если я знаю слово «la table», то, слыша его или видя его напечатанным, я думаю о столе, и наоборот: при виде стола или русского слова «стол» у меня в сознании появляется французское слово «la table».

Что значит, наконец, когда кто-нибудь говорит: «Я прекрасно запомнил лицо такого-то человека и всегда могу его узнать»? Это значит, что образовалась прочная связь между лицом этого человека и его именем (или другими признаками, характеризующими его), так что при виде этого человека вспоминается его имя.

Таким образом, *в основе деятельности памяти всегда лежат те или другие связи*. Запоминание есть связывание. Запомнить какой-нибудь объект — значит связать его с какими-либо другими объектами. Эти связи, лежащие в основе деятельности памяти, называются в психологии ассоциациями.

Если какие-нибудь объекты воспринимаются, представляются или мыслятся одновременно или непосредственно друг за другом, то между ними образуется связь и впоследствии восприятие или представление одного из них может вызвать в сознании и другие. Эта закономерность называется *законом ассоциации.*

Физиологическую основу ассоциаций составляет механизм образования *временных нервных связей*, открытый И. П. Павловым при изучении условных рефлексов у животных (см. § 3).

Ассоциации образуются в том случае, когда соответствующие психические процессы переживаются одновременно или непосредственно друг за другом. Таково же и основное правило образования условных рефлексов. Чтобы выработать у собаки условный рефлекс отделения слюны на какой-нибудь раздражитель, например на звонок, нужно, чтобы этот раздражитель несколько раз сопровождался кормлением. Иначе говоря, нужно, чтобы звонок и кормление несколько раз происходили одновременно или одно за другим: сначала звонок, затем кормление. Таким образом, *совпадение во времени* — главное условие образования как ассоциаций, так и условных рефлексов.

Второе важнейшее условие образования и условных рефлексов, и *ассоциаций* — повторение. Чтобы выработать условный рефлекс на звонок, нужно *достаточное число раз* сопровождать звонок кормлением, и чем чаще будет повторяться совпадение во времени звонка с кормлением, тем прочнее станет условный рефлекс. Так же обстоит дело и при образовании ассоциаций. Чтобы запомнить номер телефона, нужно несколько раз повторить его. Чтобы прочно усвоить значение иностранного слова, нужно возможно большее число раз повторить его, возможно чаще встречать его в тексте, возможно чаще слышать его и самому употреблять в разговоре. (Связи, имеющие важное жизненное значение, могут вырабатываться сразу «с места».)

Связи, устанавливающиеся в больших полушариях головного мозга, отражают связи внешнего мира. Те нервные связи, которые не соответствуют объективным связям, затормаживаются, и в результате происходит всё более правильное отражение действительности.

«Временная нервная связь, — писал И. П. Павлов, — есть универсальнейшее физиологическое явление в животном

мире и в нас самих. Вместе с тем оно же и психическое, то, что психологи называют ассоциацией, будет ли это образование соединений из всевозможных действий, впечатлений или из букв, слов и мыслей».

Исследованиями И. П. Павлова и его учеников установлены основные законы образования этого рода связей. Таким образом, физиологическая основа ассоциаций изучена в настоящее время достаточно подробно.

30. ЗАПОМИНАНИЕ

Запоминание может быть *непреднамеренным* и *преднамеренным*.

При *непреднамеренном* запоминании мы не ставим себе специальной цели запомнить и не производим для этого никаких усилий. Запоминание происходит независимо от нашего намерения, как бы «само собой». Так запоминается главным образом то, что нас живо интересует или вызывает в нас сильное и глубокое чувство. «Я никогда этого не забуду», — говорим мы по поводу какого-нибудь события, произведшего на нас исключительно большое впечатление или имеющего для нас большое значение.

Значительная часть ярких жизненных воспоминаний, имеющихся у каждого человека, является результатом непреднамеренного запоминания. Такие воспоминания могут быть очень прочными; некоторые непреднамеренно запечатлевшиеся воспоминания детства сохраняются в течение всей жизни.

Но как бы ни были ярки и прочны такие воспоминания, они всё же имеют эпизодический и случайный характер. Они не могут образовать систематических знаний в какой бы то ни было области. Всякая деятельность требует, чтобы человек помнил множество таких вещей, которые сами собой не запоминаются. Необходимо *преднамеренное, сознательное запоминание.*

Большое практическое значение имеет различение механического и смыслового запоминания.

Механическое запоминание основывается главным образом на закреплении *отдельных связей, ассоциаций.*

Смысловое запоминание характеризуется тем, что при нём главное значение имеют *процессы мышления*. Чтобы запомнить новый материал, человек должен прежде всего

понять его, осмыслить его, т. е. найти возможно более глубокие и содержательные отношения между этим новым материалом и уже имеющимися у человека знаниями. Физиологическую основу смысловой памяти составляет включение вновь образуемых связей в *систему* уже имеющихся у человека связей.

Основное условие механического запоминания — повторение; основное условие смыслового запоминания — понимание.

И механическое, и смысловое запоминание имеет огромное значение в психической жизни человека. При запоминании доказательства геометрической теоремы или анализа исторических событий на первый план выступает смысловое запоминание. В других случаях, например при запоминании номера телефона, номера дома, квартиры и т. п., основная роль принадлежит механическому запоминанию. Но в большинстве тех случаев, когда перед нашей памятью стоят ответственные и более или менее трудные задачи, она должна опираться и на понимание, и на повторение. Особенно ярко это сказывается в учебной работе.

Возьмём в качестве примера заучивание наизусть стихотворения. Совершенно очевидно, что одним пониманием обойтись при этом нельзя. Чисто смысловое запоминание дало бы возможность воспроизвести содержание стихотворения, его основные мысли и образы, но не обеспечило бы знания его наизусть. Последнее требует прочных ассоциаций между словами стихотворения, требует того, чтобы каждое слово стихотворения немедленно вызывало в сознании следующее слово и чтобы это происходило «само собой», без всяких размышлений, соображений и обдумывания.

Но, с другой стороны, было бы очень неразумно пытаться заучить стихотворение с помощью одного лишь механического запоминания. Специальные опыты показали, что стихотворение заучивается гораздо скорее и запоминается гораздо прочнее, чем одинаково длинный ряд бессмысленных слогов: если для заучивания стихотворения, состоящего из 80 слов, требуется 8 повторений, то для заучивания 80 бессмысленных слогов — около 80 повторений, т. е. в 10 раз больше. Причина этого различия заключается в том, что заучивание бессмысленных слогов осуществляется с помощью одного лишь механического запоминания, тогда как при заучивании стихотворения

большую роль играет также и смысловое запоминание. И чем больше участие этого последнего, тем легче выучивается стихотворение и тем прочнее оно удерживается в памяти.

Запоминание собственных имён и всякого рода числовых данных является прежде всего делом механического запоминания. Но и здесь следует стараться всякий раз, когда это возможно, привлекать на помощь смысловое запоминание. Рассмотрим с этой точки зрения запоминание хронологических дат. Для многих оно связано с большими трудностями. Происходит это главным образом от неумения использовать в решении этой задачи смысловое запоминание. Чтобы облегчить себе запоминание хронологии, нужно как можно разнообразнее *связывать между собой отдельные даты*, используя при этом в качестве исходных точек, или «вех», даты особенно крупных исторических событий, а также «круглые числа»: начало столетия, середину его и т. п.

Вот несколько примеров такого рода связывания исторических дат. Пушкин родился в 1799 году, т. е. на год раньше начала столетия. Поэтому его возраст всегда на 1 год больше последних двух цифр соответствующей даты: во время Отечественной войны 1812 года ему было 13 лет; «Бориса Годунова» он написал в 1825 году, т. е. двадцати шести лет, и т. д. Гоголь был на 10 лет моложе Пушкина, следовательно, он родился в 1809 году. Лермонтов был на 5 лет моложе Гоголя, следовательно, он родился в 1814 году. Кроме того, Гоголь родился за 3 года до Отечественной войны 1812 года, а Лермонтов через 2 года после неё.

Иногда полезно бывает прибегать и к более искусственным приёмам осмысливания чисел, которые надо запомнить: Лермонтов родился в 1814 году, а умер в 1841 году — в обеих датах последние две цифры те же, но порядок их обратный; Тургенев родился в в 1818 году — два раза восемнадцать.

Приёмы последнего типа называются мнемоническими приёмами, т. е. искусственными приёмами, помогающими запоминанию.

Всё сказанное до сих пор показывает трудность запоминания на основе одного лишь механического запоминания и вытекающую отсюда необходимость возможно шире прибегать к помощи смыслового запоминания.

Но не следует забывать и обратного: для прочного запоминания любого материала недостаточно одного лишь смыслового запоминания. Правда, чтобы запомнить на короткий срок какой-нибудь осмысленный текст, иногда бывает достаточно как следует понять его. Но чтобы сделать содержание

этого текста прочным достоянием памяти, *одного лишь понимания недостаточно; необходимо и повторение.*

Если запоминание имеет характер специально организованной работы, связанной с применением определённых приёмов для наилучшего усвоения знаний, оно называется *заучиванием.*

Сейчас мы должны познакомиться с теми условиями, от которых зависит успешность заучивания, с теми приёмами, которыми мы пользуемся, чтобы добиться возможно лучшего запоминания.

Первое условие успешности заучивания — *установка на запоминание*: надо *ставить перед собой задачу запомнить* и этой задаче подчинять всю организацию работы. Доказано разнообразными опытами, что, если человек не ставит себе цели запомнить, он может много раз прочесть какой-нибудь текст, не удержав почти ничего в памяти. Но как только он узнает, что «надо запомнить», он более или менее быстро выучивает этот текст.

Доказано также, что *прочность запоминания зависит от того, ставит ли себе человек задачу запомнить надолго или запомнить на короткий срок.* В одном исследовании учащимся предложили заучить два одинаковых по трудности отрывка и при этом сказали, что первый отрывок надо будет ответить на следующий день, а второй — через неделю. На самом деле проверку знания обоих отрывков произвели через две недели. Оказалось, что второй отрывок учащиеся воспроизвели значительно лучше; сознание, что его надо запомнить на более долгий срок, обеспечило более прочное запоминание.

Если человек ставит себе цель запомнить что-нибудь «до завтра», прочность запоминания будет совсем другой, чем в том случае, когда он стремится запомнить «навсегда».

Другое важнейшее условие успешности запоминания — *активное отношение* к процессу заучивания, которое невозможно без *напряжённого внимания*. Для запоминания полезнее два раза прочесть текст с полным сосредоточением внимания, чем десять раз перечитывать его невнимательно. Поэтому попытки заучить что-нибудь в состоянии сильного утомления, когда не удаётся как следует сосредоточить внимание, являются напрасной тратой времени.

Самый плохой и неэкономный способ заучивания — механически перечитывать текст, который надо заучить,

в ожидании, пока он сам запомнится. В противоположность этому разумное и экономное заучивание является *активной работой над текстом*, при которой используется целый ряд приёмов, ведущих к лучшему запоминанию.

Первым этапом этой работы является *изучение текста* с целью возможно лучше понять его и найти в нём возможно больше опор для смысловой памяти. Для этого надо подвергнуть текст специальной обработке: мысленно разбить его на «смысловые куски» и в каждом таком куске найти «смысловые опорные точки», или «вехи», т. е. отдельные слова, предложения, образы, которые выражают «суть» данного куска, являются как бы его заголовками. Далее нужно установить связи между этими кусками, осознать, почему они располагаются именно в таком, а не в каком-нибудь другом порядке. Результат этой мысленной обработки текста полезно бывает оформить письменно, в виде плана или конспекта.

Очень важно, чтобы план этот и с внешней стороны был максимально чётким, ясным и упорядоченным и даже при беглом взгляде на него давал отчётливую схему содержания. Хаотический и беспорядочный вид плана может внести хаос и беспорядок и в запоминаемый материал, а это самое вредное для работы памяти.

Результатом такой обработки текста должно быть не только составление (мысленно или на бумаге) плана его, но и *выделение* в нём *наиболее существенного*, того, что надо запомнить в первую очередь; остальное должно временно отодвигаться на задний план и заучиваться лишь после того, как прочно усвоен основной смысловой каркас текста.

Таким образом, первый этап заучивания — не простое чтение текста, а специальная обработка его. Этим объясняется, что огромное большинство людей лучше запоминают, когда имеют возможность сами читать текст, чем когда слушают чужое чтение: при слушании невозможно производить эту обработку, и человек вынужден ограничиваться пассивным восприятием.

Когда произведено изучение текста, надо переходить ко *второму этапу*, который должен состоять в *попытках воспроизводить текст, чередующихся с повторными чтениями* этого текста. Учим ли мы наизусть стихотворение, или перед нами стоит задача усвоить какой-либо учебный материал, не требующий дословного запоминания (например,

при работе по учебнику истории, литературы), всё равно *надо как можно раньше начинать попытки воспроизводить текст.* Непроизводительный способ заучивания — ограничиваться только чтением до тех пор, пока не возникнет уверенность в том, что текст выучен.

Польза таких попыток воспроизведения заключается, во-первых, в том, что они с необходимостью требуют внутренней активности и в сильнейшей степени мобилизуют внимание. Простое перечитывание того же текста легко может превратиться в действие механическое, тогда как нельзя механически и невнимательно воспроизводить то, что ещё не вполне знаешь.

Во-вторых, слова стихотворения, которые мне удалось с известным напряжением припомнить, или собственные формулировки, сделанные при попытках воспроизвести содержание текста, запоминаются гораздо прочнее, чем то, что я просто прочёл.

После каждой попытки воспроизведения нужно сейчас же обращаться к тексту и снова перечитывать его, устанавливая, какие были допущены ошибки, что было пропущено вовсе и что удалось воспроизвести правильно. Такое перечитывание, преследующее цели активного самоконтроля, сильно отличается от простого повторного чтения, не связанного с попытками воспроизведения.

После того как материал выучен, т. е. когда удаётся правильно и полно воспроизвести его, начинается *третий этап — закрепление путём повторений.*

Исследования памяти показывают, что *запоминание осуществляется скорее и бывает более прочным, когда повторения не следуют друг за другом непосредственно, а разделяются более или менее значительными промежутками времени.* В одном из исследований оказалось, например, что для выучивания стихотворения потребовалось 16 повторений, если все эти повторения следовали непосредственно одно за другим в один приём, и всего лишь 8 повторений, когда делалось по два повторения в день.

Эту закономерность можно сформулировать так: *распределение повторений во времени повышает эффективность запоминания.*

Отсюда следует, что с точки зрения лёгкости и прочности заучивания очень невыгодна спешная подготовка к экзаменам или выучивание уроков «в последнюю минуту», так как в этих случаях никакое распределение повторений невозможно.

31. БОРЬБА С ЗАБЫВАНИЕМ

Далеко не всё из того, что мы однажды запомнили (намеренно или ненамеренно), навсегда сохраняется в нашей памяти. Многое мы забываем.

Забывание — длительный процесс, развивающийся постепенно. Для успешной борьбы с ним нужно принять во внимание следующие основные положения:

1. *Основное средство борьбы с забыванием — повторение. Всякое знание, не закрепляемое повторениями, постепенно забывается.*

2. *Забывание начинается вскоре после заучивания и в первое время идёт особенно быстрым темпом.* Если сравнить воспроизведение выученного материала через 5 и через 10 дней после заучивания, то окажется, что забывание за первые пять дней больше, чем дополнительное забывание за вторые пять дней.

3. *Повторять выученное следует не тогда, когда оно уже забыто, а пока забывание ещё не началось.* По выражению известного русского педагога и психолога Ушинского, надо «укреплять здание», а не «чинить уже развалившееся». Чтобы предотвратить забывание, достаточно беглого повторения, а чтобы восстановить забытое, нужна большая работа.

Принимая во внимание сказанное во втором и третьем пункте, можно сделать такой вывод: повторять надо спустя сравнительно небольшой промежуток времени после заучивания, так как именно в первый период забывание идёт наиболее быстро.

Мы сказали, что забывание начинается вскоре после заучивания. Это не значит, однако, что оно всегда начинается *сейчас же* после заучивания. Опыты показывают, что *нередко воспроизведение бывает наиболее полным не тотчас после заучивания, а спустя день, два или даже три дня.* За это время выученный материал не только не забывается, а, наоборот, как бы «закрепляется» в памяти. Это явление наблюдается главным образом при заучивании обширного материала.

С подобным явлением сталкивался И. П. Павлов при проведении своих опытов. Иногда в проводимых им экспериментах достигнутый результат обнаруживался не непосредственно в конце опыта, а позднее. Это явление И. П. Павлов объяснял тем, что при решении трудной задачи возникает утомление соответствующих корковых клеток. Только спустя

некоторое время, когда утомление исчезает, нервная система оказывается способной обнаруживать достигнутый результат. Можно полагать, что и указанная особенность воспроизведения объясняется снятием утомления, возникшего в процессе заучивания.

Отсюда вытекает один практический вывод: не следует думать, что лучше всего можно ответить на экзамене или на уроке то, что выучено непосредственно перед ответом, например в то же утро; более благоприятные условия создаются в том случае, когда выученный материал некоторое время «отлежится».

Сохранение в памяти заученного материала в очень сильной степени зависит от того, чем мы занимаемся сейчас же после окончания заучивания.

Последующая деятельность может иногда «стирать» результаты предшествующего ученья. Если я, выучив урок по истории, тотчас же начну учить урок, скажем, по литературе, то этот последний материал может в значительной степени вытеснить из памяти уже усвоенный исторический материал. Это отрицательное действие особенно сильно в том случае, когда дело идёт о сходном материале.

Отсюда следуют такие практические выводы:

1. Переходя от заучивания одного материала к заучиванию другого, нужно всегда делать небольшой перерыв (5—10 минут), давая себе в это время полный отдых от всякой умственной работы.

2. Следует так организовать свои занятия, чтобы в непосредственном соседстве оказывалась работа над возможно менее сходными предметами. Если в течение данного вечера надо заниматься алгеброй, историей и литературой, то с точки зрения продуктивности усвоения порядок: 1) история, 2) алгебра, 3) литература — выгоднее, чем 1) история, 2) литература, 3) алгебра.

3. Особенно ответственный и трудный материал полезно возобновить в памяти непосредственно перед сном, так как сон даёт самые благоприятные условия для закрепления результатов запоминания.

32. ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ

Воспроизведение, так же как и запоминание, бывает *непреднамеренным* и *преднамеренным*.

При непреднамеренном воспроизведении те или другие представления, мысли, слова вспоминаются сами собой, без всякого сознательного намерения с нашей стороны.

Причиной непреднамеренного воспроизведения могут быть *ассоциации*. Встретив в газете название малоизвестного города, я неожиданно для себя вспоминаю одного своего знакомого. Дело в том, что знакомый этот проживал одно время в данном городе и название последнего тесно связалось для меня с именем этого знакомого.

Нередко причиной непреднамеренного воспоминания о каком-нибудь предмете является его внешнее или внутреннее сходство с тем, что мы в данный момент воспринимаем. В таких случаях говорят о воспроизведении на основе *связей по сходству*. Случайная встреча на улице с незнакомым человеком заставляет меня вспомнить о старом товарище, которого я не вспоминал уже много лет; причиной этого является бросившееся мне в глаза сходство между этим товарищем и встретившимся человеком.

Читая в учебнике психологии литературные примеры, иллюстрирующие особенности протекания тех или иных психических процессов, мы невольно вспоминаем сходные случаи из своей собственной жизни.

Возможны также ассоциаций по противоположности. Например, рассказ или кинокартина про жаркие страны может вызвать воспоминание о недавно прочитанной книге про Арктику. При виде тракторов и комбайнов, работающих на колхозном поле, в нашем сознании может возникнуть образ одинокого пахаря, идущего за сохой.

При этом ассоциации, связываясь одна с другой, образуют как бы длинные цепи, и поэтому непроизвольные воспоминания могут увести человека очень далеко от восприятия, вызвавшего данные ассоциации.

Иногда такое воспроизведение осуществляется легко и не требует с нашей стороны никаких усилий. Чтение наизусть хорошо известного стихотворения или рассказа о только что наблюдавшемся нами происшествии — примеры преднамеренного воспроизведения, осуществляющегося без всяких усилий. В других случаях воспроизведение связано

с бо́льшими или меньшими затруднениями. Нам не удаётся сразу назвать нужную фамилию, вспомнить хронологическую дату или произнести «выскочившую из памяти» строчку стихотворения. Мы должны *припомнить* их.

Припоминанием называется сознательное воспроизведение, связанное с преодолением известных затруднений и требующее усилий и старания.

Было бы ошибкой думать, что трудность представляет только запоминание, а припоминание однажды выученного осуществляется само собой. Это совсем не так. Уметь припоминать едва ли многим легче, чем уметь запоминать. И оба эти умения одинаково важны. Какую пользу извлечёт человек из богатого запаса знаний, если он не умеет в нужную минуту припомнить того немногого из этого запаса знаний, что в данный момент требуется?

Припоминая, мы пользуемся разнообразными приёмами. Укажем на некоторые из них.

Большую пользу в процессе припоминания оказывает намеренное использование *ассоциаций*: мы воспроизводим разного рода обстоятельства, непосредственно связанные с тем, что надо припомнить, в расчёте на то, что они по ассоциации вызовут в сознании забытое. Припоминая, куда мы положили пропавший ключ, мы стараемся возможно отчётливее представить себе, где мы стояли и что делали в тот момент, когда, по нашим предположениям, в последний раз держали его в руках. Припоминая имя и отчество писателя, стараемся представить себе обложку книги с его инициалами, урок в школе, на котором говорилось о нём, и т. д.

Иногда припоминание может опираться на *узнавание*. Стараясь, например, припомнить забытое отчество человека, мы быстро произносим его имя в соединении с различными отчествами — «Пётр Александрович», «Пётр Алексеевич», «Пётр Андреевич», «Пётр Антонович», — рассчитывая на то, что, попав случайно на правильное отчество, мы сразу узнаем его, испытав «чувство знакомости».

Припоминание — сложный и очень активный процесс. Оно требует, с одной стороны, настойчивости и упорства, а с другой, — находчивости, сообразительности, умения пользоваться разнообразными приёмами.

33. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ И ИХ ХАРАКТЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Одним из основных проявлений памяти является воспроизведение образов. *Представлениями называются образы предметов или явлений, которых мы в данный момент не воспринимаем.*

В отличие от восприятия, вызываемого непосредственным действием предмета на анализаторы, представления возникают благодаря оживлению ранее образованных временных связей; они могут вызываться по механизму ассоциации. Например, при звуках мелодии в сознании может возникнуть образ (представление) человека, с которым мы вместе слушали эту мелодию. С помощью сигналов второй сигнальной системы (словесные обозначения, описания) мы можем вызывать самые различные образы. Сами же представления и первоисточник их — ощущения относятся к первой сигнальной системе.

Представления разделяются на виды, соответствующие видам ощущений. Наряду со *зрительными* представлениями, играющими главную роль в психической жизни большинства людей, бывают *слуховые* (попробуйте представить себе какой-нибудь знакомый мотив, звук скрипки, голос какого-нибудь человека, лай собаки), *обонятельные* (попробуйте представить себе запах сена, керосина, дымя), *осязательные* (представьте себе прикосновение к мрамору, к бархату; представьте, что вы держите в руке трепещущую птицу) и т. д.

Представления характеризуются прежде всего *наглядностью*, т. е. прямым сходством с соответствующими предметами. Иметь зрительное представление предмета — это значит внутренне, или мысленно, «видеть» его; иметь слуховое представление какого-либо звука — значит мысленно «слышать» его. Недаром в музыкальной практике способность представлять звучание музыки называется «внутренним слухом».

Наглядностью представление отличается от других форм знания о предмете. Я могу, например, знать, что такой-то дом двухэтажный, каменный, отделён от улицы решёткой и т. д., и всё же не иметь представления этого дома, т. е. мысленно не «видеть» образа его. Я могу помнить, что у такого-то человека голос низкий и хриплый, и всё же не представлять себе этого голоса, т. е. внутренне его не «слышать».

Это не значит, однако, что представления ничем не отличаются от восприятий. Психологический анализ показывает следующие важнейшие отличия представлений от восприятий:

1. Представления обычно бывают значительно *бледнее восприятий*.

Попробуйте представить себе лицо кого-либо из хорошо знакомых людей, и вы согласитесь, что этот мысленный образ по яркости и живости не может сравниться с тем образом, который вы имеете в восприятии, т. е. когда вы действительно смотрите на этого человека.

По степени яркости и живости представлений люди сильно отличаются друг от друга. У одних зрительные представления очень бледны, у других они достигают исключительной яркости. Встречаются люди, которые затрудняются даже понять, что значит «внутренне слышать» звуки, т. е. иметь сколько-нибудь яркое слуховое представление, тогда как некоторые музыканты могут в точности воспроизвести по слуху очень сложное музыкальное произведение, один раз услышав его.

Та способность, которую называют обычно музыкальным слухом, в значительной мере сводится к способности иметь яркие и точные слуховые представления музыки.

Но какова бы ни была в отдельных случаях яркость представлений, всё же и в этих случаях они только приближаются к восприятиям, но никогда не могут вполне сравняться с ними и тем более заменить их.

2. Представления никогда не передают с одинаковой яркостью все черты и признаки объектов. Обычно в них отражаются только некоторые стороны, некоторые черты предмета. Эта особенность представлений называется *фрагментарностью* их (от слова «фрагмент» — отрывок). Когда мы стараемся представить себе какое-нибудь хорошо знакомое лицо, мы ясно и отчётливо воспроизводим только отдельные черты, отдельные детали, выступающие на фоне более или менее смутного и неопределённого образа.

В повести Л. Н. Толстого «Детство» герой повести так описывает сохранившийся у него в памяти образ матери, которую он потерял в детские годы: «Когда я стараюсь вспомнить матушку... мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее... шитый белый воротничок, нежная сухая рука, которая так часто меня ласкала и которую я так

часто целовал, но общее выражение ускользает от меня».

В представлениях, связанных с какой-либо определённой деятельностью, передаются именно те стороны объектов, которые существенны для этой деятельности. Живописцы, например, имеют яркие представления цветов, тогда как у архитекторов зрительные представления часто бесцветны, но зато чётко передают форму предметов. В слуховых представлениях специалиста по языку отчётливо выступает звуковой состав слов, в слуховых представлениях актёра на первый план выдвигаются тембр голоса и интонация, у музыканта же слуховые представления передают главным образом мелодию и ритм.

3. Представления очень *неустойчивы* и *непостоянны*.

Попробуйте вызвать образ какого-нибудь хорошо знакомого предмета и внимательно сосредоточиться на нём. Вы заметите, что через несколько секунд он исчезнет, как бы вы ни старались его удержать, и вам придётся снова сделать усилие, чтобы вызвать его. Кроме того, представления очень текучи и изменчивы: то одни, то другие детали выступают на передний план.

Только у лиц, имеющих высокоразвитые представления определённого вида, как, например, у музыкантов — слуховые, у художников — зрительные и т. д., они бывают сравнительно устойчивы и постоянны.

Представления того или другого вида нередко возникают лишь при наличии в данный момент определённых восприятий. Например, многие люди сомневаются в наличии у них сколько-нибудь живых вкусовых представлений. И действительно, редко кому удаётся произвольно вызвать у себя представление вкуса кислого яблока. Но когда видишь перед собой незрелое яблоко или, ещё лучше, когда видишь, как другой человек ест такое яблоко, нередко возникает очень яркое и живое представление кислого вкуса. Не менее трудно вызвать у себя без всякого внешнего повода представление боли, но оно может возникнуть с очень большой живостью, если увидишь, как другой человек обжёгся или прищемил себе палец.

Возникновение представлений сильнейшим образом облегчается, когда оно имеет опору в восприятиях. Некоторые шахматисты отмечают, например, что они не могут сыграть партию в шахматы, совсем не смотря на доску, но могут

сыграть её, если им разрешается смотреть на пустую шахматную доску; в этом случае они представляют себе фигуры на определённых местах и могут следить за их передвижением. Не всякий человек, способный хорошо фантазировать за фортепиано, может сочинять музыку без инструмента. Объясняется это тем, что музыкальные образы легче возникают при наличии реального звучания.

Представления, будучи всегда до известной степени наглядными, уступают, однако, в этом отношении восприятиям. Можно ли на этом основании рассматривать представления только как ослабленные копии восприятий? Нет, нельзя. Представления содержат в себе не только меньше, чем восприятия, но они в известном отношении содержат больше, чем ощущения и восприятия. Они всегда содержат больший элемент обобщения, чем восприятия. Представления — не просто наглядные образы действительности; они всегда в известной мере обобщённые образы действительности.

Обобщение имеется не только в тех представлениях, которые относятся к целой группе сходных предметов (представление лошади вообще, представление стола вообще), но и в представлениях любого индивидуального предмета. Каждый знакомый нам предмет воспринимался нами много раз, и каждое из этих восприятий отличалось от остальных. Свой рабочий стол я видел с разных сторон, с разного расстояния, при разном освещении и т. п. И всё же, когда я представляю его себе, я имею какой-то один образ, а не много различных образов, соответствующих различным восприятиям. Этот обобщённый образ характеризуется прежде всего тем, что в нём подчёркнуты, даны с наибольшей яркостью постоянные признаки данного объекта и, с другой стороны, отсутствуют или представлены очень бледно признаки, характерные для отдельных, частных восприятий.

Наши представления всегда являются результатом обобщения отдельных восприятий. Степень обобщения, содержащегося в представлении, может быть различной. Представления, характеризующиеся большой степенью обобщения, называются *общими представлениями*. Представление, относящееся к целой группе сходных предметов, например представление дерева, всегда будет общим представлением.

34. ТИПЫ ПАМЯТИ

Чтобы охарактеризовать память какого-нибудь человека, недостаточно сказать, что она плохая или хорошая. Известно, что память может быть хорошей по отношению к одним объектам и плохой по отношению к другим. Некоторые люди имеют прекрасную память на числа, но всю жизнь страдают от плохой памяти на лица. Другие, обладая хорошей памятью на лица, испытывают постоянные затруднения с припоминанием имён и фамилий. Третьи с чрезвычайной лёгкостью запоминают стихи, но должны тратить много усилий для запоминания математических формул.

Типом памяти называется индивидуальная особенность памяти человека. Наиболее существенное значение имеет различие между *образным* и *словесно-логическим* типом памяти.

Некоторые люди лучше запоминают наглядные образы предметов и событий, другие же запоминают по преимуществу мысли, выраженные в словах. Вспоминая содержание прочитанной книги, люди образного типа памяти мысленно видят перед собой действующих лиц, картины природы, отдельные сцены рассказа, люди же словесно-логического типа памяти прежде всего вспоминают основные мысли книги, наиболее интересные словесные формулировки.

Самых ярких представителей образного типа памяти можно найти среди деятелей искусства: художников, музыкантов, писателей, актёров, тогда как словесно-логическую память чаще можно встретить среди учёных.

Много примеров исключительно сильной образной памяти можно найти в биографиях художников. Известный русский художник Н. Н. Ге в своей картине «Пётр I допрашивает царевича Алексея в Петергофе» (находится в Москве, в Государственной Третьяковской галерее) изобразил комнату одного из петергофских дворцов. «Я в голове, в памяти принёс домой весь фон картины «Пётр I и Алексей»,— писал он впоследствии,— с камином, с карнизами, с четырьмя картинами голландской школы, со стульями, с полом и с освещением,— я был всего один раз в этой комнате и был умышленно один раз, чтобы не разбить впечатления, которое я вынес».

Не менее яркие примеры исключительной образной памяти дают биографии музыкантов. Русский композитор Балакирев отличался, по свидетельству современников, «изумительной», «непостижимой» музыкальной памятью. Услышав всего один раз в концерте

одно из симфонических (оркестровых) произведений Чайковского, он через два года сумел в точности припомнить его и сыграть автору, который к этому времени успел уже в значительной мере забыть своё произведение. Столь же изумительна была музыкальная память Рахманинова. Однажды к его учителю, Танееву, приехал композитор Глазунов, чтобы сыграть свою новую, только что написанную и никому ещё не известную симфонию. Любивший подшутить, Танеев перед приходом Глазунова спрятал у себя в спальне Рахманинова, тогда ещё ученика консерватории. Через несколько времени после того как Глазунов сыграл симфонию, Танеев привёл Рахманинова. Молодой студент сел за фортепиано и сыграл симфонию Глазунова. Автор был совершенно озадачен, откуда этот молодой студент консерватории мог узнать произведение, рукописи которого он никому ещё не показывал.

В процессе школьного обучения мы постоянно пользуемся и образной, и словесно-логической памятью. Образная память очень тесно связана с воображением. Она может иметь существенное значение в самых разных областях человеческой деятельности.

Словесно-логическая память выражается в запоминании и воспроизведении мыслей. Наши мысли неразрывно связаны с речью; поэтому и воспроизведение мыслей всегда связано с тем или другим речевым выражением. Мы запоминаем и воспроизводим мысли, выраженные в словах. На этом основании этот тип памяти назван словесно-логическим.

Словесно-логической памятью человек пользуется постоянно. В учебной работе её роль чрезвычайно велика. Рассматривая в предыдущих параграфах процессы запоминания, сохранения в памяти и воспроизведения, мы имели в виду главным образом словесно-логическую память.

Физиологической основой различия между образным и словесно-логическим типом памяти являются особенности соотношения двух сигнальных систем. Если деятельность первой, сигнальной системы играет значительную роль в запоминании, то имеет место образный тип памяти. Если запоминание и воспроизведение осуществляются преимущественно в деятельности второй сигнальной системы, то имеет место словесно-логический тип памяти. Память многих людей относится к среднему типу, гармонически сочетающему в себе действие обеих сигнальных систем.

Типы памяти обусловлены не только взаимодействием сигнальных систем (образная и словесно-логическая память), но и тем, какой анализатор является ведущим в запоминании

и воспроизведении. В зависимости от роли основных анализаторов тип памяти может быть *зрительный*, *слуховой* и *двигательный*.

Некоторые люди, чтобы запомнить, нуждаются в зрительном восприятии того, что запоминается (зрительный тип). Другим для запоминания нужны слуховые восприятия или хотя бы слуховые образы (слуховой тип). Третьи, наконец, для запоминания нуждаются в движениях и в особенности в речевых движениях (двигательный и в частности речедвигательный тип).

Двигательная память является основой выработки двигательных навыков (письмо, работа на пишущей машинке, игра на музыкальных инструментах, управление самолётом и т. п.). Исключительно большое значение имеет двигательная память при занятиях физкультурой и спортом (катание на коньках, езда на велосипеде, плавание и т. д.).

У большинства людей главенствующим является зрительный тип памяти — при запоминании предметов, и речедвигательный — при запоминании словесного материала.

Представители чистых типов встречаются не часто. У большинства людей *смешанный* тип памяти.

Принадлежность к тому или иному типу в значительной мере зависит от практики заучивания, т. е. от того, что именно приходится запоминать данному человеку и как он приучается запоминать. Поэтому тип памяти может быть развит благодаря упражнению. Это имеет важное практическое значение: нужно стремиться к тому, чтобы развивать у себя возможно более разносторонний тип памяти.

35. КАЧЕСТВА ПАМЯТИ

В предыдущем параграфе мы говорили о том, что нельзя характеризовать память человека просто как плохую или хорошую, потому что она может быть различной по отношению к разным объектам. Теперь мы должны внести дальнейшее уточнение в этот вопрос. Даже имея в виду определённые объекты, недостаточно ещё сказать про память, что она хорошая или плохая. Она может быть хорошей в одном отношении и плохой в другом. По отношению, например, к историческим фактам память какого-нибудь человека может отличаться

большой прочностью сохранения и в то же время быть недостаточно точной.

Характеризуя память человека, надо различать отдельные качества её. Наиболее важны из них следующие:

1. Быстрота запоминания. Одному человеку, чтобы запомнить какой-нибудь материал, нужно долго и прилежно работать, тогда как другой запоминает этот же материал очень быстро. Это качество памяти больше всего бросается в глаза, и поэтому многие склонны оценивать память главным образом с точки зрения быстроты запоминания. Такая оценка, однако, несправедлива. Быстрота запоминания сама по себе не имеет решающего значения; она приобретает ценность лишь в соединении с другими качествами памяти.

2. Прочность сохранения. Запомнив что либо, одни люди надолго удерживают это в памяти, другие — быстро забывают («короткая память»). Различия между людьми в этом отношении не меньше, чем в отношении быстроты запоминания.

Возможны различные взаимоотношения между этими двумя качествами памяти. Экспериментальные исследования показывают, что большая быстрота запоминания чаще бывает связана с прочным сохранением; кто скоро запоминает, тот и помнит долго. Наблюдаются, однако, и обратные случаи: некоторые из быстро запоминающих людей столь же быстро и забывают, тогда как некоторые медленно заучивающие надолго удерживают в памяти то, что они однажды заучили.

3. Точность памяти. Она характеризуется отсутствием искажений, пропусков чего-либо существенного и субъективных дополнений. Точность — одно из важнейших качеств памяти, требующее к себе особенного внимания.

Если отдать себе ясный отчёт в том, какое значение имеет точность воспроизведения во многих областях жизни, становится ясным, насколько необходимо каждому человеку работать над повышением точности своей памяти. Основное средство для этого — воспитать в себе критическое отношение к собственным воспоминаниям. Надо уметь отличать то, что я помню достоверно, от того, что мне только кажется, отличать подлинное воспроизведение виденного и слышанного от субъективных дополнений, догадок и истолкований.

При отсутствии точности воспроизведения все остальные качества памяти теряют бо́льшую часть своей ценности.

4. Готовность памяти. Под этим названием разумеется умение быстро извлекать из запасов памяти то, что необходимо в данный момент. Некоторые люди, обладая обширными знаниями, не могут, однако, быстро находить ответы на те запросы, которые предъявляет жизнь. Про таких людей говорят: «У них много знаний, но они не умеют ими пользоваться». Без готовности памяти невозможна та черта ума, которую обычно называют «находчивостью».

В некоторых профессиях находчивость, умение быстро извлекать нужный материал из своего запаса знаний, имеет решающее значение; сюда относится деятельность военачальника, лечащего врача, учителя и т. п.

Готовность памяти зависит, во-первых, от того умения припоминать, о котором мы говорили на стр. 99, а во-вторых, от систематичности знаний. Только в том случае, если в «запасах памяти» господствует полный порядок и строжайшая система, можно быстро находить в них необходимый материал. Недаром крупные военачальники — люди с исключительно высокой готовностью памяти — особенно подчёркивали необходимость упорядоченности знаний. «Память есть кладовая ума, — говорил Суворов, — но в этой кладовой много перегородок, а потому надобно скорее всё укладывать куда следует».

36. ВОСПИТАНИЕ ПАМЯТИ

Всякий человек хотел бы иметь возможно лучшую память. Это желание вполне естественно, но чтобы осуществить его, необходимо отдать себе ясный отчёт в том, что разумеется под хорошей памятью.

Наличие исключительно сильной способности механического запоминания не является ещё само по себе очень ценным свойством. В научной литературе описано много случаев, доказывающих это положение.

Один человек обладал настолько сильной механической слуховой памятью, что, не понимая ни одного слова по-латыни, мог безошибочно повторить 30 строк латинских стихов, однажды прослушав их. Это не мешало ему, однако, проявлять в жизни чрезвычайно плохую память;

он постоянно забывал половину даваемых ему поручений, а в остальных делал ряд ошибок. Другой человек отличался такой исключительной зрительной памятью, что запоминал слово в слово целую страницу газетного текста, после того как прочитывал её всего один раз. Но он сильно тяготился этой способностью и говорил, что, когда ему надо вспомнить какую-нибудь одну мысль или один факт из прочитанного, он вынужден мысленно пробегать весь текст с самого начала.

Эти случаи говорят об исключительном механическом запоминании при неразвитости смыслового запоминания. *Хорошей же памятью является высоко развитое смысловое запоминание, лишь опирающееся на помощь механического.*

В биографиях многих выдающихся людей отмечается их замечательная память. Психологический анализ показывает, что в большинстве этих случаев дело идёт не о каких-либо способностях механического запоминания, а об исключительном развитии запоминания смыслового. Чем же определяется развитие смыслового запоминания?

Во-первых, тем, на что *направлена* психическая жизнь человека, каковы его интересы. Смысловое запоминание, как мы знаем, характеризуется тем, что человек запоминает не всё в равной мере, а по преимуществу то, что для него существенно, нужно, интересно. Понятно поэтому, что чем шире, разнообразнее и содержательнее интересы человека, тем богаче и содержательнее будут «запасы» его памяти. Что́ человек помнит, в значительной степени зависит от того, чем он интересуется.

Все, знавшие Я. М. Свердлова, изумлялись его феноменальной памяти на имена, на лица, на даты, на всё, так или иначе связанное с личностью и деятельностью партийных работников. «Его голова,— вспоминает Ярославский,— была своего рода учётно-распределительным отделом, она хранила в своей памяти образы тысяч подпольных работников, и она же фиксировала, закрепляла образы тысяч новых работников, пришедших к нам в дни революции».

Свердлов и по своей одарённости, и по основному направлению своей работы был замечательным организатором. «Организатор до мозга костей,— писал о нём И. В. Сталин,— организатор по натуре, по навыкам, по революционному воспитанию, по чутью, организатор всей своей кипучей деятельностью, — такова фигура Я. М. Свердлова». Легко понять, что для Свердлова, как для организатора, все данные, характеризующие каждого отдельного работника, имели первостепенный интерес. На этой основе могла развиться и его исключительная память.

Во-вторых, развитие смыслового запоминания определяется *общим умственным развитием* человека. Кто имеет большие и разносторонние знания, легко найдёт много смысловых связей для того нового материала, который ему надо запомнить. Человек, умеющий мыслить, глубже поймёт подлежащий запоминанию материал, а понимание, как мы знаем, — основное условие развития смыслового запоминания. Обычно думают: чем лучше память у человека, тем больше он может иметь знаний. Это, конечно, верно. Но не надо забывать и обратной зависимости: чем больше у человека знаний, тем лучше становится у него память в соответствующих областях.

В-третьих, *организованность* в запоминании является важнейшим условием развития памяти. Нужно стремиться к системе знаний, а не к простому накоплению фактов. Организованность при запоминании предполагает привычку к *смысловой группировке* того, что заучивается. Нередко, при недостаточной последовательности и систематичности заучиваемого материала, при трудностях понимания, смысловая группировка достигается не сразу и требует немалых усилий. Но эта затрата усилий будет полностью оправдана. Порядок и система при запоминании в высокой мере содействуют прочности сохранения в памяти. В свою очередь, организованность материала, сохраняемого в памяти, содействует быстроте и точности воспроизведения. Каждый, кто хочет развить свою память, должен приучать себя к систематичности и организованности при запоминании и воспроизведении.

Наконец, развитие памяти достигается путём овладения теми приёмами запоминания, припоминания и борьбы с забыванием, которые мы подробно разбирали в параграфах 30, 31 и 32. *Чтобы развить свою память, нужно постоянно воспитывать в себе умение запоминать, удерживать в памяти и припоминать.*

Вопросы для повторения

1. Что такое память?
2. Что называют законом ассоциации?
3. В чём заключается физиологическая основа ассоциации?
4. Что является основным условием механического и что — смыслового запоминания?
5. Какое значение имеет механическое и смысловое запоминание в жизни человека?

6. Перечислите условия успешности заучивания.
7. Из каких этапов состоит процесс осмысленного заучивания текста?
8. Перечислите важнейшие способы борьбы с забыванием.
9. Укажите причины непреднамеренного воспроизведения.
10. Какими приёмами можно пользоваться в процессе припоминания?
11. Перечислите важнейшие отличия представлении от восприятий.
12. Перечислите типы памяти.
13. Дайте характеристику образной и словесно-логической памяти.
14. Перечислите важнейшие качества памяти.
15. Перечислите условия, от которых зависит развитие памяти.

Глава VII

ВООБРАЖЕНИЕ

37. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ВООБРАЖЕНИИ

Образы предметов и явлений, которых мы в данный момент не воспринимаем, называются представлениями. Если представление является воспроизведением прошлого восприятия, оно относится к области памяти. Таковы, например, имеющиеся у каждого человека представления его комнаты, дома, в котором он живёт, лиц близких знакомых и т. п. Но мы можем создавать себе представления и таких вещей, которых никогда раньше не воспринимали. Человек, никогда не выезжавший за пределы средней полосы СССР, всё же представляет себе и льды Арктики, и тундру, и тропические леса, и песчаные пустыни. Такого рода представления будут представлениями воображения.

Как же могут создаваться такие представления? Откуда берётся материал для них?

Все представления воображения строятся из материала, полученного в прошлых восприятиях и сохранённого в памяти. Деятельность воображения всегда является переработкой тех данных, которые доставляются ощущениями и восприятиями. «Из ничего» воображение творить не может. Человек, глухой от рождения, никогда не сможет представить себе звук, так же как слепорождённый никогда не создаст в своём воображении цветного образа.

Человек, не бывавший на Крайнем Севере, может вообразить тундру только потому, что он видел изображения её на картинах и фотографиях, видел и в действительности отдельные элементы, входящие в ландшафт тундры, — видел покрытую снегом равнину, мелкий кустарник, видел в зоопарке оленей. Переработка такого материала,

полученного в прошлых восприятиях, и даёт возможность создать представление тундры, и чем богаче этот материал, тем ярче и полнее может быть представление воображения. Бывают случаи, когда школьники младших классов, начиная заниматься историей СССР, представляют себе русского боярина в виде современного человека в пальто и кепке. Происходит это потому, что у них нет материала, из которого можно было бы построить верный образ русского боярина, того материала, который обычно даётся рассматриванием картин и иллюстраций, посещением музеев, знакомством с театральными спектаклями и кинофильмами из древнерусской жизни.

Теперь мы можем дать определение воображения. **Воображение — это создание новых образов на основе материала прошлых восприятий.**

Самые причудливые и фантастические продукты воображения всегда строятся из элементов действительности. Таковы все фантастические создания народного воображения: русалка (женщина с рыбьим хвостом), древнегреческий сфинкс (туловище льва, голова и грудь женщины, крылья птицы), избушка на курьих ножках и т д.

Прочтите такой характерный образец сказочной поэзии, как начало «Руслана и Людмилы» Пушкина:

У лукоморья дуб зелёный;
Златая цепь на дубе том:
И днём и ночью кот учёный
Всё ходит по цепи кругом;
Идёт направо — песнь заводит,
Налево — сказку говорит.
Там чудеса: там леший бродит...
и т. д.

Фантастично здесь только сочетание элементов, необычайный смысл и значение, которые они получают, сами же элементы взяты из действительности. Дуб, золотая цепь, кот, песни — всё это существует в действительности и знакомо каждому. Но образ учёного кота, ходящего вокруг дуба на золотой цепи и поющего песни, — продукт творческого воображения поэта.

Воображение человека родилось и развивалось в процессе труда.

Трудясь, человек изменяет, преобразует действительность, создаёт новые вещи, необходимые для удовлетворения его потребностей. Обязательным условием является при этом наличие сознательной цели: человек заранее представляет себе результат своего труда, те вещи и те изменения в них,

которые он желает получить. В этом существенное отличие человека от животных.

«Паук совершает операции, — пишет Маркс, — напоминающие операции ткача, и пчела постройкой своих восковых ячеек посрамляет некоторых людей-архитекторов. Но и самый плохой архитектор от наилучшей пчелы с самого начала отличается тем, что прежде чем строить ячейку из воска, он уже построил ее в своей голове. В конце процесса труда получается результат, который уже в начале этого процесса имелся в представлении работника...»

Преобразование действительности «в представлении», построение «в голове» новых вещей осуществляется воображением.

38. ПАССИВНОЕ И АКТИВНОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

В процессах воображения мы можем различать разную степень активности.

Крайним случаем совершенно пассивного воображения являются *сновидения*, в которых образы рождаются непреднамеренно, сами собой изменяются и вступают в неожиданные, причудливые, иногда совершенно бессмысленные сочетания. Непроизвольной в основе своей является также деятельность воображения, развёртывающаяся в полусонном, дремотном состоянии, например перед засыпанием.

Очень точное и детальное описание такой работы воображения даёт Л. Н. Толстой в «Войне и мире». Пятнадцатилетний Петя Ростов находится в партизанском отряде Денисова; ночь; на утро намечено нападение отряда на французскую колонну; Петя только что вернулся из разведки и дремлет, сидя на фуре.

«Петя должен бы был знать, что он в лесу, в партии Денисова... что он сидит на фуре, отбитой у французов... что под ним сидит казак Лихачёв и натачивает ему саблю, что большое, чёрное пятно направо — караулка, и красное, яркое пятно внизу налево — догоравший костёр... но он ничего не знал и не хотел знать этого. Он был в волшебном царстве, в котором ничего не было похожего на действительность. Большое чёрное пятно может быть точно была караулка, а может быть была пещера, которая вела в самую глубь земли. Красное пятно может быть был огонь, а может быть глаз огромного чудовища»... «Ожиг, жиг, ожиг, жиг...— свистела натачиваемая сабля. И вдруг Петя услыхал стройный хор музыки, игравшей какой-то неизвестный, торжественно-сладкий гимн... Музыка играла всё слышнее и слышнее. Напев разрастался, переходил из одного инструмента в другой... Каждый инструмент, то похожий на скрипку,

то на трубы — но лучше и чище, чем скрипки и трубы,— каждый инструмент играл своё и, не доиграв ещё мотива, сливался с другим, начинавшим почти то же, и с третьим, и с четвёртым, и все они сливались... то в торжественно-церковное, то в ярко-блестящее и победное».

Эти музыкальные образы возникают и развиваются сами собой. В этом смысле они похожи на сон. Но Петя не спит; он только дремлет, и поэтому он всё же может влиять на течение своих образов.

«Он попробовал руководить этим огромным хором инструментов. «Ну, тише, тише, замирайте теперь». И звуки слушались его. «Ну, теперь полнее, веселее. Ещё, ещё радостнее». И из неизвестной глубины поднимались усиливающиеся, торжественные звуки».

Явления сна и сновидений, окружённые таинственностью на протяжении многих веков, получили в работах И. П. Павлова научное объяснение. И. П. Павловым было установлено, что сон представляет собой разлитое торможение больших полушарий. Полное и глубокое торможение коры — это сон без сновидений; сновидения же вызываются работой групп клеток, оставшихся незаторможёнными. Дело в том, что торможение охватывает клетки коры постепенно и неодинаково глубоко; неравномерность распространения торможения заметно выступает в начальной стадии сна и в его последней стадии перед пробуждением. В нервных клетках, осуществляющих высшие психические функции, связанные с деятельностью второй сигнальной системы, торможение происходит раньше и глубже, и эти клетки растормаживаются позже, чем клетки, осуществляющие функции первой сигнальной системы. Поэтому сновидения, представляющие собой деятельность незаторможённых групп клеток коры, бывают такими образными и вместе с тем фантастичными, лишёнными критического отношения к возникающим картинам.

Для сновидений характерно неестественное течение событий, появление странных образов, представляющих собой как бы фантастическую комбинацию реальных образов и предметов. Это есть результат необычного сочетания функционирующих клеток вследствие неравномерной заторможённости отдельных участков коры. В сновидениях отсутствует преднамеренность и сознательный контроль за течением представлений, поэтому сновидения рассматриваются как крайняя степень пассивности воображения.

В бодрствующем состоянии деятельность воображения может иметь самые различные степени преднамеренности и активности. На высоких ступенях своего развития,

в творческой работе писателя, художника, учёного воображение становится процессом сознательного и активного создания образов, отвечающих строго определённому замыслу и удовлетворяющих столь же строгим требованиям. *Умение преднамеренно вызывать достаточно яркие образы* является необходимым условием развития воображения.

39. ВОССОЗДАЮЩЕЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Воссоздающим воображением называется построение образа объекта в соответствии с описанием (или чертежом, схемой и т. п.) этого объекта.

Читая в учебнике физики или химии описание какого-нибудь опыта, учащийся должен возможно яснее представить себе расположение предметов и приборов, действия, которые надо произвести, результат этих действий и т. д. Это и есть деятельность воссоздающего воображения. Рассматривая плоскостной чертёж машины, надо уметь совершенно отчётливо представить себе расположение отдельных частей этой машины в пространстве и взаимодействие их. Это также работа воссоздающего воображения, а именно той его разновидности, которая называется «техническим воображением». Техническое воображение, необходимое в деятельности инженера, техника, квалифицированного рабочего, предполагает умение, глядя на чертёж, мысленно «видеть» машину, аппарат, деталь, изображённые на этом чертеже.

Особенно большую роль играет воссоздающее воображение при изучении таких наук, объекты которых не могут быть знакомы из личного опыта. Это относится к ботанике, зоологии, географии, в особенности же к истории; события далёкого прошлого, людей тех времён, обстановку, в которой они действовали, — можно представить себе только с помощью воображения. Изучение истории, не опирающееся на работу воссоздающего воображения, остаётся на уровне механического запоминания слов.

Недостаточно, однако, — о какой бы науке ни шла речь, — воображать себе *что-нибудь*. Задача заключается не просто в том, чтобы вызвать у себя *какое-нибудь* представление изучаемого предмета, а в том, чтобы создать *правильное* представление. Воссоздающее воображение должно быть не только живым, богатым и гибким, оно должно также быть

верным, точным, давать образы, соответствующие действительности.

Это возможно при наличии двух условий:

1. *Нужно уметь правильно понимать те описания, схемы, чертежи*, от которых отправляется работа воображения.

Чтобы представить себе по чертежу машину, надо уметь «читать чертёж», понимать применяемые в нём способы изображения, знать условные обозначения. Чтобы создать верную картину событий прошлого, надо прежде всего правильно понимать текст исторического описания и рассказа.

2. *Нужно иметь достаточный запас наглядных образов* из соответствующей области действительности. В первом параграфе этой главы мы уже говорили о том, что без достаточного материала, полученного в восприятии, невозможна продуктивная работа воображения, и приводили пример неправильных исторических представлений, возникающих от недостатка такого материала.

Воссоздающее воображение имеет важнейшее значение в психическом развитии человека. Давая возможность по чужому рассказу и описанию представить себе то, чего сам не видал и не можешь увидеть, оно выводит человека за узкие рамки его личного опыта и делает его знания конкретными и живыми.

Ярче всего развёртывается деятельность воссоздающего воображения при чтении художественной литературы. Герои произведений Пушкина, Гоголя, Л. Н. Толстого, Горького и других крупных писателей сами собой оживают в воображении читателя, и сама собой развёртывается картина событий, изображаемых автором. Всякий знает, что гораздо легче получить яркие и живые образы прошлого, читая исторический роман или повесть, чем изучая учебник по истории или научное историческое сочинение. Вспомните с этой точки зрения такие произведения, как «Капитанская дочка» Пушкина, «Тарас Бульба» Гоголя, «Пётр I» А. Н. Толстого.

Чтение художественной литературы — лучшая школа воображения, самое мощное средство воспитания его.

Но не всякое чтение художественной литературы является такой школой. Беглое просматривание произведения, преследующее одну цель — узнать, «про что здесь говорится» и «что случится дальше», — не только не развивает воображения, а, наоборот, приучает его бездействовать. Умение читать

художественную литературу требует активной работы воображения, требует, чтобы читатель мысленно «видел и слышал» всё то, о чём идёт речь.

Люди, не обладающие этим умением, склонны бывают при чтении художественного произведения пропускать описания. Это вполне естественно: для человека с «ленивым воображением» художественное описание должно казаться скучным и ненужным.

Чтобы понять художественное описание, недостаточно понять значение слов и сообразить, о каких предметах идёт речь, необходимо с полной наглядностью представить себе картину, которую развёртывает автор. Мало того. Чтобы эта картина ожила, во многих случаях необходимо дополнить зрительный образ её целым рядом других представлений: слуховых, обонятельных и т. п. Только тогда можно действительно перенестись воображением в ту обстановку, в которую хочет вас перенести писатель, «пережить» её.

Прочтите следующие строчки из данного Тургеневым описания июльского утра:

«Кто, кроме охотника, испытал, как отрадно бродить на заре по кустам? Зелёной чертой ложится след ваших ног по росистой, побелевшей траве. Вы раздвинете мокрый куст — вас так и обдаст накопившимся тёплым запахом ночи; воздух весь напоён свежей горечью полыни, мёдом гречихи и «кашки»; вдали стеной стоит дубовый лес и блестит и алеет на солнце; ещё свежо, но уже чувствуется близость жара. Голова томно кружится от избытка благоуханий... Вот заскрипела телега... Звучный лязг косы раздаётся за вами».

Чтобы действительно понять эти строчки, надо мысленно «увидеть» и стену дубового леса, блестящую и алеющую на солнце, и зелёный след на побелевшей траве, надо мысленно «услышать» скрип телеги и лязг косы. Мало того, надо представить себе горький запах полыни и медовый запах гречихи и «кашки», представить свежесть утра и начинающую чувствоваться близость жара, представить ощущение «томного» головокружения. Тогда можно действительно пережить то, что пережили бы вы, «бродя на заре по кустам», т. е. действительно перенестись в изображаемую ситуацию.

Искусству читать художественную литературу надо учиться, а овладевая этим искусством, в то же время развиваешь и совершенствуешь своё воображение.

40. ТВОРЧЕСКОЕ ВООБРАЖЕНИЕ

Творческим воображением называется самостоятельное создание новых образов, включённое в процесс творческой

деятельности, т. е. деятельности, дающей в результате оригинальные и ценные продукты. Таково воображение писателя, художника, композитора, учёного, изобретателя и т. д.

Творческое воображение — процесс значительно более сложный и трудный, чем воссоздающее воображение. Создать образы Онегина, Печорина или Плюшкина несравненно труднее, чем представить их себе и понять, читая уже написанное произведение. Создать новый образец машины несравненно труднее, чем представить его себе по готовому чертежу.

Нет такой области творчества, где воображение не играло бы значительной роли.

Всякий труд, являющийся творческим трудом, включает в себя деятельность творческого воображения. Рабочий-стахановец, ломающий старые нормы и достигающий огромного увеличения производительности труда, должен представить себе, «создать в своём воображении», новое, наиболее рациональное расположение орудий труда, новые способы выполнения деятельности, новую расстановку рабочей силы.

Легко понять, насколько важно творческое воображение для изобретателя, который ищет не отвлечённую идею, а конкретную вещь — машину, аппарат, прибор и т. д.; раньше, чем осуществить своё изобретение в виде модели, он должен построить его «в голове», должен вообразить его. Воображение изобретателя — это техническое воображение, но не воссоздающее техническое воображение, о котором мы говорили в предыдущем параграфе, а творческое.

Не менее важно воображение для учёного. Задумывая эксперимент, учёный должен создать в своём воображении такую комбинацию условий, которая давала бы возможность проверить намечаемую им гипотезу или установленный им закон.

Создавая новые гипотезы и устанавливая новые законы, учёный также должен «дать полный простор своему воображению». Не обладая гениальной силой воображения, Ньютон не пришёл бы к мысли вывести движение планет из движения брошенного камня или снаряда и объяснить одной причиной падение тел на Земле и движение планет вокруг Солнца. Нет такой науки, которая не требовала бы воображения. Ленин подчёркивал необходимость воображения даже в математике, самой отвлечённой науке, указывая, что без воображения невозможны были бы крупные математические открытия.

Нигде, однако, воображение не имеет такого исключительного значения, как в искусстве, в процессе художественного творчества. В науке образы воображения являются лишь материалом, которым пользуется творческая мысль учёного. В искусстве создание образов является целью творчества; в образах воплощает художник — писатель, живописец, композитор, актёр — свой идейный замысел. Поэтому работа воображения занимает центральное место в процессе художественного творчества.

Возьмём в качестве примера работу воображения у писателя.

Прежде всего надо отметить чрезвычайную яркость и живость образов воображения у больших художников слова. Образы эти в большинстве случаев создаются ещё до начала процесса писания. Автор мысленно «видит» своих героев и их поступки, «слышит» их разговоры, и ему остаётся только вдумываться в смысл событий, развёртывающихся перед его внутренним взором, производить отбор того, что должно войти в произведение, и возможно точнее описывать отобранное.

«Я не сочиняю содержание книги,—говорил Диккенс,— но вижу его и записываю». Так же характеризовал процесс писания романа Гончаров: «Лица не дают мне покоя, пристают, позируют в сценах; я слышу отрывки их разговоров — и мне часто казалось, что я это не выдумываю, а что это всё носится в воздухе около меня, и мне только надо смотреть и вдумываться».

Конечно, писателю только *кажется*, что он не «сочиняет», не «выдумывает» своего произведения. Кажется же это, во-первых, потому, что образы обычно создаются ещё до процесса писания, а во-вторых, потому, что образы эти по яркости и живости своей приближаются к образам восприятия. Алексей Николаевич Толстой, отмечая эту последнюю черту, говорит о себе, что часто он, вспоминая, «путал бывшее и воображаемое».

Другая важнейшая черта воображения писателя заключается в том, что он не просто «видит» и «слышит» своих героев, но, по выражению А. Н. Толстого, «живёт вместе с ними». Писатель должен уметь вообразить себя своим собственным героем, поставить себя на его место, пережить в воображении его чувства.

Горький видел в этом самое важное отличие воображения писателя от воображения учёного. «Работник науки,— писал он,— изучая барана, не имеет надобности воображать себя самого бараном, но литератор, будучи щедрым, обязан вообразить себя скупым, будучи бескорыстным — почувствовать себя корыстолюбивым стяжателем, будучи слабовольным — убедительно изобразить человека сильной воли».

Можно сказать, что писатель наряду со зрительным и слуховым воображением должен иметь ещё *эмоциональное воображение*, т. е. способность переживать в воображении чужие чувства. Столь мощная и богатая работа воображения возможна лишь при наличии достаточного материала. Накопление этого материала предполагает следующие условия:

1. Высокое развитие *наблюдательности*, о чём мы уже говорили в главе о восприятии (стр. 67).

2. Тщательное и углублённое *изучение* той области *действительности*, которую писатель изображает в своём произведении.

Показательна в этом отношении работа А. Фадеева над романом «Молодая гвардия». По поводу нового, дополненного и переработанного издания этого романа газета «Правда» отмечала, что писатель «прежде всего обратился к углублённому изучению жизни и материалами самой действительности обогатил своё творчество. Автор романа заново изучил работу реально существовавшего в Краснодоне большевистского подполья, которое руководило «Молодой гвардией», привлёк новый жизненный материал». В результате писатель сумел дать правдивое и художественное обобщение типичных явлений нашей жизни.

3. Богатство собственной *эмоциональной жизни* и, в частности, высокое развитие *эмоциональной памяти*, т. е. памяти на чувства, дающей материал для эмоционального воображения.

Самым важным, решающим условием, определяющим деятельность творческого воображения, является идейная направленность человека. Воображение только тогда заслуживает названия творческого, когда оно служит реализации идеи, когда в создаваемых образах воплощается идейный замысел творческого работника.

Идейная направленность, определяемая мировоззрением человека, — основной двигатель творческого воображения.

41. МЕЧТА

Особой формой воображения является мечта. Так же как и творческое воображение, *мечта — это самостоятельное создание новых образов*. Но она отличается от творческого воображения двумя существенными чертами:

1. *Мечтой называется создание образов желаемого,* тогда как в образах творческого воображения не всегда воплощаются желания автора. Никак нельзя назвать отрицательные образы Чичикова, Плюшкина, Ноздрёва «мечтой Гоголя». В мечтах находят своё образное выражение желания человека, то, что влечёт его к себе, к чему он стремится.

2. *Мечтой называется процесс воображения, не включённый в творческую деятельность, т. е. не дающий немедленно и непосредственно объективного продукта* в виде художественного произведения, научного открытия, технического изобретения и т. п.

Это не значит, однако, что мечта никак не связана с деятельностью. Мечта направлена не на настоящую, а на будущую деятельность, и поэтому она нередко образует первую, подготовительную ступень творческого воображения. Силой творческого воображения создаёт изобретатель конструкцию аппарата, над которым он в данное время работает, а в мечтах он рисует себе очертания своих будущих работ, воплощение тех творческих замыслов, которые влекут его к себе.

Мечта — это процесс воображения, направленный на будущее и притом желаемое будущее.

Неправильно понимать мечту как результат пассивной, непроизвольной игры воображения. Бывают, конечно, и такие мечты (их нередко называют «грёзами»), но они образуют лишь низшую ступень этой формы воображения. На более высоких ступенях мечта становится активным, произвольным, сознательным процессом.

Ценность мечты определяется главным образом тем, в каком отношении находится она к деятельности человека.

Ленин в одной из своих работ приводит следующие слова известного критика и публициста 60-х годов Писарева, подчёркивая правильность заключённой в них мысли о «мечте полезной, как толчке к работе»:

«Моя мечта может обгонять естественный ход событий или же она может хватать совершенно в сторону, туда, куда

никакой естественный ход событий никогда не может прийти. В первом случае мечта не приносит никакого вреда; она может даже поддерживать и усиливать энергию трудящегося человека... Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать таким образом, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руками, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни. .»

Характеризуя в лице Олега Кошевого лучших представителей «нового, самого юного поколения» советских людей, Фадеев подчёркивает у них такие, «казалось бы, несоединимые черты», как «мечтательность и действенность, полёт фантазии и практицизм». «Несоединимыми» эти черты могут лишь казаться на первый, поверхностный взгляд.

Мечта и полёт фантазии являются могучим толчком к деятельности. Мечтая, человек глядит вперёд, в будущее, и в своих мечтах видит как бы программу будущей деятельности, перспективы её. Его желания и стремления, воплощаясь в образах мечты, становятся более сильными и действенными. Особенно ярко это показано в «Молодой гвардии» в образах Сергея Тюленина и Любы Шевцовой: страстная мечта о подвиге играла исключительную роль в их духовном росте.

Совершенно иной характер имеет мечта, когда она выступает для человека как замена деятельности, когда человек мечтает, вместо того чтобы действовать, когда он уходит в мечту от жизни. Такие люди, мечтая, глядят не вперёд, а в сторону. Они находят в мечтах воображаемое исполнение своих желаний, и это избавляет их от необходимости бороться за действительное исполнение этих желаний. Таких людей называют «пустыми мечтателями».

42. ВООБРАЖЕНИЕ И ЧУВСТВО

Деятельность воображения теснейшим образом связана с эмоциональной жизнью человека. Связь эта двусторонняя. С одной стороны, *чувства пробуждают деятельность*

воображения: под влиянием страха воображение рисует перспективы бесчисленных опасностей, а у человека, окрылённого радостью успеха, оно развёртывает яркие картины будущих удач и достижений. С другой стороны, *образы воображения рождают чувства или усиливают уже имеющиеся:* многие люди, собираясь выдернуть зуб, так ярко воображают ожидающие их страдания, что переживают чувство страха гораздо более сильное, чем та кратковременная неприятность, которая им действительно предстоит в кабинете врача.

Особенно ярко видна связь воображения и чувства в художественном творчестве. Процесс творчества никогда не развёртывается в полной мере, пока художник равнодушен к своему замыслу, пока намечаемый сюжет не волнует, не зажигает его. Значительные создания творческого воображения всегда рождаются при участии большого чувства.

По поводу своей оперы «Евгений Онегин» Чайковский писал: «Если была когда-нибудь написана музыка с искренним увлечением, с любовью к сюжету и к действующим лицам, то это музыка к «Онегину». Я таял и трепетал от невыразимого наслаждения, когда писал её». В дальнейшем процессе творчества образы воображения, созданные под влиянием чувства, сами становятся источником чувств: они могут волновать художника, создавшего их, не менее, чем события действительной жизни. Глинка вспоминает, что положение Сусанина в сцене с поляками в лесу так сильно волновало его, что у него «волосы становились дыбом и мороз подирал по коже». Чайковский в день, когда была окончена последняя картина «Пиковой дамы», записал в своём дневнике: «Ужасно плакал, когда Герман испустил дух».

Такова же связь воображения и чувства в процессе восприятия художественного произведения. Чем сильнее волнует нас произведение, тем интенсивнее становится деятельность воссоздающего воображения, а по мере того как мы ярче представляем себе героев произведения и обстановку, в которой они действуют, мы глубже и сильнее переживаем их чувства.

Искусство является не только школой воображения, но и школой чувства. Давая возможность человеку пережить мир глубоких и значительных чувств, аккумулятором которых являются великие произведения литературы, музыки, живописи, оно раздвигает границы эмоционального опыта человека и тем самым обогащает содержание его душевной жизни.

Без воображения невозможна богатая и разносторонняя эмоциональная жизнь. Человек, лишённый воображения, неизбежно замкнут в тесном кругу узколичных чувств. Чтобы веселиться чужим весельем и сочувствовать чужому горю, нужно уметь с помощью воображения перенестись в положение другого человека, мысленно стать на его место. Подлинно чуткое и отзывчивое отношение к людям предполагает живое воображение.

43. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ В ВООБРАЖЕНИИ

Деятельность воображения, как уже указывалось, всегда является переработкой, преобразованием тех данных, которые доставляются восприятием. Познакомимся теперь с тем, как осуществляется это преобразование. Примеры будем брать из области творческого воображения писателя, так как здесь очень ярко и выпукло выступают характерные особенности воображения.

Рассказывая о том, как был создан образ героини «Войны и мира» Наташи Ростовой, Л. Н. Толстой сказал однажды: «Я взял Соню, перетолок её с Таней, вышла Наташа». Соня — это жена Льва Николаевича Софья Андреевна Толстая, Таня — её сестра Татьяна Андреевна. Итак, образ Наташи Ростовой создан путём слияния образов двух очень близко знакомых Толстому женщин[1].

Как возможно осуществить такое слияние? Ведь совершенно очевидно, что нельзя просто соединить друг с другом целостные образы двух людей. Надо разложить образы на отдельные черты или признаки и затем соединить некоторые из черт, взятых от двух разных образов, в новый образ.

В этом процессе, следовательно, различаются две стороны: 1) *анализ*, т. е. *выделение* из целостного образа отдельных черт или признаков, и 2) *синтез*, т. е. *объединение* отдельных черт или признаков в новый целостный образ. Оба эти момента — анализ и синтез — составляют необходимые части процесса творческого воображения. Воображение выделяет отдельные черты из тех образов

[1] На самом деле происхождение образа Наташи Ростовой сложнее. В приведённых словах Толстой указал лишь на основные источники его.

реальной действительности, которые даёт восприятие, и из этих черт вновь создаёт единые и целостные образы.

Когда вышел в свет «Герой нашего времени», некоторые критики высказывали предположение, не является ли образ Печорина просто портретом автора. Отвечая этим критикам, Лермонтов в предисловии ко второму изданию романа указал, что Печорин — «точно, портрет, но не одного человека; это портрет, составленный из пороков всего нашего поколения, в полном их развитии». Следовательно, образ Печорина, по свидетельству самого Лермонтова, построен из черт, выделенных автором из множества людей (которых он наблюдал)—«составлен из пороков всего нашего поколения» (конечно, не «всего поколения» в буквальном смысле, а определённой классовой группы этого поколения).

Так же описывает процесс создания художественного образа Горький. «Характер героя, — говорит он, — делается из многих отдельных чёрточек, взятых от различных людей его социальной группы... Необходимо очень хорошо присмотреться к сотне- другой попов, лавочников, рабочих, для того чтобы приблизительно верно написать портрет одного рабочего, попа, лавочника».

Таким путём строятся все те художественные образы, которые можно назвать *типическими*. Образ становится *типом* тогда, когда в нём собраны, объединены черты, характерные для целой группы людей, когда он является, по выражению Горького, «вытяжкой из ряда однородных фактов». Процесс создания такого образа является процессом *обобщения*, т. е. извлечения признаков, общих целому ряду объектов, и выражения этих признаков в едином образе.

Своеобразие образа, создаваемого творческим воображением писателя, заключается в том, что, являясь результатом обобщения, он остаётся всё же образом *отдельного* человека, передающим все индивидуальные особенности этого человека. Печорин — это не просто собрание пороков целого поколения. Это живой человек со множеством черт, присущих лично ему, а вовсе не всем представителям его поколения, и обладающий не только пороками, но и целым рядом положительных качеств.

Но синтетическая работа воображения не является чем-то вроде механического складывания и прилаживания друг к другу черт, выделенных предшествующим анализом.

Таким путём можно получить мёртвую схему, а не образ живого человека. Творческая работа воображения идёт от тех ярких и живых образов, которые толпятся перед внутренним взором писателя. Над этими образами работает художник, постепенно изменяя их в соответствии со своим творческим замыслом.

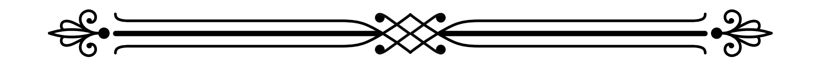
Важнейшее значение имеет при этом одна особенность наших представлений, о которой мы говорили выше (стр. 101). Представления никогда не передают с одинаковой яркостью все черты и признаки объекта; всегда некоторые черты, почему-либо наиболее важные или интересные для нас, выступают вперёд на фоне более или менее смутного образа. Создание типических образов и осуществляется в первую очередь путём такого *выдвижения на первый план, подчёркивания, выделения типических, общих черт в образе живого, конкретного человека.* Вспомним, что образ Печорина составлен не просто из пороков всего поколения, а из этих пороков «в полном их развитии». Выделение определённой черты нередко проявляется как раз в том, что она выступает «в полном развитии», т. е. выражена в максимально сильной степени.

В связи с этим становится понятной та роль, которую может играть в творческом воображении гипербола, т. е. преувеличение отдельных черт и признаков предмета. Она повышает яркость и выразительность образа, в сильнейшей мере способствуя выдвижению на первый план определённых черт его.

Вопросы для повторения

1. Что называется воображением?
2. В каком отношении находится воображение к восприятию?
3. Какое значение имеет воображение в трудовой деятельности?
4. Что называется воссоздающим воображением?
5. Каким условиям должно удовлетворять воссоздающее воображение?
6. Что называется творческим воображением?
7. Охарактеризуйте работу творческого воображения.
8. Что такое мечта?
9. В чём ценность мечты?
10. Какова роль анализа и синтеза в создании образов воображения?
11. Опишите процесс построения типического образа.

Глава VIII

МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ

44. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О МЫШЛЕНИИ

Проснувшись утром, человек подходит к окну и видит, что крыши домов мокрые. «Значит, ночью был дождь»,— думает он.

Этот случай даёт нам типичный пример мыслительного процесса. Человек *непосредственно* не воспринимал дождя. Он узнал о нём косвенным путём, *через посредство* других фактов, т. е. *опосредствованно*. При решении всякой сколько-нибудь сложной задачи мы получаем ответ *посредством* ряда соображений. Первый признак мышления и заключается в том, что оно есть процесс *опосредствованного познания* вещей и явлений действительности.

Любая наука даёт нам бесчисленные примеры *опосредствованного познания*. Например, врач на основании осмотра больного может судить о состоянии внутренних органов, недоступных непосредственному наблюдению. Строение атома нельзя наблюдать непосредственно, но оно изучено подробно и точно. Непосредственно наблюдать физиологические процессы, происходящие в коре головного мозга, невозможно; однако И. П. Павлов установил основные законы высшей нервной деятельности.

На чём основывается возможность такого опосредствованного познания? Прежде всего *на осознании связей и отношений* между вещами и явлениями. Даже простейший вывод о том, что ночью шёл дождь, человек мог сделать только потому, что ему известна причинная связь между дождём и влажностью крыш.

Второй не менее важный признак мышления заключается в том, что оно представляет собой *обобщённое* познание действительности.

Наше познание начинается с ощущений и восприятий. Но воспринимаем мы всегда единичные факты. Как бы мы могли знать, насколько быстро растворится в горячем чае вот *этот* кусок сахара, если мы *этот* кусок ещё не пробовали растворить, а то, что получалось при опускании в чай других кусков сахара, мы никак не обобщали? Опуская сахар в чай, мы знаем, что́ из этого получится, только потому, что обобщили результаты наших прошлых наблюдений и знаем некоторые *общие свойства* сахара, знаем *связь* между скоростью растворения сахара и температурой жидкости.

Недостаточно заметить, что *однажды* дождь вызвал влажность крыш. Из этого ещё никакого вывода сделать нельзя. Нужно прийти к общему положению: после всякого дождя достаточной силы крыши бывают мокрые. Иначе говоря, нужно, чтобы человек *обобщил* результаты своих наблюдений. Мало заметить связь между двумя фактами; необходимо осознать, что эта связь имеет *общий* характер, что она определяется *общими* свойствами вещей. В нашем примере причинная связь между дождём и влажностью крыш определяется не частными особенностями какого-нибудь одного дождя, а свойствами, общими всякому дождю достаточной силы.

Во всяком процессе мышления мы имеем дело с отражением *общих свойств вещей, т. е. свойств, относящихся к целой группе сходных предметов или явлений.*

Основу мышления составляет образование временных связей, отражающих объективные связи предметов реальной действительности. Учение И. П. Павлова о двух сигнальных системах указывает на физиологический механизм мышления: это — образование временных связей во второй сигнальной системе, опирающихся на связи в первой сигнальной системе.

Мышление даёт нам возможность знать то, чего мы непосредственно не наблюдали. Мало того, оно даёт нам возможность предвидеть ход событий и результаты наших собственных действий.

Известно, например, с какой большой точностью астрономия предсказывает затмение Солнца и положение планет в определённый момент времени. Общеизвестно, что овладение законами марксистско-ленинской науки об обществе даёт возможность предвидеть ход общественных событий.

Итак, мы можем сказать: **мышление — это процесс отражения общих свойств вещей и нахождения закономерных связей и отношений между вещами.** Другими словами **это определение можно выразить так: мышление — это процесс обобщённого и опосредствованного познания действительности.**

45. РЕЧЬ И ОТНОШЕНИЕ ЕЕ К МЫШЛЕНИЮ

Наше мышление неразрывно связано с речью.

Во-первых, люди с помощью речи сообщают друг другу свои мысли. Речь есть *средство* общения между людьми.

Во-вторых, люди мыслят с помощью речи. Речь является, таким образом, орудием мышления. Если спросить человека: «На каком языке вы думаете?» — он нисколько не удивится, а тотчас же ответит: «на русском», «на украинском», «на узбекском» и т. д. Человек, очень хорошо владеющий двумя-тремя языками, может и думать то на одном, то на другом из этих языков. *Мы мыслим словами.*

«Язык есть средство, орудие, при помощи которого люди общаются друг с другом, обмениваются мыслями и добиваются взаимного понимания. Будучи непосредственно связан с мышлением, язык регистрирует и закрепляет в словах и в соединении слов в предложениях результаты работы мышления, успехи познавательной работы человека и, таким образом, делает возможным обмен мыслями в человеческом обществе» *(Сталин).*

Чтобы служить средством общения, речь должна иметь то или другое *внешнее* выражение, доступное слуху или зрению других людей. В отличие от такой *внешней речи* тот внутренний беззвучный речевой процесс, при помощи которого мы мыслим, называется *внутренней речью.*

Человеческое мышление невозможно без участия второй сигнальной системы. В отличие от животных у человека, писал И. П. Павлов, «появились, развились и чрезвычайно усовершенствовались сигналы второй степени... в виде слов, произносимых, слышимых и видимых. Эти новые сигналы, в конце концов, стали обозначать всё, что люди непосредственно воспринимали как из внешнего, так и из своего внутреннего мира, и употреблялись ими не только при взаимном общении, но и наедине с самими собой».

Речь (вторая сигнальная система) внесла «новый принцип нервной деятельности», который обусловил безграничную ориентировку в окружающем мире и создал «высшее приспособление человека — науку». Через вторую сигнальную систему, говорил И. П. Павлов, человек «становится хозяином действительности».

Но речь (вторая сигнальная система) не может сама по себе обеспечить познание действительности. И. П. Павлов обращал внимание на бесплодность мышления тех людей, «которые, оперируя только словами, хотели бы, не сносясь с действительностью, из них вывести и всё познание». «Слова были и остаются только вторыми сигналами действительности» *(Павлов)*. Это значит, что слово, потерявшее свою связь с теми реальными предметами и явлениями, которые оно обозначает, переставшее быть сигналом действительности, теряет своё познавательное значение. Это значит, что чисто словесное знание, заучивание словесных формулировок без ясного понимания того, какие именно стороны действительности в них отражаются, является чисто формальным и бесполезным знанием. С физиологической стороны это значит, что нормальное мышление возможно лишь при неразрывном участии и первой, и второй сигнальных систем.

Речь — необходимое орудие мышления. Но отсюда не следует, что процесс мышления сводится к речи, что мыслить — значит говорить вслух или про себя. Различие между самой мыслью и её словесным выражением видно из того, что ту же самую мысль можно выразить на разных языках. Мысль при этом остаётся неизменённой, хотя все слова меняются. Одна и та же мысль может иметь разную речевую форму, но без какой-либо речевой формы она у человека не существует.

«Какие бы мысли ни возникли в голове человека и когда бы они ни возникли, они могут возникнуть и существовать лишь на базе языкового материала, на базе языковых терминов и фраз. Оголённых мыслей, свободных от языкового материала, свободных от языковой «природной материи» — не существует» *(Сталин)*.

Чем же в таком случае можно объяснить состояние, знакомое каждому человеку, когда чувствуешь, что понимаешь какую-нибудь мысль, но не можешь выразить её словами? «Я знаю, в чём тут дело, — говорит человек, — но никак не могу передать этого словами». Может возникнуть

предположение, что подобные случаи представляют собой исключение из общего правила, что здесь имеется «мысль без слов», для которой не удаётся найти никакого речевого выражения.

Такое предположение будет, однако, неправильным. Дело заключается не в том, что не удаётся найти *никакого* речевого выражения для мысли, существующей без слов, а в том, что не удаётся *перейти от выражения мысли во внутренней речи к выражению её во внешней речи*. Если человек действительно понимает мысль, значит, это понимание выражается у него в каких-то словах. Но одно дело — такое выражение моей мысли, которое понятно только мне самому, и другое дело — выражение, понятное другому человеку. Когда кто-нибудь затрудняется выразить свою мысль словами, это значит, что он затрудняется выразить её способом, понятным другим людям, выразить её в формах внешней речи.

Кроме того, по большей части нам трудно «выразить словами» такую мысль, которая и для нас самих является смутной, не вполне ясной. Лучший способ до конца уяснить самому себе свою мысль — попытаться передать её другому. Если это не удаётся, значит, в самой мысли имеются какие-то пробелы, неясности, неопределённости. Полную чёткость и законченность мысль получает лишь тогда, когда она находит чёткую и законченную словесную формулировку. Если человек и говорит и пишет не иначе, как смутно и сбивчиво, то и ход мыслей его не может иметь полной чёткости и ясности.

Находя себе выражение во внешней речи, наша мысль совершенствуется, развивается, уясняется.

Речь — средство *общения* между людьми и орудие их *мышления*. Обе эти функции речи теснейшим образом друг с другом связаны. Развиваясь и совершенствуясь как средство общения, речь становится тем самым более тонким и совершенным орудием мысли.

46. ПОНЯТИЕ И СЛОВО

В процессе мышления мы всегда оперируем понятиями. *Понятие — это форма мышления, в которой отражаются общие и притом существенные свойства предметов и явлений.*

Так, например, в геометрическом понятии «треугольник»

отражаются свойства, общие всем треугольникам и притом существенные с геометрической точки зрения. Такие признаки, как цвет бумаги, на которой изображён треугольник, или толщина линий, образующих его, несущественны с геометрической точки зрения и поэтому не входят в содержание этого понятия.

В понятиях кристаллизуются наши знания о предметах и явлениях действительности.

Понятие отличается от представления своим более обобщённым и отвлечённым, не наглядным характером. Представление — образ предмета, понятие — мысль о предмете.

Далеко не всё, о чём мы мыслим, может быть представлено в виде наглядных образов. Яркую иллюстрацию этого положения даёт Ленин: нельзя *представить* себе движения со скоростью 300 тысяч километров в секунду (скорость света), а *мыслить* такое движение можно.

Попробуйте представить себе тысячеугольник. Это вам не удастся. В лучшем случае у вас возникнет образ какого-то многоугольника с неопределённо большим числом сторон, образ, который одинаково подойдёт и для тысячеугольника, и для пятисотугольника, и для стоугольника. Однако мы имеем совершенно чёткое и определённое *понятие* тысячеугольника, которое вовсе не смешивается с понятиями пятисотугольника, стоугольника или даже многоугольника, имеющего 999 сторон. Пользуясь этим понятием, мы можем давать совершенно точное решение задач, например вычислить сумму внутренних углов такого многоугольника.

Мыслить о чём-нибудь и представлять себе что-нибудь — это не одно и то же.

Понятие неразрывно связано со словом и выступает в нашем мышлении в виде значения слова.

Слово является тем реальным раздражителем, без которого невозможно человеческое мышление. Слово при этом может выступать в трёх формах: как слуховой раздражитель при понимании речи, произносимой вслух, как зрительный раздражитель (слово написанное или напечатанное) и, наконец, как кинэстезический раздражитель при произнесении слова. И. П. Павлов придавал особо важное значение кинэстезическим раздражениям (поступающим в кору от речевых органов), называя их основой, или «базисом», речи.

Вторая сигнальная система даёт возможность обобщённо отражать окружающий мир. Чтобы до конца понять это очень важное положение, надо осознать, что *слова нашей речи*, хотя и могут относиться к единичным предметам, *всегда имеют некоторое общее значение*. Всякое слово обобщает.

Слова «стол», «животное», «паровоз» относятся не к какому-либо одному предмету, а к целой группе сходных предметов. Слово «твёрдый» обозначает свойство, общее многим предметам. Слово «писать» обозначает действие, совершаемое множеством людей в различных обстоятельствах.

Встретившийся мне на улице товарищ на вопрос, где он был, отвечает: «В читальне». Вполне возможно, что я никогда не был в той самой читальне, из которой он возвращается, что я не знаю *этой* читальни, и всё же я вполне понимаю смысл его ответа, потому что я знаю, что значит читальня *вообще*, я понимаю *общее* значение слова «читальня», я имею *понятие* о читальне.

Если восприятие и представление отражают в цельном образе связи свойств предмета или явления, то понятие есть система связей, отражающих соотношения предметов между собой. Даже понятие о единичном предмете предполагает осознание отличия данного предмета от других, т. е. отношение его к другим предметам.

Если я понимаю значение слова, у меня в сознании возникает — иногда ясно, иногда смутно — соответствующее понятие. Очень часто в сознании возникает также какое-нибудь представление, но оно в большинстве случаев играет роль только иллюстрации к соответствующему понятию.

В одном эксперименте испытуемые лица должны были сказать, какие представления возникают у них, когда они слышат определённые слова. При слове «животное» у одного человека возник образ кошки, принадлежащей его соседям, у другого — образ осёдланной лошади, у третьего — образ слова «животное», написанного крупными буквами на светлосером фоне. Слово «бесконечность» вызвало у одного образ степи, бесконечно раскинувшейся во все стороны, у другого — образ прямой линии, третий представил себе математический знак ~ .

Очевидно, что эти образы, совершенно различные у разных людей, являются только наглядной иллюстрацией к содержанию понятий, но вовсе не передают целиком этого содержания. Конечно, первый из упомянутых людей не думал, что слово «животное» обозначает соседскую кошку, а второй не думал, что оно обозначает

осёдланную лошадь. Все эти лица приблизительно одинаково мыслили себе значение этого слова, так же как и других обиходных слов родного языка. Поэтому они без труда понимали друг друга в разговоре, хотя одно и то же слово вызывало у каждого из них совершенно непохожие образы.

Содержание понятия не может быть передано единичным, конкретным представлением. Последнее играет роль как бы примера одного из частных случаев, к которым может относиться общее содержание понятия.

Но это не значит, что мышление, совершающееся в понятиях, не нуждается в помощи представлений, что в процессах мышления образы не играют никакой роли. Подобно тому как знание общего правила должно опираться на осознание конкретных примеров, так и мышление, оперирующее понятиями, во многих случаях необходимо нуждается в помощи конкретных образов. Многие геометрические задачи невозможно решить, если не *представить* себе с полной отчётливостью расположение в пространстве тех линий, углов и фигур, о которых идёт речь. Нельзя понять по описанию принцип работы какого- нибудь механизма, если не иметь ясного представления расположения и взаимодействия его частей.

Опыты показывают, что наглядные образы особенно часто возникают у нас тогда, когда мысль наталкивается на какие-нибудь трудности. Если не удаётся сразу понять смысл общего положения, стараешься возможно яснее представить себе в наглядных образах конкретные случаи, к которым оно может относиться.

47. ОСНОВНЫЕ МЫСЛИТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

1) Обобщение и абстракция

В основе образования понятий лежит процесс *обобщения, т. е. мысленного объединения предметов и явлений действительности, имеющих те или другие общие свойства.*

В наиболее полной форме обобщение осуществляется в понятиях, но начинается оно ещё при образовании представлений.

Если взять имеющиеся у нас представления памяти, наши образы воспоминания, то их можно разделить на две группы: во-первых, представления, воспроизводящие данный объект

в одно определённое, особенно памятное нам мгновение, и, во-вторых, представления, воспроизводящие образ данного объекта *вообще*, наше «общее воспоминание» о нём.

Типичный пример представления второй группы — образ матери, сохранившийся у героя повести Л. Н. Толстого «Детство» (см, выше, стр. 101): «Когда я стараюсь вспомнить матушку... мне представляются только её карие глаза, выражающие всегда одинаковую доброту и любовь, родинка на шее... шитый белый воротничок, нежная сухая рука...»

Представления первой группы не содержат в себе обобщений: это простое воспроизведение образа, полученного в восприятии. Представления второй группы, составляющие большую часть наших образов памяти, хотя и относятся к единичному объекту, являются результатом обобщения многих отдельных восприятий, своего рода извлечением из них. Свой рабочий стол я видел с разных сторон, с разных расстояний, при разном освещении. И всё же, когда я представляю его себе, я имею какой-то один образ, а не тысячи различных образов, соответствующих различным восприятиям. В этом обобщённом образе подчёркнуты, даны с наибольшей яркостью постоянные, существенные характерные признаки объекта, а черты, связанные с отдельными восприятиями, отсутствуют или представлены очень бледно.

Таким образом, значительная часть наших представлений единичных предметов уже содержит в себе некоторый элемент обобщения. Дальнейший процесс обобщения, охватывающий целые группы сходных объектов, может идти двумя разными путями.

Первый путь ведёт к *типическому* образу, который мы изучали в главе о воображении (стр. 126), второй путь — к *понятию*.

Типический образ, как мы знаем, сохраняет все индивидуальные черты и признаки отдельного объекта, а обобщение выражается в том, что среди этих черт выдвигаются на первый план, выделяются, подчёркиваются те, которые общи для целой группы объектов, которые характеризуют эту группу. Иначе обстоит дело в понятии. Чтобы овладеть каким-нибудь понятием, мы *отвлекаемся* от всех случайных признаков и свойств отдельных объектов и сохраняем *только* свойства, существенные для данной группы в целом. Этот *процесс отвлечения от несущественных признаков и мысленного*

выделения одних лишь существенных особенностей данной группы объектов называется абстракцией. В результате обобщения, которое осуществляется с помощью абстракции, мы получаем уже не образ, а *отвлечённую мысль*. В этом отличие понятия от типического образа.

Мыслительные процессы обобщения и абстракции опираются на деятельность второй сигнальной системы. Словесная речь внесла в деятельность больших полушарий новый принцип, который заключается в отвлечении от действительности и допускает обобщение сигналов первой сигнальной системы. И. П. Павлов пишет: «...речь, специально прежде всего кинэстезические раздражения, идущие в кору от речевых органов, есть вторые сигналы, сигналы сигналов. Они представляют собой отвлечение от действительности и допускают обобщение, что и составляет *...специально человеческое, высшее мышление»*.

Первоначально обобщение тесно связано с действием. В одну группу объединяются предметы, которые могут исполнять одинаковую функцию в практической деятельности. В качестве существенных признаков предмета выделяются те признаки, от которых зависит, «что с этим предметом можно делать». Это проявляется очень ярко в тех определениях, которые дают вещам маленькие дети: «Нож — это чтобы резать», «Лошадь — это чтобы ездить» и т. д. Лишь постепенно развивается способность *теоретического обобщения,* основанного на выделении свойств вещей, наиболее существенных не только с точки зрения непосредственного практического употребления этих вещей.

2) Анализ и синтез

Изучая деятельность воображения, мы выделили в процессе создания образа две стороны — анализ и синтез (стр. 125). Изучая деятельность мышления, мы снова встречаемся с этими двумя противоположными процессами, необходимыми в работе мысли.

Анализ — это мысленное расчленение предмета или явления, выделение отдельных его частей, признаков, свойств; синтез — это мысленное соединение отдельных элементов, частей, признаков в некоторое целое.

В отдельных этапах мыслительного процесса на первый план выступает или анализ, или синтез. Но всякий сколько-нибудь сложный процесс мысли требует участия и того, и другого.

Рассмотрим для примера, как протекает процесс понимания предложения на мало знакомом иностранном языке. При первом чтении смысл предложения остаётся непонятным. Тогда выступает на первый план работа анализа: человек выделяет отдельные слова и устанавливает их значение (припоминает, смотрит в словарь и т. п.). Но этим дело не кончается: можно знать значения всех слов в отдельности и всё-таки не понимать смысла предложения в целом. Необходима ещё синтетическая работа мысли — объединение в одно осмысленное целое всех значений отдельных слов. И только когда это объединение произошло, человек начинает понимать смысл предложения. Не всегда, однако, процесс понимания идёт по такому пути — сначала анализ, потом синтез. Нередко бывает, что человек, ещё не зная значений некоторых слов, находит общий смысл предложения (синтетическая деятельность мышления) и лишь после этого приступает к аналитической работе — выделяет неизвестные слова и устанавливает их значения.

Анализ и синтез *возникают сначала в практической деятельности.* Чтобы научиться *мысленно* выделять отдельные части сложного механизма или *мысленно* собирать целый механизм из отдельных частей, надо иметь достаточную практику в реальном разбирании и собирании такого рода механизмов. Человек, который никогда не пробовал на деле разбирать и собирать будильник, безусловно не сумеет проделать это «в уме». Но, развиваясь на основе практической деятельности, анализ и синтез впоследствии могут осуществляться и как чисто мыслительные операции. Творческая деятельность конструктора, например, невозможна без умения анализировать в уме сложные механизмы и осуществлять мысленный синтез отдельных частей их.

В основе процессов анализа и синтеза лежат коренные свойства деятельности коры головного мозга. Большие полушария являются органом *анализа* раздражителей и органом образования новых связей, т. е. *синтеза*. Анализирующая и синтезирующая деятельность мозга обусловливает широту и глубину приспособленности, уравновешивания организма

с окружающей средой. Анализ и синтез могут быть, разумеется, самого разного уровня и сложности.

Специфическая особенность анализа и синтеза у человека заключается в том, что человек может непосредственно не обращаться к предмету для выделения его определённых свойств и качеств или для их объединения. Это достигается у него благодаря наличию двух сигнальных систем.

Анализ и синтез, осуществляемые в коре больших полушарий у человека, охватывают своим действием не только сигналы первой сигнальной системы, но и сигналы второй сигнальной системы в её взаимодействии с первой.

48. ПРОЦЕССЫ МЫШЛЕНИЯ ПРИ РЕШЕНИИ ЗАДАЧ

Процесс мышления обычно начинается с того, что у человека возникает потребность справиться с каким-нибудь затруднением, что-либо понять, разрешить какую-нибудь задачу. Иначе говоря, *мышление всегда начинается с вопроса.*

Нельзя вызвать активную работу мысли тем, что просто рекомендовать — себе или другому — «подумать». Нужно, чтобы перед человеком встал вопрос, для разрешения которого необходимо «думать», и чтобы человек испытывал потребность разрешить этот вопрос.

Поэтому первый признак мыслящего человека — умение видеть вопросы там, где они действительно имеются. Только для того, кто не привык самостоятельно мыслить, не существует вопросов, и всё представляется само собой разумеющимся. Всякое расширение знания открывает нам новые проблемы там, где раньше всё казалось очевидным, и тем самым будит мысль, толкает её к самостоятельной работе.

Недостаточно, однако, «увидеть» вопрос. Необходимо с полной отчётливостью осознать, в чём именно этот вопрос заключается. Успех в решении задачи в первую очередь зависит от того, насколько правильно сформулирован вопрос. Понять задачу — это прежде всего значит *правильно поставить вопрос,* для чего иногда требуется немалая мыслительная работа. Но когда это сделано, тем самым уже осуществлён первый шаг на пути решения задачи.

За осознанием вопроса следует *процесс решения задачи.*

В зависимости от характера самой задачи процесс решения может осуществляться различными способами. Наиболее типичный и часто встречающийся ход мыслительного процесса при решении задачи заключается в *намечении гипотез*, т. е. предположений о том, как должна решаться задача, и в *проверке этих гипотез.*

Вернувшись вечером домой, я прохожу к столу и поворачиваю выключатель настольной лампы. Лампочка не загорается. В чём дело? Где причина? Возникла задача, и начинается работа мысли для разрешения её. Выдвигаются и проверяются различные гипотезы. Может быть, перегорела пробка? Поворачиваю выключатель потолочной лампы: она загорается. Значит, пробка в порядке. Может быть, перегорела лампочка? Вывинчиваю лампочку и осматриваю её: нет, волоски целы. Вероятно, испортился штепсель. Вооружившись отвёрткой, снимаю розетку, обнаруживаю, что действительно перегорел предохранитель в штепселе. Задача решена.

В этом примере *проверка гипотез осуществлялась путём практического действования*, опирающегося, однако, на мыслительные процессы. Гипотеза о повреждении лампочки проверялась прямым путём: путём восприятия я убедился в целости волосков. Гипотеза же о том, что перегорела пробка, проверялась косвенным путём, опосредствованно. Вместо того чтобы вывинчивать пробку и осматривать её, я ограничился тем, что повернул выключатель другой лампочки и *путём умозаключения* убедился в целости пробки: если бы перегорела пробка, не могла бы загореться и потолочная лампа. Умозаключение сильно упростило осуществление практической проверки.

В других случаях *проверка гипотез целиком осуществляется мысленно, «в уме».*

В моём распоряжении два часа. За это время я должен побывать в нескольких местах, расположенных в разных частях города. В какой последовательности посетить эти места и какими средствами сообщения воспользоваться, чтобы поспеть к сроку? Какой составить план действий? Такие задачи приходится решать постоянно. Решение и здесь сводится к последовательному намечению гипотез, т. е. возможных планов действий. Но по смыслу дела в подобных задачах нельзя попробовать в действительности

каждый из намеченных планов и потом уже сделать выбор. Испытание планов должно быть произведено мысленно.

При решении многих задач важнейшую роль играет так называемый *умственный эксперимент,* т. е. осуществление в уме тех или иных действий, с тем чтобы определить, к каким результатам они могут привести. Очень велико значение умственного эксперимента при решении всякого рода технических, конструктивных задач. Нельзя смонтировать радиоприёмник или устроить электрический звонок, если не уметь мысленно экспериментировать. Ярко выступает роль умственного эксперимента в шахматной игре. Обдумывая ход, играющий вынужден все варианты проверять в уме: «если я пойду так-то, то противник пойдёт так-то, тогда я сделаю то-то...»

Осуществление умственного эксперимента предполагает совместную деятельность *воображения* и *мышления*: с одной стороны, нужно возможно точнее и нагляднее *представить* себе ситуацию, с другой — нужно *сделать умозаключение* о том, какой результат должен вытекать из данной ситуации.

Условием успешного решения всякой задачи является наличие необходимых знаний. При отсутствии знаний по электротехнике невозможно было бы в нашем первом примере ни наметить гипотезы, ни проверить их, так же как во втором примере невозможно было бы сделать это без знания расположения улиц и трамвайных маршрутов.

Но одного наличия знаний недостаточно. Необходимо ещё умение мобилизовать эти знания в нужный момент, умение применить их. Можно хорошо знать главу об электричестве в учебнике физики и всё же быть совершенно беспомощным при решении такой задачи, которая дана в нашем примере.

Наличие знаний и умение владеть ими — необходимые предпосылки продуктивной работы мысли и развития ума.

49. КАЧЕСТВА УМА

Стремясь к развитию и воспитанию ума, надо принимать во внимание отдельные его качества. Наиболее важны из них следующие.

1. Критичность ума, т. е. умение строго оценивать работу мысли, тщательно взвешивать все доводы за и против

намечающихся гипотез и подвергать эти гипотезы всесторонней проверке. Человек с некритическим умом склонен первое пришедшее ему в голову решение задачи рассматривать как окончательное. Показателем же критичности ума является умение смотреть на свои предположения как на гипотезы, нуждающиеся в проверке, отбрасывать те из них, которые этой проверки не выдержали, отказываться от начатых действий, если обнаруживается, что они не соответствуют условиям и требованиям задачи. Критический ум — это дисциплинированный, «строгий» ум.

Люди с живым и богатым воображением должны особенно заботиться о воспитании в себе подлинной критичности ума. Богатое воображение в соединении со строгой и дисциплинированной мыслью составляет основу творческой деятельности. Воображение, не дисциплинируемое критическим умом, может сделать человека фантазёром, живущим несбыточными проектами и невыполнимыми планами.

2. Гибкость ума, под которой разумеется свобода мысли от предвзятых предположений и шаблонных способов решения, способность находить новые решения при изменении обстановки и условий задачи.

Гибкость ума выражается не только в свободе от сковывающего влияния трафаретных приёмов, но и в умении разнообразить попытки решения, не повторять тех попыток, неправильность которых уже обнаружилась. Многие люди плохо справляются с решением задач главным образом потому, что в поисках решения они снова и снова возвращаются к способу, который первым пришёл им на ум, хотя всякий раз убеждаются в том, что этот способ ни к чему не приводит. Здесь обнаруживается своего рода «инертность» мысли: человек не умеет сдвинуть свою мысль с того пути, по которому она однажды пошла.

3. Широта мысли, выражающаяся в умении охватить весь вопрос в целом, не теряя в то же время из виду всех существенных для дела частностей и деталей.

Успешность решения сложной задачи всегда зависит от того, насколько удаётся одновременно охватить мыслью все данные этой задачи, насколько удаётся, исходя из одной группы данных, не забывать в то же время о тех требованиях, условиях, ограничениях, которые вытекают из других данных. Значительная часть трудностей и ошибок,

наблюдаемых при решении сложных математических задач, определяется именно неумением охватить сразу все данные задачи.

Широта мысли отличает крупных государственных и военных деятелей, так же как и больших учёных. Все лица, которым приходилось беседовать с И. В. Сталиным или наблюдать его работу, поражались совершенно исключительной способностью его при разрешении сложнейших вопросов вникать в мельчайшие, но существенные для дела детали. «Когда на совещаниях обсуждается какой-нибудь сложный вопрос, товарищ Сталин с исключительным вниманием выслушивает мнения рядовых работников, рассказывающих о мельчайших деталях своего дела. На эти детали и специфические особенности товарищ Сталин всегда обращает особенное внимание» *(Герой Советского Союза Юмашев)*. «Товарищ Сталин задавал такие сугубо специальные вопросы, касающиеся самолётостроения, что я частенько задумывался, чтобы опрометчивым ответом не «ввести в заблуждение»... Меня поразило... откуда человек, занятый делами государственной важности, знает тонкости авиамотостроения и лётного дела» *(Герой Советского Союза Байдуков)*.

4. Быстрота мысли. Разные виды деятельности предъявляют различные требования к скорости решения умственных задач. Достаточно сравнить с этой стороны работу учёного и военачальника. Шестнадцать лет прошло между зарождением у Ньютона основной идеи закона всемирного тяготения и тем моментом, когда он сумел дать решающее доказательство этого закона. Двадцать лет потратил Дарвин на подготовку к написанию «Происхождения видов». Совершенно другими сроками располагает военачальник для решения стоящих перед ним задач. «Одна минута решает исход баталии», — говорил Суворов. «Я действую не часами, а минутами».

Бесспорно, что и для учёного быстрота мысли — качество очень ценное, но всё же в обычных условиях учёный располагает значительно большим временем, чем, например, лётчик. Вождение самолёта во многих случаях не допускает ни малейшего промедления, и поэтому медленно соображающий человек не может быть хорошим лётчиком.

Быстрота мысли является результатом высокого развития других качеств ума, и этим она отличается от *торопливости* мышления, которую на первый взгляд можно

смешать с подлинной быстротой мысли, но которая по существу является свойством прямо противоположным.

Быстрота мысли зависит от способности сосредоточить в нужный момент все силы ума, проявить величайшую активность мышления; она зависит, далее, от широты мысли, позволяющей сразу видеть все стороны вопроса, и от гибкости ума, избавляющей от потери времени на повторные возвращения к неправильным способам решения; она предполагает, наконец, высокое развитие критической способности, дающее возможность быстро оценивать гипотезы и немедленно откидывать негодные.

В противоположность этому торопливость ума является следствием своеобразной лени мысли, заставляющей человека хвататься за любое решение, лишь бы прекратить тяжёлую мыслительную работу, и толкающей на то, чтобы следовать за непроверенными гипотезами и принимать решения, основанные лишь на части данных. Решительная борьба с торопливостью мышления — необходимое условие развития положительных качеств ума.

Сочетание исключительной быстроты мысли с мудрой неторопливостью при решении сложных вопросов отличало гениальный ум Ленина. И. В. Сталин, подчёркивая у Ленина гениальную прозорливость, «способность быстро схватывать и разгадывать внутренний смысл надвигающихся событий», говорил о том, что он был мудр и нетороплив «при решении сложных вопросов, где нужна всесторонняя ориентация и всесторонний учёт всех плюсов и минусов».

50. КУЛЬТУРА РЕЧИ

Мы знаем уже, что наша мысль достигает полной чёткости и ясности только тогда, когда она получает выражение во внешней речи. Мы знаем, что невозможность сделать свою мысль понятной для другого свидетельствует о том, что она не до конца уяснилась и для нас самих. Отсюда следует, что развитие мышления теснейшим образом связано с развитием речи. Трудно достигнуть высокой культуры ума при низкой культуре речи.

Внешняя речь может быть *устной* или *письменной*. Кроме того, в пределах устной речи мы можем различать два вида: *речь диалогическую* (от слова «диалог» — разговор), протекающую в форме разговора между двумя или несколькими лицами,

и речь *монологическую* (от слова «монолог» — речь одного), представляющую собой рассказ, доклад, лекцию и т. д., произносимую одним человеком, в то время как остальные являются только слушателями. Таким образом, мы различаем *три вида внешней речи: устную диалогическую речь, устную монологическую речь и письменную речь.*

Всякая речь не только передаёт определённое содержание, но и выражает отношение говорящего или пишущего к этому содержанию. Иначе говоря, она не только передаёт мысли, но и выражает чувства. Эта сторона речи называется *выразительностью* её. Речь, лишённая выразительности, какие бы содержательные мысли она ни передавала, производит впечатление мёртвой, безжизненной. В устной речи эмоциональный тон говорящего выражается в интонации, мимике, жестах; в письменной же речи эти средства отсутствуют, и пишущий может сделать свою речь выразительной только путём соответствующего подбора и расстановки слов.

Владеть речью — это значит уметь передать свою мысль возможно более совершенным образом, передать не только основное содержание, но и тончайшие оттенки её. Иначе говоря, *владеть речью — значит уметь быть до конца понятным для другого.*

Это достигается различными путями в устной диалогической, в устной монологической и в письменной речи. Психологическое различие между этими видами речи очень велико; примером этого может служить тот факт, что многие крупные писатели были слабыми ораторами и, наоборот, многие мастера устной речи далеко не являются хорошими писателями.

Диалогическую речь называют иногда *речью поддержанной.* Это значит, что в разговоре речь каждого из участников всё время поддерживается вопросами, ответами, возражениями собеседников; если эта поддержка прекратится, то или речь превратится в монолог, или человек замолчит. В противоположность этому и монологическую, и письменную речь можно назвать *неподдержанной речью.*

Поддержанная речь легче неподдержанной. Объясняется это тем, что в разговоре собеседники находятся в одной и той же ситуации, воспринимают одно и то же и поэтому могут понимать друг друга иногда даже с полуслова. Когда несколько человек, стоя у остановки, ожидают трамвая, достаточно

одному из них сказать «идёт» или «четвёртый», чтобы все остальные поняли его. Многое, кроме того, в разговоре дополняется жестами. В целом *диалог предъявляет сравнительно мало требований к умению строить связную и развёрнутую речь.*

Совсем иначе строится письменная речь, в которой всё должно быть сказано до конца. Читатель только из самой речи может понять, что именно имеет в виду автор, почему он касается того или другого предмета, на какой вопрос он отвечает своими рассуждениями. Одной из самых распространённых причин плохого владения письменной речью является неумение поставить себя на место будущего читателя, учесть то обстоятельство, что читатель не обязан и не может знать заранее той ситуации, той постановки вопроса, из которой исходит пишущий. Поэтому-то самое трудное при письменном изложении своих мыслей — начало. Сам пишущий, начиная изложение, уже знает смысл всего сочинения в целом, читатель же, читая первые фразы, знать его не может. Не учитывая этого, неумелые писатели часто начинают с таких фраз, которые могут приобрести смысл только при условии знания всего дальнейшего.

Письменная речь должна быть в полной мере развёрнутой и связной. Почти в такой же мере это относится и к монологической речи. Отсюда понятно, что эти виды речи требуют гораздо более высокого уровня речевой культуры и что *нельзя выработать настоящего мастерства излагать свои мысли связно, понятно и выразительно, не овладев письменной и монологической речью* (или хотя бы одной из них).

Не следует, однако, упускать из виду, что и диалогическая речь предъявляет свои своеобразные требования, неисполнение которых делает человека тяжёлым, скучным и даже неприятным собеседником. Самое важное из этих требований — *умение слушать собеседника, понимать его вопросы и возражения и отвечать именно на них, а не на собственные мысли.*

У некоторых людей отсутствие интереса к чужим словам и неумение слушать проявляются в очень неприятной привычке — прерывать собеседника, не дав ему договорить до конца. Осознание в себе такого рода недостатков диалогической речи и борьба с ними составляют важную часть работы по повышению культуры речи.

Остановимся ещё на одном существенном различии между письменной и устной речью.

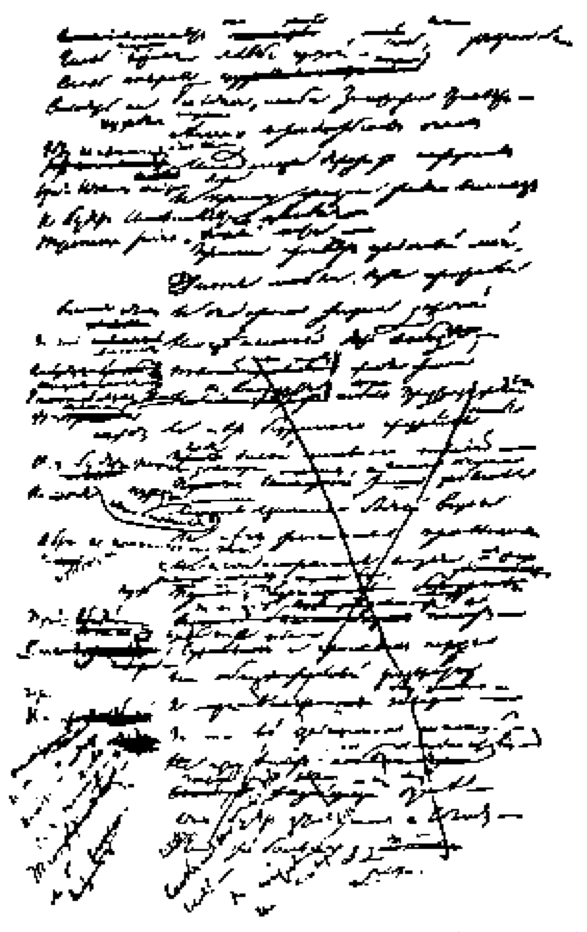

Рис. 22. Черновая рукопись А. С. Пушкина («Цыганы»).

Когда человек пишет, он сознательно и произвольно строит свою речь, подыскивает подходящие слова, находит наилучшее построение фразы, выбирает порядок слов и т. д. Писать — значит работать над словесным выражением мысли.

Величайшая ошибка, — думать, что хорошее владение мастерством письменной речи избавляет человека от необходимости такой работы. Хорошо писать — это не значит писать быстро, без труда, «автоматически». Не тот действительно

владеет письменной речью, кто легко находит *какое-нибудь* выражение своей мысли, а тот, кто ищет *наилучшего* выражения, кто умеет трудиться над тем, чтобы такое выражение создать.

Человека, довольствующегося первым пришедшим в голову выражением и не умеющего работать над усовершенствованием его, нельзя назвать владеющим мастерством письменной речи.

Никто так много не работает над словом, как большие мастера слова. «Надо навсегда отбросить мысль писать без поправок, — говорил в молодые годы Л. Н. Толстой. — Три, четыре раза — это ещё мало». Ту же мысль он повторял в старости: «Я не понимаю, как можно писать и не переделывать всё множество раз». И основная цель этой работы над словом заключалась для Толстого не в достижении красоты, художественности речи. Главная трудность — выразить свою мысль совершенно точно и понятно для других:

«Выразить словами то, что понимаешь, так, чтобы другие поняли тебя, как ты сам,— дело самое трудное, и всегда чувствуешь, что далеко, далеко не достиг того, что должно и можно». Поэтому-то Толстой и переделывал помногу раз не только свои художественные произведения, но даже и письма, не преследовавшие никаких художественных целей.

Рукописи Пушкина, Толстого и других великих писателей (образцы их даны на *рис. 22* и *23*) подтверждают эти высказывания, наглядно показывая «страшную», по выражению Толстого, работу писателей над словом.

Сознательная работа над письменным выражением своих мыслей не всегда имеет форму переделок на бумаге. Можно мысленно подыскивать нужное выражение, отделывать и совершенствовать его «в голове», а на бумагу заносить только окончательный результат этой работы. Сущность работы над словом от этого не меняется, иной лишь становится форма её.

Устная речь в этом отношении резко отличается от письменной. *Хорошая устная речь не допускает сколько-нибудь развёрнутой и длительной работы над словом.* Нельзя в разговоре, перед тем как произнести фразу, долго обдумывать её построение; тем более нельзя по нескольку раз произносить одну и ту же фразу, постепенно усовершенствуя её. Нельзя этого делать и в монологической речи: в докладе, лекции и т. п. *Устная речь должна литься свободно и без задержек.* Сами собой должны приходить на ум нужные слова и сами собой должны они укладываться в правильные и выразительные фразы. Это возможно только потому, что устная речь,

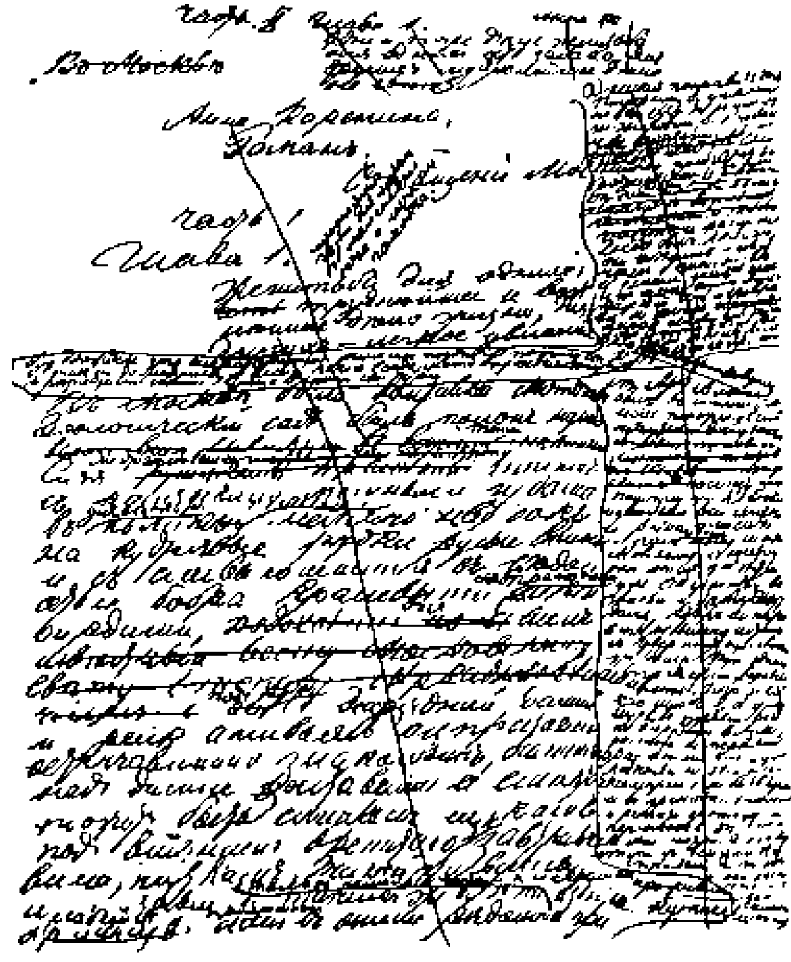

Рис. 23. Черновая рукопись Л. Н. Толстого («Анна Каренина»).

как мы видели, предъявляет меньше требований к связности и развёрнутости речевого выражения мысли.

Итак, устная речь легче, проще по своему строению, но она не допускает длительной работы над словом в процессе говорения; письменная речь труднее, сложнее по своей конструкции,

но она позволяет в процессе писания сколь угодно тщательно работать над словесным выражением мысли. Отсюда понятно, какое важное место в развитии общей речевой культуры должна занимать письменная речь, дающая наибольшие возможности для сознательной работы над словом.

Вопросы для повторения

1. Что называется мышлением?
2. Каково взаимоотношение между мышлением и речью?
3. В чём различие между понятием и представлением?
4. Какое значение имеют представления в процессе мышления?
5. Что означают термины «обобщение» и «абстракция»?
6. Дайте определение понятий «анализ» и «синтез».
7. Укажите основные этапы процесса мышления при решении задач.
8. Что разумеется под критичностью ума?
9. В чём выражается гибкость и широта мысли?
10. В чём различие между быстротой мысли и торопливостью?
11. Дайте сравнительную характеристику психологических особенностей устной и письменной речи.

Глава IX

ЧУВСТВА

51. ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ О ЧУВСТВАХ

Чувством, или эмоцией, называется переживание человеком своего отношения к тому, что он познаёт и делает: к вещам и явлениям окружающего мира, к другим людям и их поступкам, к своей работе, к самому себе и к своим действиям. Удовольствие и неудовольствие, радость и печаль, любовь и ненависть, боевое возбуждение и страх, волнение и спокойствие — всё это примеры различных чувств, или эмоций.

Необходимо с полной ясностью понять *различие между чувством и ощущением.* В обыдённой речи нередко путают эти слова. Говорят, например: «я чувствую запах», «я ощущаю смутное беспокойство». Оба эти выражения неточны: запах — это ощущение, а смутное беспокойство — чувство.

В ощущениях отражаются свойства вещей и явлений, которые существуют независимо от человека. *В чувствах человек переживает своё отношение к этим вещам и явлениям.* Ощущения говорят о самих вещах, а чувства — о том, как человек относится к этим вещам, какое состояние они вызывают в нём.

Я слышу звук, и он пробуждает во мне радостное чувство. Звук с его высотой, громкостью и тембром, который составляет содержание моего ощущения, существует независимо от меня; если бы я его не слышал, он всё равно существовал бы, и ничего в нём от этого не изменилось бы. Но радость, которую я чувствую, существует только во мне; если бы я не слышал звука, то не могло бы быть и моей радости по поводу него.

Чувства вызываются определёнными объектами и в первую очередь зависят от свойств этих объектов. Поэтому мы говорим о «приятных» или «неприятных» вещах, о «страшных» или «весёлых» рассказах. Однако в чувствах отражаются не самые свойства этих объектов, а наше отношение к ним. Поэтому один и тот же объект иногда может вызвать у разных людей совершенно различные чувства.

Чувство — это переживание человеком своего отношения к той действительности, в которой он живёт, к самому себе и к своей деятельности. Но человек живёт в обществе, и деятельность его — это общественная деятельность. Поэтому и ч*увства человека имеют общественный характер*, определяются его общественным бытием. При любых общественных условиях человек способен испытывать такие чувства, как удовольствие или неудовольствие, любовь или ненависть, радость или гнев. Но то, на что направлены эти чувства, характер их, то, как они переживаются, — всё это определяется общественным бытием человека.

Нельзя отделять чувства от сознания человека, смотреть на них, как на что-то независимое от сознания. Изменяется сознание человека, меняются его взгляды, его убеждения, его мировоззрение — меняются и его чувства.

Изменение всего строя чувств с изменением жизни и деятельности человека, с изменением его взглядов и убеждений с большой глубиной и тонкостью показано Горьким в романе «Мать». По мере того как Ниловна становится сначала свидетелем, а затем и активным участником революционной работы её сына, Павла Власова, и его товарищей, по мере того как она знакомится с революционерами, людьми, жертвующими собой для счастья рабочего класса, по мере того как ей открываются великие идеи, во имя которых идут эти люди на борьбу с самодержавием,— меняется и весь строй её чувств.

Раньше вся жизнь её была полна одним чувством — страхом; страх этот не оставлял места даже для любви к сыну. «Всю жизнь в страхе жила,— вся душа обросла страхом!»— говорит она. «Побои... работа... ничего не видела, кроме мужа, ничего не знала, кроме страха! И как рос Паша — не видела, и любила ли его, когда муж жив был, — не знаю!»

Теперь для неё открылся мир новых чувств. «Всё другое стало!— говорит она.— Горе другое, радость — другая...» На место страха стала самоотверженная любовь сначала к сыну, затем к товарищам его и, наконец, ко всем трудящимся, за счастье которых они борются.

«Всю жизнь думала об одном — как бы обойти день стороной, прожить бы его незаметно, чтобы не тронули меня только! А теперь обо всех думаю, — может и не так понимаю я дела ваши, а все мне — близкие, всех жалко, для всех — хорошего хочется».

Страх, поскольку он и остался, стал тоже другим: раньше был страх за себя, теперь — за других. «Вся жизнь не такая и страх другой, — за всех тревожно». Но и этот страх всё более вытесняется другим чувством — ненавистью к врагам того дела, за которое борются сын и его товарищи. Во время первого обыска в её доме она чувствовала главным образом страх. Другими были её переживания при втором обыске: «Теперь ей не было так страшно, как во время первого обыска, она чувствовала больше ненависти к этим серым ночным гостям... и ненависть поглощала тревогу».

А когда перед ней открылась возможность самой включиться в революционную работу — переносить на фабрику прокламации,— она впервые за всю жизнь испытала большую возбуждающую радость: «И, чувствуя себя способной исполнить задачу, она вся вздрагивала от радости».

Богатство чувств — необходимое условие высокого и разностороннего развития внутренней жизни. Скудость и бледность чувств налагают на жизнь печать серости и скуки, делают человека бездейственным и незначительным.

Человек, равнодушный и сухой, не может быть настоящим борцом: чтобы бороться, надо любить то, за что борешься, и ненавидеть то, против чего борешься. «...Нельзя победить врага, не научившись ненавидеть его всеми силами души» *(Сталин)*.

Любовь к родине и ненависть к врагу — эти два великих, священных чувства вели на подвиги бесчисленных героев Великой Отечественной войны, давали силы работникам советского тыла беззаветной работой ковать оружие победы.

Равнодушный и сухой человек не может быть и творцом. «...Без «человеческих эмоций» никогда не бывало, нет и быть не может человеческого искания истины» *(Ленин)*.

Великий ученый И. П. Павлов в своём письме к советской молодёжи, написанном незадолго до его смерти, писал: «Большого напряжения и великой страсти требует наука от человека. Будьте страстны в вашей работе и в ваших исканиях». Это относится и к любой другой области человеческой деятельности. Без пламенной любви к своему делу никогда не бывает творческого отношения к нему. Без энтузиазма и «великой страсти» ни в каком деле не может быть крупных успехов и достижений.

52. ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ЧУВСТВ

У человека, как мы знаем, в основе всех психических процессов лежат нервные процессы, протекающие в коре больших полушарий. Чем же с физиологической стороны отличается чувство от других психических процессов?

Всякий психический процесс — ощущение, восприятие, представление, мысль — получает эмоциональную окраску, т. е. вызывает некоторое чувство, в том случае, когда соответствующий ему нервный процесс распространяется из коры на *подкорковые центры*: зрительные бугры и другие нервные центры. Здесь находятся, между прочим, и центры, управляющие *вегетативной нервной системой*. Когда нервное возбуждение захватывает эти последние центры, возникают многочисленные телесные изменения, которые, как мы увидим дальше, характеризуют всякий эмоциональный процесс.

Следует подчеркнуть, что вегетативная нервная система, оказывающая влияние на работу внутренних органов и желез внутренней секреции, *подчинена деятельности коры*. Говоря о роли головного мозга как высшего отдела центральной нервной системы, И. П. Павлов писал: «...высший отдел держит в своём ведении все явления, происходящие в теле».

Некоторые случаи возникновения и протекания чувств объясняются особенностями нервных процессов при нарушении и, наоборот, поддержании устойчивых, закрепившихся систем связей. Так, рассматривая вопрос об установке и замене динамического стереотипа, И. П. Павлов отмечает: «Мне думается, есть достаточные основания принимать, что описанные физиологические процессы в больших полушариях отвечают тому, что мы субъективно в себе обыкновенно называем *чувствами*... Здесь — чувство трудности и лёгкости, бодрости и усталости, удовлетворённости и огорчения, радости, торжества и отчаяния и т. д.».

Существенное влияние на возникновение и смену чувств оказывают связи второй сигнальной системы. Опираясь на деятельность второй сигнальной системы, неразрывно связанной с работой первой сигнальной системы и влияющей на деятельность подкорки, человек в состоянии управлять своими чувствами.

53. ВЫРАЖЕНИЕ ЧУВСТВ

Одна из важнейших особенностей чувств заключается в том, что они изменяют жизнедеятельность организма и выражаются в целом ряде телесных признаков.

Во-первых, они вызывают *изменения в работе органов дыхания и кровообращения*. При возбуждении, например, пульс ускоряется, дыхание становится быстрее и глубже. При страхе или внезапном потрясении кровь отливает от лица, человек бледнеет. От смущения или стыда люди краснеют. В состоянии гнева одни бледнеют, другие краснеют. Не всегда, конечно, изменения в кровообращении находят внешнее выражение в побледнении или покраснении, но самые эти изменения при сильном чувстве бывают почти всегда. Недаром люди издавна связывают чувства с сердцем и словом «сердце» обозначают эмоциональную сторону психики. Такой смысл имеет слово «сердце», например, в следующих фразах: «Ум с сердцем не в ладу» (слова Чацкого из «Горя от ума»); «Ото всего, что сердцу мило, тогда я сердце оторвал...» («Евгений Онегин», письмо Онегина к Татьяне).

Во-вторых, чувства проявляются в *мимике*, т. е. выразительных движениях лица, и *пантомимике*, т. е. выразительных движениях всего тела. На *рис. 24—27* показаны примеры мимического и пантомимического выражения разных чувств.

В-третьих, чувства выражаются в *интонации* и *тембре голоса*. Одно короткое слово «Что?» в зависимости от интонации, с которой оно произнесено, может выражать самые разнообразные чувства: и негодование, и испуг, и злорадное торжество, и растерянность, и добродушную насмешку. Не меньшее выразительное значение имеет и тембр голоса. По одному тому, как «дрогнет» голос человека, произносящего, казалось бы, совсем спокойные слова, мы иногда замечаем, насколько сильно он взволнован.

К числу наиболее ярких проявлений чувства относятся *смех* и *плач*.

Д а р в и н показал, что некоторые из выразительных движений человека являются остатками тех действий, которые когда-то были целесообразными в жизни наших животных предков. В сильном гневе человек сжимает кулаки, стискивает зубы, тяжело дышит через нос, вследствие чего ноздри расширяются. Все эти проявления, бесполезные у современного

Рис. 24. Мимика смеха.
(Народный артист СССР
К. С. Станиславский.)

Рис. 25. Мимика отвращения.
(Народный артист СССР
И. М. Москвин.)

Рис. 26. Мимика недоумения. (Народный артист СССР И. М. Москвин.)

человека, ведут своё начало от тех времён, когда гнев у нашего предка был состоянием, предшествовавшим борьбе, а борьба эта осуществлялась кулаками и зубами.

Это не значит, однако, что все выразительные движения являются в жизни современного человека лишь бесполезным пережитком инстинктивных действий.

Рис. 27. Мимика и пантомимика ужаса. (Артист Ф. И. Шаляпин в роли Бориса Годунова.)

Они приобрели новую, очень важную функцию — они стали средством общения между людьми. По мимике, пантомимике, по интонации и тембру голоса мы судим о душевном состоянии человека.

Конечно, самым важным средством общения между людьми является речь. Но как раз чувства со всеми их тончайшими оттенками не легко передаются средствами обычной прозаической речи.

Каждый человек знает по себе, как трудно описать словами своё настроение.

В ходе исторического развития человечество создало другие средства для передачи чувств. Самым тонким и мощным из них является искусство, в особенности же музыка и лирическая поэзия, которые можно назвать настоящим «языком чувств». Но в процессе повседневного общения люди, конечно, не могут пользоваться средствами музыки и поэзии, и тут большое значение приобретают жесты, выражение лица, особенно глаз, и интонация голоса. Простое нахмуривание бровей, чуть заметная улыбка, лёгкое пожатие плечами иногда помогают понять отношение человека к какому-нибудь факту.

Какое значение может иметь в процессе общения такая частность, как выражение глаз, хорошо показано Л. Н. Толстым в описании первой встречи Хаджи Мурата, перешедшего к русским, с наместником Кавказа Воронцовым:

«Выслушав переводчика, Воронцов взглянул на Хаджи Мурата, и Хаджи Мурат взглянул в лицо Воронцова. Глаза этих двух людей, встретившись, говорили друг другу многое, невыразимое словами, и уже совсем не то, что говорил переводчик. Они прямо, без слов, высказывали друг о друге всю истину: глаза Воронцова говорили, что он не верит ни одному слову из всего того, что говорил Хаджи Мурат, что он знает, что он, враг всему русскому, всегда останется таким и теперь покоряется только потому, что принуждён к этому. И Хаджи Мурат понимал это и всё-таки уверял в своей преданности. Глаза же Хаджи Мурата говорили, что старику этому надо бы думать о смерти, а не о войне, но что он, хоть и стар, но хитёр, и надо быть осторожным с ним. И Воронцов понимал это и всё-таки говорил Хаджи Мурату то, что считал нужным для успеха войны».

54. ЧУВСТВА И ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Источником чувств являются разнообразные объекты действительности, с которыми человек входит в соприкосновение в процессе своей жизни и деятельности. Понятно, однако, что всякий объект может стать источником чувств лишь в том случае, если человек или непосредственно воспримет его, или узнает о нём каким-либо другим путём. Чтобы пережить некоторое отношение к объекту, нужно так или иначе познать его. Поэтому *чувства переживаются всегда в связи с теми или другими познавательными процессами:* ощущениями, восприятиями, образами памяти или воображения, мыслями и т. д.

Иногда источником чувства являются те свойства предметов (или те процессы в нашем теле), *которые мы в данный момент ощущаем.* Цвета, звуки, запахи и т. п. могут сами по себе вызывать в нас те или другие чувства. Такое *чувство, непосредственно связанное с ощущением, называется чувственным, или эмоциональным, тоном ощущения.*

Некоторые виды ощущений всегда имеют чувственный тон. Таковы прежде всего болевые ощущения. Под словом «боль» мы обыкновенно разумеем не только самые ощущения (колющие, режущие, рвущие, жгучие, тянущие и т. п.), но и то неприятное или даже мучительное чувство, которое с ними связано. Постоянно связаны с чувственным тоном и органические ощущения. Ощущения жажды, голода, аппетита, сытости, тошноты и т. д. всегда бывают или неприятными, или приятными.

Если и не всегда, то по большей части имеют чувственный тон обонятельные ощущения. Как мы уже знаем, большинство людей редко пользуется обонятельными ощущениями для практических целей; обычно нам не приходится узнавать или различать вещи по запаху. Но зато запахи почти всегда имеют эмоциональную окраску, вызывают приятное или неприятное чувство и поэтому оказывают заметное влияние на самочувствие человека.

Чувственный тон ощущения в сильной мере зависит от потребностей, которые испытывает человек в данный момент. Запах пищи приятен для голодного и безразличен или даже противен для сытого. Мороженое приятно в жаркий день и совсем неприятно на холоде.

В других случаях чувства зависят не от самых ощущаемых свойств объектов, а от того значения, которое эти объекты имеют для нас в данной ситуации, от того, о чём эти объекты говорят нам. Один и тот же звук, например, может вызывать самые разнообразные чувства в зависимости от того, какое он имеет значение. Звук артиллерийских выстрелов вызывал чувство тревожного напряжения, когда он говорил о налёте вражеских самолётов, и он же вызывал чувство гордого ликования, когда это был звук салюта, которым столица родины приветствовала доблестные войска Советской Армии.

В некоторых случаях отдельные объекты приобретают для человека очень устойчивую эмоциональную окраску в силу *воспоминаний*, которые с этим объектом связаны. В этих случаях ярко выступает значение механизма временных связей; какой-либо предмет, связанный в прошлом с данным чувством, может вновь вызывать его. Таким образом, множество нейтральных свойств предметов и явлений становятся возбудителями чувства по общему механизму условного рефлекса. Если в нашей прошлой жизни какой-нибудь запах, цвет или звук был связан с радостным или тяжёлым событием, то связь эта может оказаться настолько прочной, что самый тот запах, цвет или звук впоследствии всегда как бы окрашивается радостным или тяжёлым чувством. Этим часто объясняется, почему человек особенно любит или не любит какой-нибудь запах или цвет.

Иногда, наконец, *возникающие в нас чувства не связаны прямо с тем, что мы в данный момент ощущаем и воспринимаем, а целиком относятся к тому, о чём мы думаем, что вспоминаем и воображаем.*

Таким образом, *эмоциональную окраску могут иметь не только ощущения и восприятия, но также представления и мысли. Всякий познавательный процесс может вызывать те или другие чувства.*

Философы древности Платон и Аристотель высказали одну замечательную мысль: начало философии есть удивление. Это значит, что активная, творческая работа мышления начинается тогда, когда человек не просто столкнётся с чем-то непонятным, рождающим вопрос, но когда он «удивится», т. е. эмоционально загорится этим вопросом, когда непонятное вызовет в нём *чувство удивления*. Мысль эта подчёркивает роль в процессе познания интеллектуальных чувств, т. е. чувств, непосредственно связанных с мыслительными процессами.

К числу важнейших интеллектуальных чувств относятся наряду с чувством удивления, или изумления, ещё чувство сомнения и чувство уверенности.

Чувство сомнения, возникающее при отсутствии твёрдого доказательства и не позволяющее успокоиться на любом внешне подходящем решении вопроса, заставляет доводить до конца мыслительную работу, несмотря ни на какие трудности, стоящие на её пути.

Чувство уверенности даёт человеку силы бороться за свои убеждения, твёрдо и мужественно отстаивать правоту своих взглядов. Одного бесстрастного знания, что такие-то мысли правильны, недостаточно, чтобы стать подлинным борцом за идею.

Мысль приобретает всю свою силу и остроту только тогда, когда она пронизана глубоким чувством. Никогда не бывало, чтобы большие мысли создавались человеком, равнодушным к предмету своих занятий. Коперник, создатель одного из величайших переворотов в науке, писал, что его астрономические размышления родились из «невероятного чувства подъёма и воодушевления», которое он испытывал «при созерцании и раскрытии чудес неба».

Возможно, однако, и противоположное — отрицательное — влияние чувства на мыслительные процессы. Это бывает в том случае, когда мысль подчиняется чувству, теряя при этом свою самостоятельность. Вместо того чтобы взвешивать все «за» и «против» какой-нибудь гипотезы, человек начинает пристрастно подбирать доводы в пользу того решения, на которое его толкает чувство. И мышление перестаёт быть средством познания, а становится орудием

оправдания того, что желательно человеку, что его привлекает к себе, что ему приятно.

В жизни всегда возможны ситуации, когда «доводы сердца» оказываются в противоречии с доводами разума, когда, по выражению Чацкого, «ум с сердцем не в ладу». Правильный выход из таких положений никогда не может заключаться в том, чтобы заглушить «голос разума». В последнем счёте решение вопроса всегда должно принадлежать разуму.

55. ЧУВСТВА И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Самый сильный источник чувств находится в деятельности человека. Какой бы из основных видов деятельности мы ни брали — труд, ученье, игру, — мы всегда увидим, как много разнообразных чувств возникает в ходе этой деятельности. По отношению к игре это совершенно очевидно никто не станет по собственной охоте приниматься за какую-нибудь игру, если она оставляет его совершенно равнодушным. Легко понять, однако, что ещё более глубокие, сильные и разнообразные чувства должны быть связаны с трудовой и учебной деятельностями, которые составляют главное содержание человеческой жизни и которыми в значительной мере определяется жизненная судьба человека.

Самый процесс деятельности — трудовой, учебной, игровой — может доставлять наслаждение. Занятие любимым делом всегда является источником радости.

Об этом говорит, например, отрывок из биографии А. Г. Стаханова, рисующий его эмоциональное состояние во время работы в шахте 31 августа 1935 года, в ту ночь, когда он впервые сломал установленные нормы, дав в смену вместо 13—14 *т* угля 102 *т*. «Стаханов не чувствовал напряжения. Необыкновенная весёлость охватила его. Ему хотелось петь, ему казалось, что его молоток смеётся от радости и лёгкости». «Вдруг — кто-то кричит сквозь грохот, что смена кончилась. Этого Стаханов ожидал меньше всего. Он только ещё входил в работу. Кажется, не более часу ещё прошло, ничто не говорило об усталости — ни мускулы, ни молоток, и вдруг — уже шесть часов пролетели!»

Во многих видах деятельности имеются некоторые решающие моменты, от которых зависит результат всей предшествующей подготовительной работы. Сдача экзаменов для учащегося, первое выступление в новой роли для актёра, проведение ответственной, долго и тщательно подготовлявшейся операции для начинающего

хирурга — примеры таких решающих моментов. Приближение к этим моментам характеризуется переживанием своеобразного *чувства напряжения*, всё более и более возрастающего и сменяющегося, когда пройдёт решающий момент, *чувством разрешения*, освобождения от напряжения. В некоторых видах деятельности можно наблюдать на коротких промежутках времени очень резкую смену чувств напряжения и разрешения. Нигде это не проявляется так ярко, как в боевой обстановке, когда такие короткие и, казалось бы, простые моменты в деятельности, как «своевременно заметить появление противника», «сделать меткий выстрел», становятся в высшей степени ответственными действиями.

Шолохов в одной из глав романа «Они сражались за Родину» даёт прекрасное изображение смены напряжения и разрешения, рассказывая о том, как боец Лопахин при отражении атаки пикирующих бомбардировщиков сбил фашистский самолёт.

«Слегка побледневший Лопахин, выставив ружьё и крепко упираясь ногой в нижний уступ окопа, тщательно целился... Нет, на этот раз Лопахин не мог, не имел права промахнуться! Он весь как бы окаменел, только руки его, железной крепости руки забойщика, слившись воедино с ружьём, двигались влево, да прищуренные глаза, налитые кровью и полыхавшие ненавистью, скользили впереди тянувшего ввысь самолёта, беря нужное упреждение».

После двух промахов Лопахину удалось попасть во вражеский самолёт и сбить его, «и только тогда Лопахин с огромным и радостным облегчением вздохнул, вздохнул всей грудью...

— Вот как надо их бить! — сказал он, раздувая побелевшие ноздри, уже не скрывая своего торжества». Он «трясущимися руками торопливо свернул папироску, усталый и как-то обмякший сел на дно окопа, несколько раз подряд жадно затянулся.

— Думал, что уйдёт, проклятый! — сказал он уже спокойнее, но от волнения всё ещё замедляя речь».

Источником разнообразных и очень сильных чувств являются те трудности, без которых не обходится ни одна деятельность.

Отношение к трудностям может быть самым различным. Они могут вызывать чувство неуверенности, растерянности, беспомощности, досады, но могут также быть источником прямо противоположных чувств: уверенности в себе, сознания своей силы, своеобразных переживаний бодрости и возбуждения. Самый процесс преодоления трудностей может быть связан с радостным подъёмом и наслаждение, неведомое

людям, привыкшим избегать трудностей и уклоняться от борьбы с ними. «Помните, товарищи, — сказал И. В. Сталин на выпуске академиков Красной Армии, — что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а наоборот — идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их». Жизнь крупных деятелей Коммунистической партии, и прежде всего Ленина и Сталина, даёт множество иллюстраций к этим замечательным словам. История жизни И. В. Сталина, писал французский писатель-революционер Анри Барбюс, — «это непрерывный ряд побед над непрерывным рядом чудовищных трудностей».

Очень различно может переживаться и *неудача*, неуспех в достижении поставленной цели. У одних людей неудача рождает уныние, печаль, угнетённое и подавленное настроение, тогда как у других она вызывает подъём чувства напряжения и характерное чувство гнева на себя, на свою неумелость, чувство, заставляющее мобилизовать все свои силы и во что бы то ни стало добиться своего. Человек, «рассердившийся» после неудачи, может иногда достичь результата, который упорно не давался ему, пока он был в спокойном состоянии.

Не менее яркие чувства вызываются *успехом*, сознанием достигнутой цели. Чувства радостного удовлетворения, ликования, законной гордости, облегчения после напряжённых усилий сопровождают обычно окончание большой и трудной работы.

56. ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Эмоциональная память выражается в запоминании и воспроизведении чувств.

Вспоминая прошлые события нашей жизни, мы не только воспроизводим зрительные образы людей и обстановки, слова, произносившиеся нашими собеседниками, мысли, вызванные в нас этими словами; иногда при таких воспоминаниях в нас оживают и пережитые раньше чувства. Встреча с человеком, который сам по себе безразличен для нас, но с которым связано воспоминание об очень радостном событии нашей жизни, может окрасить весь день в радостное настроение. Мы можем бледнеть при одном воспоминании о давно пережитом страхе или краснеть при простом упоминании о поступке,

который в свое время вызвал острое чувство стыда.

Великий русский артист и режиссёр К. С. Станиславский в книге «Работа актёра над собой» пишет: «Раз вы способны бледнеть, краснеть при одном воспоминании об испытанном, раз вы боитесь думать о давно пережитом несчастье,— у вас есть память на чувствования, или эмоциональная память».

А. И. Герцен в качестве эпиграфа к первой части своей знаменитой книги «Былое и думы» взял следующие строки И. Огарёва:

Когда мы в памяти своей
Проходим прежнюю дорогу,
В душе все чувства прежних дней
Вновь оживают понемногу,
И грусть, и радость те же в ней,
И знает ту ж она тревогу...

Эмоциональная память является важным условием душевного роста человека. Тот, кто бесследно забывал бы чувство радости и удовлетворения, сопровождавшее совершение благородного поступка, так же как и чувство стыда, вызванное дурным поступком, тот человек имел бы слабое побуждение к новому совершению благородных дел и к воздержанию от дурных.

Значение эмоциональной памяти заключается, кроме того, и в том, что она увеличивает богатство и разнообразие эмоциональной жизни: источником чувств становится не только настоящее, но и прошедшее.

57. ОСНОВНЫЕ КАЧЕСТВА ЧУВСТВ

Чувства отличаются огромным разнообразием качеств и оттенков. При этом можно отметить одну особенность, отличающую чувство от других психических процессов. Большинство чувств легко сгруппировать в пары, обладающие *противоположными качествами*: удовольствие — неудовольствие, радость — печаль, веселье — грусть, любовь — ненависть, возбуждение — спокойствие и т. п. Эту особенность называют *полярностью чувств*. Противоположные эмоциональные качества образуют как бы полюсы, между которыми располагаются всевозможные промежуточные оттенки чувств. Самые эти противоположные качества называются *полярными качествами*.

Наибольшее значение имеют две пары таких полярных качеств, характеризующих чувства.

Первая из этих пар — *удовольствие и неудовольствие*. Почти всякое чувство является приятным или неприятным, связано с удовольствием или неудовольствием. Чувством, как мы знаем, называется переживание человеком своего *отношения* к тому, на что направлено это чувство. Отношение же всегда бывает положительным или отрицательным. Поэтому и *чувства имеют положительный или отрицательный характер*. В чувствах удовольствия, радости, счастья, веселья, ликования, любви переживается положительное отношение, тогда как в чувствах неудовольствия, страдания, печали, горя, грусти, отчаяния, ненависти, отвращения — отрицательное отношение.

Очень важно заметить, что в переживаниях человека нередко совмещаются одновременно и положительное, и отрицательное отношения, так что одно и то же переживание включает в себя одновременно и удовольствие, и неудовольствие. Воспоминание о прошлом счастье приятно, потому что даёт возможность снова хотя бы мысленно пережить это счастье, но оно содержит в себе и грусть от сознания того, что этого счастья уже нет больше. Чувства, связанные с преодолением трудностей, также заключают в себе обычно и положительную, и отрицательную стороны. Ведь нельзя назвать преодолением трудностей такое действие, которое не содержит в себе ничего неприятного, тяжёлого, которое доставляет одно лишь удовольствие. Чтобы преодолеть настоящую трудность, приходится пережить немало неприятных, а может быть, и мучительных моментов. Однако для человека, умеющего и любящего бороться с трудностями, и самые тяжёлые моменты связаны с такими чувствами, как бодрость, уверенность в своих силах, радостное и гордое сознание возвышенности тех целей, за которые он борется.

Другая, не менее важная противоположность, или полярность, эмоциональных качеств — это противоположность между *активным и пассивным характером чувства*. Чувства возбуждения, напряжения, подъёма, бодрости имеют активный характер; чувства покоя, беззаботности, угнетённости, подавленности, уныния имеют характер пассивный. Ярким примером полярности между активным и пассивным характером чувства может служить та смена чувства напряжения чувством разрешения, облегчения, которая сопровождает выполнение решающего действия в ходе какой-нибудь ответственной деятельности.

С этой точки зрения различают чувства *стенические* (от греческого слова «стенос» — сила), повышающие жизнедеятельность, увеличивающие силу и энергию, и чувства *астенические* (от греческого слова «астенэс» — слабый, бессильный), понижающие жизнедеятельность и уменьшающие силу и энергию. Бывает бурная, возбуждённая радость, вызывающая прилив сил и жажду деятельности, — это чувство стеническое, но бывает радость тихая, связанная с освобождением от забот и трудов и вызывающая жажду покоя; такую радость можно назвать чувством астеническим. Горе может действовать на человека угнетающе, подавляюще, вести к унылой апатии и бездействию; но может быть мужественная и глубокая скорбь, вызывающая не расслабление, а напряжение всех сил человека.

Очень ярко обнаруживается противоположность между стеническими, активными, и астеническими, пассивными, чувствами в тех эмоциях, которые пробуждает в человеке опасность. Столкновение с опасностью может вызвать у человека тяжёлое, угнетающее чувство астенического характера; это чувство называется *страхом*. Страх делает человека беспомощным, ослабляет его физические и умственные силы, подавляет его психическую жизнь. Однако столкновение с опасностью вовсе не всегда вызывает страх. Возможна и прямо противоположная реакция на опасность — стеническое чувство, которое можно назвать *чувством боевого возбуждения*. Оно повышает физические и умственные силы человека, обостряет его сообразительность и находчивость, увеличивает быстроту и точность действий.

«Советский лётчик, — пишет А. Н. Толстой,— никогда не уклонится от боя, и чем ближе к нему опасность, тем злее его сердце, тем расчётливее его движение, тем стремительнее его рефлексы. Это напряжённо-расчётливый восторг боя».

Чувства страха и боевого возбуждения полярны с точки зрения противоположности между пассивным и активным чувством. Но они полярны также и с точки зрения противоположности между неудовольствием и удовольствием. Страх — безусловно отрицательное чувство; он всегда неприятен, а при сильных степенях мучителен. Чувство же боевого возбуждения включает в себя положительные переживания: радость борьбы, гордое сознание своей силы и т. д.

Есть люди, которые в борьбе с опасностью находят величайшую радость жизни. Таков был, например, великий русский полководец Суворов, о котором один из его биографов пишет: «Всякий раз, когда ему приходилось провести несколько лет вне боевой обстановки, он начинал буквально хиреть. Образно выражаясь, он хорошо спал только под грохот пушек. Так было с ним всю его жизнь вплоть до глубокой старости».

Замечательный русский революционер, один из лучших соратников Ленина и Сталина, Яков Михайлович Свердлов говорит в одном из своих писем: «...Борьба людей и с внешними условиями и между собой за господство новых начал жизни полна захватывающего интереса. Принять участие в этой борьбе — огромное наслаждение».

Маркс на вопрос о том, каково его представление о счастье, ответил одним словом: «Борьба».

58. АФФЕКТЫ

Аффектами называются эмоциональные процессы, стремительно и бурно овладевающие человеком и имеющие характер сравнительно кратковременных вспышек. Таковы, например, взрывы гнева, отчаяния, страха.

Примером *аффективной* вспышки гнева может служить описанная Л. Н. Толстым реакция Кутузова во время Бородинского сражения на донесение о ходе дел на левом фланге, привезённое ему флигель-адъютантом Вольцогеном. Иностранец Вольцоген, человек глубоко чуждый русской армии и великому патриотическому подъёму, одушевлявшему её, совершенно ложно понимал смысл развёртывающихся боевых действий. Относясь пренебрежительно к русским войскам и их главнокомандующему, он с полупрезрительной улыбкой доложил Кутузову, что все пункты позиции в руках неприятеля и что отбить их нечем, так как войска в полном расстройстве бегут и остановить их нельзя.

—«Вы видели? Вы видели?.. — нахмурившись закричал Кутузов, быстро вставая и наступая на Вольцогена. — Как вы... как вы смеете!.. — делая угрожающие жесты трясущимися руками и захлёбываясь, закричал он.— Как смеете вы, милостивый государь, говорить это мне. Вы ничего не знаете... Неприятель отбит на левом и поражён на правом фланге. Ежели вы плохо видели, милостивый государь, то не позволяйте себе говорить того, чего вы не знаете...

Все молчали, и слышно было одно тяжёлое дыхание запыхавшегося старого генерала».

Аффективный характер могут иметь самые разнообразные чувства Вполне возможна, например, *аффективная вспышка радости*, картину которой рисует Л, Н. Толстой в «Войне и мире», изображая приезд

Николая Ростова с театра военных действий домой: «не успел он добежать до гостиной, как что-то стремительно, как буря, вылетело из боковой двери и обняло и стало целовать его. Ещё другое, третье такое же существо выскочило из другой, третьей двери; ещё объятия, ещё поцелуи, ещё крики, слёзы радости. Он не мог разобрать, где и кто папа, кто Наташа, кто Петя. Все кричали, говорили и целовали его в одно и то же время». «Наташа... прыгала, как коза, всё на одном месте и пронзительно визжала».

Всякое чувство, как мы знаем, изменяет жизнедеятельность организма и выражается в разнообразных телесных симптомах. При аффектах это внешнее, телесное выражение чувства бывает особенно ярким. Обычно оно имеет в аффекте характер двигательного перевозбуждения, проявляясь множеством бурных движений, слов, действий. Но иногда аффект имеет прямо противоположное внешнее выражение — задержку всех движений, полное прекращение всякой активности. *Человек может «оцепенеть»* от страха, гнева или отчаяния.

В 55 и 56-й главах IV тома «Войны и мира» дано изображение двух *аффективных переживаний горя*: горе Наташи после смерти князя Андрея и горе старой графини Ростовой после известия о смерти её младшего сына Пети. Резким контрастом к бурной реакции старой графини (она бьётся, кричит, мечется) является «оцепенение» Наташи. «Наташа большую часть времени, одна в своей комнате, сидела с ногами в углу дивана и, что-нибудь разрывая или переминая своими тонкими, напряжёнными пальцами, упорным неподвижным взглядом смотрела на то, на чём останавливались глаза».

Нередко говорят, что в состоянии аффекта человек «теряет голову», «сам себя не помнит», «не сознаёт, что он делает». Это неверно. Только психически больной человек может в припадке бешеного гнева или ярости действительно ничего не сознавать и впоследствии не помнить того, что он в это время сделал. Здоровый человек никогда не теряет сознания и памяти от гнева или другого какого-либо аффекта. Примером может служить герой одного из произведений Л. Н. Толстого, совершивший убийство в состоянии бешеного гнева. Он говорит, рассказывая о своём преступлении: «Когда люди говорят, что они в припадке бешенства не помнят того, что они делают, — это вздор, неправда. Я всё помнил и ни на секунду не переставал помнить... Всякую секунду я знал, что я делаю».

Столь же ошибочно думать, что в состоянии аффекта человек не может владеть собой и потому не должен нести

ответственность за те действия, которые он совершил в это время. Действительно, при сильном аффекте человек иногда теряет власть над собой и совершает поступки, которых он впоследствии горько раскаивается. Однако причиной этого является не столько сам аффект, сколько недостаток воли, недостаток самообладания. Аффекты вовсе не имеют непреодолимой власти над человеком.

Дав волю аффекту, «отдавшись ему», действительно трудно взять себя в руки и овладеть собой. Но «трудно» не значит «невозможно». Человек с сильной волей сумеет преодолеть эту трудность. Гораздо легче, однако, другое: не дать воли аффекту, не позволить себе «отдаться ему». Чтобы воспрепятствовать аффективной вспышке, надо не дать ей начаться. Существует старинное житейское правило: прежде чем отдаться вспышке гнева, надо мысленно сосчитать до десяти. (Один из героев Чехова, человек очень вспыльчивый, считал в подобных случаях даже до ста.) Тургенев советовал человеку, чрезмерно разгорячившемуся в споре и начинающему терять власть над собой, провести раз десять языком внутри рта, прежде чем вымолвить слово.

Психологический смысл этих очень полезных советов заключается в том, чтобы отсрочить наступление вспышки и тем самым получить время взять себя в руки; кроме того, отвлечение внимания на постороннюю механическую операцию может действовать охлаждающе.

59. НАСТРОЕНИЯ

Чувства обычно бывают направлены на какой-нибудь объект: человек радуется чему-то, грустит о чём-то, сердится на что-то, боится чего-то, любит кого-то. Но наряду с такими чувствами, относящимися к определённым объектам, мы замечаем и другого рода эмоциональные состояния. Мы говорим, что человек находится в радостном, весёлом настроении. Это значит, что он радуется не одному лишь какому-нибудь факту; это значит, что в данное время он вообще склонен к радостным, весёлым чувствам, что он может обрадоваться и такой вещи, которая в другое время оставила бы его равнодушным. Когда у человека сердитое, раздражённое, «плохое» настроение, его всё сердит: и трамвай — за то, что своевременно не подходит к остановке,

и сосед по трамваю — за то, что неосторожно толкнул его, и газета — за то, что не легко складывается.

Настроением мы называем общее эмоциональное состояние, окрашивающее в течение некоторого времени всё поведение и все переживания человека. Настроение может быть радостным или печальным, сердитым или добродушным, бодрым или вялым, приподнятым или унылым и т. п.

Очень часто в основе настроения лежит определённое чувство, вызванное каким-нибудь событием, имеющим для данного человека существенное значение. Неприятное известие, полученное утром, может испортить человеку весь день, создав тревожное или печальное настроение. Серьёзная удача в работе может на несколько дней вызвать радостное, приподнятое настроение. Чувство обладает способностью как бы растекаться или разливаться с того объекта, которым оно вызвано, на другие связанные с ним объекты. В результате и получается то общее эмоциональное состояние, которое называется настроением.

Этот процесс «растекания» чувства, создающий настроение, хорошо показан Л. Н. Толстым в рассказе «После бала». Захваченный любовью к Вареньке Б., герой рассказа во время бала, особенно значительного и счастливого для него, испытывает любовное, восторженное чувство ко всему, что он видит: «Я обнимал в то время весь мир своей любовью. Я любил и хозяйку... и её мужа, и её гостей, и её лакеев... К отцу же её (т. е. к отцу Вареньки.— Б. Т.), с его сапогами и с ласковой, похожей на неё улыбкой, я испытывал в то время какое-то восторженное, нежное чувство». После бала он не может спать, потому что чувствует себя слишком счастливым. Он выходит на улицу, и чувство счастья, которым он полон, снова окрашивает для него весь мир. «И лошади, равномерно покачивающие под глянцевитыми дугами мокрыми головами, и покрытые рогожками извозчики... и дома улицы... — всё было мне особенно мило и значительно».

Не всегда человек отдаёт себе отчёт в том, что явилось причиной его настроения. Событие, вызвавшее исходное чувство, могло быть внешне мало заметным: замечание, брошенное кем-либо из собеседников, хмурый взгляд, улыбка, показавшаяся насмешливой. Самый факт скоро забылся, но чувство, вызванное им, осталось и создало тревожное, недовольное настроение, которое может казаться беспричинным.

В известной мере настроение зависит от физического самочувствия человека. Сильное утомление, недосыпание, недомогание «понижают» настроение, тогда как здоровый

отдых, крепкий сон, физическая бодрость способствуют «поднятию» настроения.

На настроение некоторых людей большое влияние оказывают природа, время года, погода. Пушкин, как известно, из всех времён года больше всего любил осень, когда у него особенно легко создавалось приподнятое, бодрое настроение, вызывающее прилив творческих сил.

Не следует думать, что настроение является пассивным отражением тех внешних условий, в которых находится человек. Люди с богатым содержанием душевной жизни и с сильным характером могут в самых тяжёлых условиях сохранять бодрое, приподнятое и даже радостное настроение. В известной мере сам человек является «хозяином своего настроения».

Прочтите, например, следующий отрывок из письма Якова Михайловича Свердлова. Письмо это Свердлов писал жене из глухого остяцкого селения Максимкин Яр, где он находился в ссылке: «Представь моё положение. В жалкой лачужке, которую трудно и назвать комнатой... с маленькой семилинейной лампочкой, без малейшего намёка на какую-нибудь товарищескую среду... почти без книг, без газет, без писем. А вместе с тем я не унываю, не хандрю... не лишился обычной бодрости, а, пожалуй, и жизнерадостности. Тебе покажется это противоречием. А между тем оно так, как я пишу...»

60. ЧУВСТВО ДОЛГА

Чувство долга является важнейшим, центральным в той группе чувств, которые называются *моральными чувствами* и которые связаны с переживанием человеком своего отношения к другим людям и в особенности к определённым общественным группам: к своему народу, к партии, комсомолу, к своему колхозу, своему заводу, своей школе, своей семье.

В основе чувства долга лежит сознание человеком интересов той общественной группы, к которой он принадлежит, и своих обязательств по отношению к ней. Но одного знания этих интересов и обязательств ещё недостаточно. Чисто рассудочное, сухое *знание* того, как нужно, как следует поступить, не может явиться основой для развития долга. Оно должно превратиться в сильное и глубокое *переживание*. Если человек переживает несчастья родины так же остро, как свои

собственные несчастья, производственный успех своего завода, как свой собственный успех, удачи своего класса, как свои удачи, — тогда он становится способен *переживать* свой долг, а не только *знать* его. Поэтому-то мы говорим о *чувстве долга*, а не о простом знании его.

Из сознания долга вырастает оценка человеческих поступков как *хороших* или *дурных*. Такая оценка всегда связана с сознаванием общественного значения этих поступков и этим по существу отличается от оценки действий как *приятных* или *неприятных*.

Оценка своих собственных поступков как хороших или дурных, причём оценка не только рассудочная, но и эмоциональная, называется *совестью*. Сознание правоты своих поступков — «спокойная совесть» — может доставлять человеку величайшую радость и удовлетворение, давать уверенность в себе и силу противостоять клевете и несправедливым обвинениям. Сознание, что совершён дурной поступок, вызывает «угрызения совести», «муки совести», чувство раскаяния. Голос совести требует в этих случаях действенного исправления совершённого поступка. Если человек никак не выявляет своего раскаяния, уклоняется не только от исправления, но и от открытого признания своей ошибки, у него создаётся то длительное состояние тяжёлого внутреннего беспокойства, которое характеризуется словами «нечистая совесть».

И чувство долга, и вытекающая из него чуткая совесть предполагают высокую *сознательность* человека. Но они предполагают также наличие глубоких и действенных чувств: любви к родине, преданности партии, чувства органической связи со своим коллективом и т. п. При этом условии исполнение долга перестаёт быть тяжёлой обязанностью. Оно становится радостным делом, счастьем в жизни.

61. ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ОБЛАСТИ ЧУВСТВ

Различия в эмоциональной стороне психики имеют важнейшее значение для психологической характеристики человека. Чтобы понять человека, надо знать не только то, как он мыслит, как он действует, но и как он чувствует.

Каковы же те особенности чувств, которыми люди различаются друг от друга?

1) Направленность чувств

Самые важные различия в эмоциональной области определяются тем, *на что направлены чувства человека*, каково содержание этих чувств. В стихотворении «Дума» Лермонтов писал: «И ненавидим мы, и любим мы случайно». Если чувства распыляются на случайные объекты и возникают по случайным поводам, они не могут служить мощным двигателем в творческой работе и жизненной борьбе. Мало того, они могут стать помехой, постоянно отвлекающей человека от основной задачи его жизни, сбивающей его с избранного им пути.

Чтобы разобраться в эмоциональной жизни человека, нужно прежде всего понять, насколько связаны чувства, играющие наибольшую роль в его жизни, с его мировоззрением, основными целями, которые он себе ставит. Нужно понять, *принципиально* или *случайно* он любит, ненавидит, воодушевляется, радуется, огорчается; понять, вытекают ли его чувства из *убеждений*, выражающих основную направленность его личности, или же они вызываются впечатлениями данной минуты.

Чувство ненависти, например, может быть и высоким, и мелким в зависимости от того, на что оно направлено. Ненависть к врагам родины — высокое чувство, вдохновляющее человека на подвиги и рождающее героев. Злобное, завистливое чувство к человеку, опередившему меня в соревновании, — чувство мелкое, вызывающее склоки и толкающее на совершение недостойных поступков.

Из числа замечательных русских людей прошлого большой принципиальностью чувств отличался Виссарион Григорьевич Белинский. Это был человек с пламенной душой. Особенно поражало современников и создавало ему исключительный нравственный авторитет то, что пламенность его чувств всегда имела принципиальный характер, была абсолютно бескорыстной. «Белинский был... действительно страстный и действительно искренний человек... умевший любить и ненавидеть бескорыстно. Подобного ему человека я не встречал ни прежде, ни после» *(Тургенев)*. В одном из частных писем Белинский говорил о себе: «Природа мало дала мне способности ненавидеть за лично нанесённые мне несправедливости; я скорее способен возненавидеть человека за разность убеждений или за недостатки и пороки, вовсе для меня безвредные». Замечательным документом, дышащим глубоко принципиальным негодованием, гневом и даже ненавистью, является его знаменитое письмо к Гоголю, вызванное реакционной и вредной книгой последнего «Выбранные места из переписки с друзьями»: «Да если бы вы обнаружили покушение на мою жизнь,— писал Белинский,—

и тогда бы я не более возненавидел вас, как за эти позорные строки...

Тут дело идёт не о моей или вашей личности, но о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: тут дело идёт об истине, о русском обществе, о России».

2) Глубина чувств

Большое значение для характеристики эмоциональной жизни имеет глубина чувств. Глубоким называют чувство, затрагивающее самые существенные для данного человека стороны жизни, имеющее многочисленные связи с его мыслями, стремлениями и желаниями и отражающееся на всей его душевной жизни.

Не всякое сильное чувство, характеризующееся бурным протеканием и ярким внешним выражением, является чувством глубоким. Увлечение — чувство неглубокое, хотя оно может быть сильным. Настоящая любовь отличается от увлечения прежде всего своей глубиной. Все аффекты — сильные чувства, но многие из них очень неглубоки. Бурная, но кратковременная вспышка гнева — пример сильного, но неглубокого чувства. Принципиальная ненависть, вытекающая из убеждений человека и определяющая путь его жизненной борьбы, — пример чувства глубокого.

Глубина чувства не связана обязательно ни с бурными переживаниями, ни — тем более — с бурными проявлениями. «Спокойствие часто признак великой, хотя скрытой силы; полнота и глубина чувств и мыслей не допускает бешеных порывов» (*Лермонтов*, Герой нашего времени).

Редкая глубина и сила чувств при крайней сдержанности их внешнего выражения —характерная черта психического облика Ули Громовой («Молодая гвардия»). Неоднократно показывая «огромный мир чувств и размышлений», «цельный скрытный мир подлинных страстей», который жил в этой замечательной советской девушке, А. А. Фадеев, однако, подчёркивает: «Уля была замкнута и только в минуты особенного душевного состояния раскрывала себя». Внутренняя буря и внешнее спокойствие — такой мы видим её, например, в момент вынужденного возвращения в Краснодон после неудачной попытки эвакуироваться: «Всю дорогу она шагала рядом с телегой, молчаливая, будто спокойная, и только эти черты мрачной силы, обозначавшиеся в её глазах, ноздрях, губах, выдавали, какие бури волнами ходили в душе её».

Богатство и содержательность эмоциональной жизни человека зависят не столько от силы, сколько от глубины его чувств. Бывают люди, склонные очень сильно увлекаться

и людьми, и делами. Но всякое сильное увлечение только тогда получает жизненно важное значение, когда оно переходит в глубокую любовь. Люди, способные увлекаться, но не способные любить, неизбежно остаются поверхностными и пустыми.

3) Устойчивость чувств

В самой тесной связи с глубиной чувств стоит устойчивость их. Глубокое чувство устойчиво и прочно, тогда как неглубокие, хотя и сильные, чувства кратковременны и скоропроходящи.

Неустойчивость чувств может иметь две разные формы.

У некоторых людей неустойчивость чувств выражается в форме *капризной изменчивости настроения*. Такие люди легко загораются чувством по всякому поводу, но так как их чувство не глубоко, то оно столь же легко вытесняется новым, хотя бы и прямо противоположным. Они тревожатся при всяком намёке на опасность, но им достаточно одного успокоительного известия, чтобы тревожное настроение сменилось беззаботным. Они сильно переживают горе, но забывают о нём при первом же радостном впечатлении. Их настроение зависит от любого случайного воздействия.

В других случаях неустойчивость чувств выражается в форме быстрой эмоциональной *притупляемости*. Многие чувства при частом повторении вызывающих их воздействий слабеют и, наконец, вовсе исчезают. Звуки артиллерийской стрельбы, пугающие человека, впервые попавшего в боевую обстановку, не оказывают уже такого действия на опытных, закалённых бойцов.

Но было бы совершенно ошибочно думать, что все чувства слабеют по мере привыкания к тем воздействиям, которые их вызывают. Чувство, глубоко затрагивающее личность человека, связанное с разнообразными интересами, не ослабевает от повторения. Такие чувства не притупляются. Если человек по-настоящему любит какое-нибудь дело, если оно составляет его подлинное призвание, то, постоянно занимаясь этим делом, он не только не охладевает к нему, а, наоборот, начинает ещё сильнее любить его. Удовольствие, доставляемое хорошей музыкой, усиливается при повторном слушании её. Кто любит и понимает художественную литературу, тот постоянно

перечитывает лучшие произведения, и они вследствие этого не перестают нравиться ему и производить впечатление.

Люди, не имеющие глубоких и стойких интересов, ищущие в жизни одних лишь развлечений, быстро ко всему охладевают, так как всякое чувство затрагивает их очень поверхностно. У таких людей развивается сильная эмоциональная притупляемость, а следствием её является *скука*. К этой категории людей относятся, например, Онегин и Печорин. Последний сам признаёт, что быстрая притупляемость составляет главное несчастье его жизни. «Мне всё мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день от дня».

4) Действенность чувств

Под действенностью чувств имеется в виду способность их побуждать человека к действию. В этом отношении эмоциональные переживания людей могут быть очень различны. У некоторых людей чувства являются могучей побудительной силой, у других они мало влияют на поведение. Люди последней категории могут очень сильно переживать какое-нибудь чувство, но это переживание никак не отражается на их поступках. Различия между людьми по степени действенности чувств имеют большое значение, так как чувства важны главным образом тем, что они являются движущей силой в человеческом поведении.

Стойкое и глубокое чувство, обладающее очень большой действенной силой, направляющее все помыслы человека и накладывающее отпечаток на всю его деятельность, называется *страстью*. Страсть захватывает человека и поэтому является большой силой. Любовь к родине, к своему народу, любовь к науке или искусству, становясь страстью, ведёт к совершению подвигов и созданию великих произведений. Но страсть, направленная на мелкие и недостойные цели, становится губительной для человека. Замечательное изображение гибельной силы «злых страстей», порабощающих человека, дано Пушкиным в ряде произведений: «Пиковая дама» (страсть к обогащению), «Скупой рыцарь» (скупость), «Моцарт и Сальери» (зависть, ставшая страстью).

Когда говорят о «страстной любви», «страстной ненависти», «страстном отношении к делу», имеют в виду глубокое, стойкое и очень действенное чувство.

Крайние противоположности с точки зрения действенности чувств представляют с одной стороны, люди *сентиментальные*, с другой — люди *страстные*. Первые пассивно любуются и наслаждаются своими чувствами, много говорят о них, но мало интересуются воплощением их в жизнь. Вторые не говорят о своих чувствах, но живут ими, стремясь перевести их в действие.

Глубокий интерес представляют в этом отношении следующие слова Н. К. Крупской, сказанные ею на II съезде Советов СССР, в ближайшие дни после смерти Ленина:

«Товарищи, за эти дни, когда я стояла у гроба Владимира Ильича, я передумывала всю его жизнь, и вот, что я хочу сказать вам. Сердце его билось горячей любовью ко всем трудящимся, ко всем угнетённым. Никогда этого он не говорил сам, да и я бы, вероятно, не сказала этого в другую, менее торжественную минуту... Это чувство заставило его страстно, горячо искать ответа на вопрос — каковы должны быть пути освобождения трудящихся?»

Вопросы для повторения

1. Что называется чувством, или эмоцией?
2. В чём различие между чувством и ощущением?
3. В чём выражается общественный характер чувств?
4. Какова физиологическая основа чувств?
5. В каких телесных признаках выражаются чувства?
6. Какова связь чувств с познавательными процессами?
7. Дайте характеристику интеллектуальных чувств.
8. Какова связь чувств с деятельностью человека?
9. Что такое эмоциональная память?
10. Перечислите основные качества чувств.
11. Дайте определение понятий: «аффект», «настроение» и «страсть».
12. Какие чувства называются моральными чувствами?
13. Что лежит в основе развития чувства долга?
14. Перечислите важнейшие особенности чувств, которые могут характеризовать человека.

Глава X

ВОЛЯ

62. МОТИВЫ И ЦЕЛИ

Термином «воля» обозначается та сторона психической жизни, которая получает своё выражение в сознательных, целенаправленных действиях человека.

Действия человека *исходят из* определённых *мотивов* и *направлены на* определённые *цели*. Мотив — это то, что побуждает человека к действию; цель — то, чего человек стремится достигнуть в результате этого действия.

Ставя себе ту или другую цель, человек всегда руководствуется определёнными мотивами, определёнными побуждениями. Постановка цели не может происходить беспричинно. Что-то должно побудить человека направить свою деятельность к данной цели. *Мотивы — это то, что побуждает человека к постановке тех или других целей.* Не зная мотивов, нельзя понять, *почему* человек стремится к одной, а не к другой цели, нельзя, следовательно, понять подлинный смысл его действий.

Исходным побуждением к деятельности является *потребность*, т. е. испытываемая человеком нужда в чём-либо. Можно различать потребности *материальные* — потребность в пище, одежде, жилище и т. п. — и *духовные*, или *культурные*, — потребность в общении с людьми, потребность в образовании, в книге, в музыке и т. д.

Духовные потребности исторически возникли в процессе общественного труда по мере удовлетворения и дальнейшего развития и утончения исходных материальных потребностей. Сама трудовая деятельность родилась из необходимости удовлетворения этих насущных материальных потребностей. Но в дальнейшем она стала источником новых

потребностей, важнейшая из которых — *потребность в самом труде*, в основе которой лежит, с одной стороны, органическая потребность в активности, свойственная всякому здоровому организму, с другой — потребность в общении с людьми, основной и первоначальной формой которого является трудовое, производственное общение. Полное развитие эта потребность в труде могла получить лишь в социалистическом обществе, когда труд, став действительно свободным, превратился «из зазорного и тяжёлого бремени, каким он считался раньше, в дело **чести**, в дело **славы**, в дело **доблести** и **геройства**» *(Сталин)*.

Потребность вызывает стремление к удовлетворению её, стремление может выражаться во *влечении* или *желании*.

Влечением называется смутное стремление, не связанное с ясным представлением цели. Своеобразие влечения прекрасно передано в известных словах Пушкина: «Когда б не *смутное* влеченье *чего-то* жаждущей *души*...»

Желанием называется осознанное стремление к определённому объекту, к определённой цели.

Превращение смутных влечений в осознанные желания является необходимым условием сознательной и целенаправленной деятельности, в которой проявляется воля человека.

Не всякое желание ведёт, однако, к действию. Человек может желать и того, что совершенно не находится в его власти, что никак не зависит от его действий: человек может желать, чтобы завтра была хорошая погода, чтобы нужная ему книга оказалась в библиотеке незанятой, чтобы в спектакле участвовал интересующий его исполнитель, и т. п. В этих случаях имеется осознанная направленность к определённой цели, но нет стремления действовать для достижения этой цели, потому что нет сознания того, что достижение её зависит от желающего.

Такие желания можно назвать *недейственными желаниями* в отличие от *желаний действенных*, которые связаны с мыслью не только о цели, но и о средствах достижения её, с осознанием возможности достичь этой цели и со стремлением действовать в этом направлении.

Действенные желания и лежат в основе волевой деятельности человека.

Потребности являются той предпосылкой, на основе которой формируются мотивы человеческой деятельности. На основе потребностей в процессе общественной жизни развиваются чувства человека и в частности его общественные чувства, создаются его интересы, складываются взгляды и убеждения, наконец, формируется его мировоззрение. *И в чувствах, и в интересах, и в убеждениях, и в мировоззрении человека, поскольку они становятся источником действенных желаний, выступают мотивы его деятельности.*

63. НЕПРОИЗВОЛЬНЫЕ И ПРОИЗВОЛЬНЫЕ ДВИЖЕНИЯ

В предшествующих главах, изучая отдельные психические процессы, мы много раз отмечали, что эти процессы могут быть *непроизвольными* или *произвольными, непреднамеренными* или *преднамеренными*. Мы различали непреднамеренное и преднамеренное запоминание и воспроизведение; мы говорили о непроизвольном и произвольном внимании. В наиболее простой и первоначальной форме это различие обнаруживается в области движений.

Типичным примером непроизвольных движений являются *безусловные рефлексы*: кашель, чиханье, мигание, отдёргивание руки при внезапном уколе, вздрагивание при резком и неожиданном звуке и т. п. Непроизвольный характер имеют обычно *выразительные движения*, в которых проявляются чувства: при сильном гневе человек непроизвольно стискивает зубы или сжимает кулаки; искренний смех или улыбка непроизвольны.

Возьмём теперь какие-нибудь простейшие случаи произвольных движений. Я хочу поднять правую руку и поднимаю её. Я хочу взять со стола карандаш, протягиваю руку и беру его. Какие признаки отличают эти движения и дают основание называть их произвольными?

Во-первых, *сознавание цели и наличие стремления к достижению её*. Во-вторых, *выработавшееся в прошлом опыте умение совершать данное движение*. Оба эти признака являются необходимыми признаками всякого произвольного движения.

На первый взгляд может казаться, что бывают «бесцельные» произвольные движения. «Я ведь могу,— говорят иногда,— произвольно поднять руку без всякой цели. Вот сейчас, возьму и подниму, хотя мне это ни для чего не нужно». И в доказательство правоты

своих слов человек действительно поднимает руку. На самом деле рассуждающий так человек доказывает как раз обратное: он поднимает руку с *целью* показать, что он может произвольно совершать «бесцельное» движение. *Произвольное движение — это движение целенаправленное.*

Человек не рождается с умением делать произвольные движения: этим умением он постепенно овладевает. Уже в первые годы жизни ребёнок научается большинству важнейших движений, причём сначала он делает их непроизвольно. *Мы можем совершать произвольно только те движения, которым мы научились.* Произвольное осуществление многих движений недоступно нам только потому, что такие движения никогда в нашем опыте не встречались.

Произвольные движения, как указывает И. П. Павлов, имеют условно-рефлекторный характер.

Произвольные движения происходят на основе ранее образовавшихся временных связей в коре больших полушарий. Специальными опытами было показано, что двигательный анализатор, так же как и другие анализаторы, способен вступать во временную, условную связь с разнообразнейшими раздражителями. Раздражители, становящиеся началом, толчком движения, могут быть очень отдалёнными и косвенными, но их действие является обязательной предпосылкой движения.

Специфическая особенность произвольных движений заключается в особой роли слова как раздражителя. Именно слова, произносимые во внутренней речи, являются «пусковыми сигналами», вызывающими преднамеренные движения. Таким образом, произвольные движения человека неразрывно связаны с работой второй сигнальной системы, оказывающей регулирующее влияние на работу первой сигнальной системы.

Выполнение произвольных движений есть простейшее проявление воли. Развитие воли у детей начинается с того, что ребёнок научается управлять своими движениями. Проявление воли, в частности, выступает при торможении того или иного движения, вызываемого непосредственно действующим внешним раздражителем. При этом задержка ответной реакции, как и начало преднамеренных движений, является результатом действия сигналов второй сигнальной системы (при усвоении словесной инструкции или принятия определённого намерения).

Таким образом, осуществление движений в соответствии с поставленной задачей, равно как и произвольное торможение движений, есть результат взаимодействия второй сигнальной системы с первой.

64. ВИДЫ ДЕЙСТВИЙ

Деятельность взрослого человека состоит не из отдельных самостоятельных движений, а из более или менее сложных *действий*, которые осуществляются посредством целого ряда движений.

Действиями называются отдельные акты поведения, которые исходят из определённых мотивов и направлены на определённую цель. Поэтому нельзя говорить о совершенно непроизвольных действиях. Человек может совершать непроизвольные *движения* — махать руками при ходьбе, производить в процессе разговора «машинальные» движения руками, невольно улыбаться, слушая весёлый рассказ, и невольно хмурить брови, слыша досадное известие, но эти движения сами по себе *не составляют действия,* так как не направлены ни на какую цель. Некоторые из них могут стать «действием», но лишь в том случае, когда они станут произвольными. Улыбка становится «действием», когда человек этой улыбкой сознательно хочет показать своё отношение к какому-нибудь известию.

Всякое действие человека произвольно, но степень этой произвольности может быть различной.

Мы можем различать, с одной стороны, *действия вполне сознательные, разумные* и, с другой — *действия импульсивные*, характеризующиеся сравнительно малой степенью сознательного контроля. К числу импульсивных действий относятся действия, совершаемые под влиянием сильного чувства, чаще всего аффекта.

Примером импульсивного действия может служить поведение Павла Корчагина при столкновении с Файло («Как закалялась сталь»). На партийном суде Корчагин так характеризовал свой поступок: «Всё, о чём здесь идёт речь, случилось потому, что я не сдержался... Произошла авария, и, прежде чем я это понял, Файло получил по черепу».

Неверно было бы думать, что в состоянии аффекта человек совсем не сознаёт того, что он делает, и что поэтому

импульсивные действия совершенно лишены сознательности (см. выше, § 58). Своеобразие импульсивных действий заключается не в полной бессознательности их, а лишь в том, что, во-первых, *отсутствует ясное сознание цели действия* и, во-вторых, *затрудняется сознательный контроль за своими действиями*. В приведённых примерах действующие лица не могли бы объяснить, какой именно цели они добивались своими действиями. Можно сказать, *почему*, но нельзя сказать, *зачем* они так поступили. Не менее ясно и то, что они в момент совершения этих действий недостаточно контролировали своё поведение, т. е. недостаточно владели собой. Необходимо, однако, напомнить то, что мы уже говорили, изучая вопрос об аффектах: из того факта, что под влиянием аффекта человек иногда теряет власть над собой, нельзя делать вывод, что в таком состоянии он и *не может* владеть собой. Пример поведения Самозванца в сцене у фонтана очень ярко показывает возможность вернуть временно утерянную под влиянием аффективной вспышки власть над собой.

Импульсивные действия — это действия необдуманные, и поэтому их противополагают обдуманным, разумным действиям.

Поскольку у взрослого человека не бывает действий совершенно непроизвольных, постольку в каждом действии в какой-то мере проявляется воля, и чем выше произвольность, т. е. сознательная целенаправленность действия, тем сильнее проявление воли.

При этом следует учитывать, что волевые действия не самопроизвольны, они обусловлены воздействием тех условий, в которых рос и развивался человек. И. М. Сеченов и И. П. Павлов постоянно указывали на то, что волевой акт имеет своё причинное объяснение. Волевые действия являются результатом воспитания и самовоспитания; в них находят своё отражение условия жизни и требования, предъявляемые обществом.

65. ПОНЯТИЕ О ВОЛЕ

Воля — та сторона психики, которая проявляется в сознательных и целенаправленных действиях. **Волевые действия в собственном смысле — это действия, которые связаны с преодолением внутренних или внешних препятствий.**

И в обиходной жизни о проявлениях воли говорят лишь тогда, когда приходится преодолевать препятствия. Возьмём два простых случая: 1) Мне нужно написать записку; я ищу глазами на столе карандаш, нахожу его, протягиваю руку и беру. 2) У меня свободный вечер, и мне хочется пойти в театр; я отправляюсь в кассу и покупаю билет. В обоих этих случаях действия имеют характер вполне сознательный и целенаправленный, но обычно никто не смотрит на такие действия как на проявление воли, и именно потому, что они не связаны с преодолением каких-либо препятствий. На самом деле и в этих действиях проявляется воля, но требования к ней здесь настолько незначительны, что здоровый человек их даже и не замечает. Однако при некоторых нервно-психических заболеваниях, когда вследствие глубоких нарушений волевой сферы развивается состояние «абулии», т. е. болезненного безволия, у человека может «нехватать воли» даже для того, чтобы взять со стола нужный ему предмет, и тем более для того, чтобы пойти куда-нибудь.

Внутренние препятствия к совершению действия возникают в тех случаях, когда имеется *конфликт, столкновение противоречащих друг другу побуждений:* хочется спать, но нужно вставать с постели, чтобы не опоздать; хочется продолжать весёлый и увлекательный разговор, но сознаёшь, что надо уйти и сесть за работу. Воля проявляется в умении *заставить* себя сделать то, что признаёшь нужным, *подавить те желания и влечения*, которые этому препятствуют. Воля — это прежде всего *власть над собой, управление своими действиями, сознательное регулирование своего поведения.*

С другой стороны, воля проявляется в преодолении *внешних препятствий:* трудностей работы, разного рода помех, сопротивления других людей и т. д. Человек сильной воли умеет *добиваться поставленной цели и доводить дело до конца.*

Замечательный образец волевого советского человека описан в «Повести о настоящем человеке» Б. Полевого.

Мересьев с разбитыми ногами после катастрофы с самолётом движется к своим, несмотря на нестерпимую боль в ногах. Стремление дойти до своих превозмогает всё. «Вся его воля, все неясные его мысли, как в фокусе, были сосредоточены в одной маленькой точке: ползти, двигаться, двигаться вперёд во что бы то ни стало». «Он поднялся с сугроба, крепко сцепил зубы и пошёл вперёд, намечая перед собой

маленькие цели, сосредоточивая на них внимание,— от сосны к сосне, от пенька к пеньку, от сугроба к сугробу». После ампутации обеих ног он снова ставит перед собой цель, казалось бы, совершенно невозможную. «Ещё в госпитале он дал себе слово вернуться в авиацию. Он поставил перед собой цель и упрямо стремился к ней через горе, боль, усталость и разочарования». И он достигает своей цели, этот настоящий советский человек.

Воля теснейшим образом связана с другими сторонами психической жизни. *Могучим двигателем воли являются чувства;* человек, ко всему равнодушный, не может быть человеком большой воли. Но *в то же время воля предполагает осознание своих чувств, оценку их и власть над ними.* «Рабы своих страстей» — всегда люди безвольные. Умение «рассудку страсти подчинять» — необходимое условие сильной воли.

Величайшие подвиги воли, образцы которых показали герои Великой Отечественной войны, характеризуются с психологической стороны сочетанием сильнейшего чувства — беззаветной любви к родине, пламенной ненависти к врагу, могучего боевого возбуждения — с предельным самообладанием, выдержкой, строжайшим расчётом. Трудовые подвиги Героев Социалистического Труда также вызваны к жизни страстной любовью к родине и вместе с тем деловитой мудростью подлинных специалистов своего дела.

Из всего сказанного видно, как глубока связь воли с мышлением. *Волевое действие — это действие обдуманное.* Раньше чем заставить себя поступать так, как нужно, человек должен понять, осознать, продумать, как же нужно поступать в данном случае. Раньше чем преодолевать внешние препятствия, стоящие на пути к цели, надо найти наилучшие пути и средства для этого, надо обдумать замысел действия и составить план его.

66. АНАЛИЗ ВОЛЕВОГО ДЕЙСТВИЯ

Волевое действие, как мы знаем, предполагает *предварительное осознание* цели действия и средств, ведущих к достижению этой цели. Это значит, что человек, прежде чем приступить к действию, намечает мысленно, *для чего и как* он будет действовать, — прежде чем действовать фактически, он *действует мысленно.*

С другой стороны, волевое действие — это действие в затруднённых условиях, действие, связанное с преодолением

каких-либо препятствий. Отсюда следует, что «мысленное действие», предшествующее фактическому, не может ограничиться простым сознаванием цели и средств её достижения, а включает в себя сложный процесс *обсуждения* различных возможностей: действовать или воздержаться от действия, в каком направлении действовать, каким путём и какими способами действовать. Этот процесс заканчивается принятием *решения*.

За принятием решения следует переход от «мысленного действия» к фактическому, т. е. приведение этого решения в *исполнение*.

Таким образом, мы можем выделить две основные стадии волевого действия: 1) подготовительную стадию — «мысленное действие», — заканчивающуюся принятием решения, и 2) завершающую стадию — «фактическое действие», — заключающуюся в *исполнении* принятого решения.

В тех случаях, когда действовать надо немедленно, решение и исполнение непосредственно следуют друг за другом, решение непосредственно переходит в исполнение.

Примером волевого действия такого типа может служить эпизод в романе Н. Островского «Как закалялась сталь», когда Корчагин, военком батальона, на манёврах территориальных частей получает от начальника штаба полка приказание слезть с лошади и участвовать в манёврах пешком. Приказание отдано в очень резкой форме с оттенком насмешки над инвалидностью Корчагина.

«Корчагина словно хлестнули плёткой. Рванул коня уздой...» Несколько минут в нём «боролись два чувства: обида и выдержка». Победило второе: «Корчагин был военком батальона, этот батальон стоял за ним. Какой же пример дисциплины показал бы он ему своим поведением!..» Решение беспрекословно подчиниться приказанию, несмотря на несправедливость и резкость его, тотчас переходят в исполнение: «Он освободил ноги из стремян, слез с лошади и, превозмогая острую боль в суставах, пошёл к правому флангу»

В других случаях решение касается не отдельного и притом безотлагательного действия, а направления и характера деятельности, растягивающейся иногда на очень долгое время и состоящей из многих отдельных действий, не поведения в данный момент, а программы будущего поведения, не того, как поступить сейчас, а того, как поступать в будущем в определённых ситуациях. Человек может принять решение окончить школу отличником, не курить, определённым образом держать себя с тем или другим человеком и т. п.

Примером решения такого типа может явиться другой эпизод из той же книги Н. Островского, когда Корчагин, до конца поняв грозный ход своей болезни, стал перед вопросом: «Как же должен он поступить с собой сейчас, после разгрома, когда нет надежды на возвращение в строй?.. Что же делать?..» Два направления чувств мыслей борются в нём. Одно ведёт к самоубийству: «Для чего жить когда он уже потерял самое дорогое — способность бороться?.. Умел неплохо жить, умей во-время и кончить». Другое ведёт к тому, чтобы найти возможность сделать свою жизнь полезной, несмотря на болезнь; самоубийство — «самый трусливый и лёгкий выход из положения... Умей жить и тогда, когда жизнь становится невыносимой. Сделай её полезной».

В течение долгих часов, проведённых в старом парке приморского города, Корчагин, по его выражению, «устроил заседание «политбюро» и вынес огромной важности решение»— вырваться из железного кольца и вернуться в строй с новым оружием в руках.

В таких случаях принятие решения приводит не прямо к исполнению, а к возникновению *намерения*, представляющего собой внутреннюю настроенность действовать в будущем в определённом направлении.

Однако намерения имеют значение не сами по себе. Они нужны только как *подготовка к действию*. Человек, вооружённый самыми хорошими намерениями, но не реализующий их в деятельности, — человек слабой, а не сильной воли. Воля проявляется в принятии решения, но гораздо больше проявляется она в исполнении этих решений. Множество людей принимают решение и вооружаются намерением бросить курить, но обнаружит сильную волю в этом вопросе только тот, кто сумеет осуществить это решение.

Решение и намерение — необходимые звенья волевого действия, но важнейшим, центральным пунктом его является исполнение решения.

Первая подготовительная стадия волевого действия, заканчивающаяся принятием решения, может протекать различно. При наличии *внутренних препятствий* начальная стадия волевого действия иногда принимает характер *борьбы мотивов*.

Внутренние препятствия, как мы знаем, выражаются в конфликте противоречащих друг другу побуждений. Этот конфликт и развёртывается в борьбу мотивов, включающую в себя взвешивание, обсуждение, оценку противоречащих желаний, стремлений, чувств. В обоих приведённых эпизодах из жизни Павла Корчагина мы наблюдаем такого рода борьбу мотивов: в первом случае борьбу между чувством обиды и выдержкой, дисциплинированностью,

во втором случае — между отчаянием и тягой к «бумажному героизму», с одной стороны, и стремлением к борьбе, железной настойчивостью и чувством долга подлинного большевика — с другой.

При борьбе мотивов дело идёт о цели и направлении действия, а не о способах выполнения его. Принимаемое решение касается того, *что* делать, а не того, *как* делать. Перед Корчагиным в первом эпизоде стоит вопрос о том, исполнить ли беспрекословно несправедливое приказание, а не о том, каким способом его исполнить.

Борьба мотивов *в волевом действии — это борьба между сознанием долга, чувством долга и какими-либо противоречащими долгу побуждениями.*

У Корчагина в эпизоде на манёврах происходит борьба между чувством обиды, готовым перейти в аффективную вспышку («Рванул коня уздой...»), и сознанием того, что он *должен* показать своему батальону пример дисциплины. Сущность внутренней борьбы Корчагина во время долгих размышлений его в старом парке сводится к решению вопроса: как он *должен* поступить? Чего требует от него *долг* коммуниста?

В других случаях в подготовительной стадии волевого действия на первое место выдвигается *выбор способа действия.* Чаще всего это бывает в тех случаях, когда трудность заключается в преодолении внешних, а не внутренних препятствий: нет конфликта мотивов, цель действия ясна, но не ясно, какими путями можно достичь этой цели, как преодолеть трудности, стоящие на пути к ней. В этих случаях нужно *произвести выбор между разными способами действия, нужно,* иначе говоря, *составить план действия.* Решение здесь должно касаться не вопроса о цели, а вопроса о средствах и путях достижения её.

Возьмём снова пример из книги Н. Островского «Как закалялась сталь». Павел Корчагин встречает на шоссе петлюровца, ведущего арестованного Жухрая. «Сердце Корчагина заколотилось со страшной силой. Мысли бежали одна за другой, их нельзя было схватить и оформить. Слишком мал был срок для решения. Одно было ясно: Жухрай погиб. И, смотря на подходивших, Павел затерялся в рое охвативших его чувств. «Что делать?» В последнюю минуту вспомнил: в кармане револьвер. Как только пройдут мимо, выстрелить в спину вот этому, с винтовкой, и тогда Фёдор свободен. И от мгновенного решения прекратилась пляска мыслей». Он поравнялся с Жухраем, наступает мгновение, когда надо действовать. «Но голову сверлила тревожная мысль: «Если я выстрелю в него и промахнусь, то пуля может попасть в Жухрая...» Разве можно было думать, когда петлюровец уже был рядом? И случилось

так: с Павлом поравнялся рыжеусый конвоир; Корчагин неожиданно бросился к нему и, схватив винтовку, резким движением пригнул к земле».

Ни о какой борьбе мотивов здесь нет и речи. Огромное напряжение всех психических сил целиком направлено в одну сторону: отыскать *способ действия, план действия.* Несмотря на очень короткий срок, в душе Павла развёртывается сложный ряд процессов. Сначала растерянность, недоумение, «рой» сменяющих друг друга чувств и мыслей. Затем мгновенно возникает первое решение, и «пляска мыслей» прекращается. Но когда уже подходит время действовать, когда, казалось бы, некогда думать, выясняется неудовлетворительность этого решения, и буквально в последние мгновения оно заменяется новым: не стрелять, а вырвать винтовку из рук конвоира. Возникновение этого последнего решения так тесно слито во времени с исполнением, что самому Корчагину его действия представляются «неожиданными». На самом деле и в этом случае «фактическому действию» предшествовало «мысленное», исполнению предшествовало решение, хотя они и отделялись друг от друга всего лишь незначительной частью секунды.

Выбор способа действия требует работы мысли и иногда очень сложной работы (у Корчагина «*мысли* бежали одна за другой», «прекратилась пляска *мыслей*», «голову сверлила... *мысль*», «разве можно было *думать*?..» и т. д.). Однако составление плана, входящее в волевое действие, является не только мыслительным, но и волевым процессом, поскольку план составляется не как «план вообще», не как план действий, теоретически возможных в данной ситуации, а как *мысленное предвосхищение реального действия*, как *обязательство для исполнения.* Каждый из нас может, мысленно став на место Корчагина, решать задачу за него, отыскивая наилучший в его положении способ действия. Но наша психическая деятельность в этом случае будет только мыслительной, тогда как у него она была одновременно и мыслительной, и волевой.

При преодолении как внутренних, так и внешних препятствий воля проявляется в умении заставить себя сделать то, чего требует чувство долга.

Развитое чувство долга ценнейшее качество человека и самое важное условие формирования *морально воспитанной воли.* Вырастая в самый сильный мотив человеческих действий, чувство долга ведёт к совершению подвигов, делает человека героем.

В день юбилея Красной Армии, 23 февраля 1943 года, на привале состоялось комсомольское собрание батальона 254-го Гвардейского стрелкового полка. Обсуждали, как лучше выполнить боевой приказ — взять деревню Чернушку.

На собрании выступил комсомолец Саша Матросов — молодой белокурый паренёк с автоматом на груди. Оглядев товарищей, он сказал торжественно и властно:

— Мы выполним приказ! Я буду драться с немцами, пока мои руки держат оружие, пока бьётся моё сердце. Я буду драться за нашу землю, презирая смерть!

Всю ночь батальон шёл бездорожьем, через лес. На остановках Саша Матросов не один раз говорил в эту ночь своим друзьям:

— Ну, братва, помни уговор наш: воевать, так воевать. Надо будет — умри, а дело сделай.

Подступы к деревне Чернушке преграждали три вражеских дзота; два фланговых удалось блокировать, но центральный дзот вёл яростный огонь и не давал возможности пересечь поляну, отделявшую позицию батальона от деревни. Группы автоматчиков, высылавшиеся для ликвидации дзота, погибали, как только выползали на поляну. Нельзя было прорваться к деревне, не остановив, хотя бы временно, огонь вражеского пулемёта.

Саша Матросов скрытно подполз сбоку к дзоту и дал очередь по амбразуре. Его пули попали в амбразуру; пулемёт замолчал, но через несколько секунд снова ожил. Тогда Матросов вскочил на ноги, рванулся вперёд и своим телом закрыл амбразуру. Огонь мгновенно прекратился. Бойцы бросились вперёд, и дзот был взят.

Так комсомолец Саша Матросов сдержал своё слово и действительно *до конца выполнил свой долг*. Решимостью пожертвовать своей жизнью он заслужил высокое право на бессмертие. Гвардии рядовой Герой Советского Союза Александр Матросов навечно зачислен в списки роты, с которой он шёл в бой под Чернушкой (см. «Правду» от 12 сентября 1943 года).

67. ВОЛЕВЫЕ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕКА

Характеризуя волевые качества человека, мы выделим, во-первых, те, которые касаются мотивации волевого действия, во-вторых, те, которые проявляются в принятии решения, и, в-третьих, те, которые связаны с исполнением принятого решения.

1. Сознательность решений и действий. Человек, которого можно назвать сознательным в своих действиях, поступает так, а не иначе потому, что он убеждён в правильности и важности поставленных им себе целей. Он руководится осознанными желаниями, отражающими более или менее прочные взгляды и убеждения. Он беспрекословно подчиняется дисциплине, потому что он понимает необходимость этого подчинения.

Подлинная сознательность, являющаяся признаком развитой воли, противополагается таким свойствам, как *внушаемость* и *негативизм*, которые говорят о недостатках воли.

Внушаемостью называется лёгкая подверженность чужим влияниям.

Сознательный человек следует чужим советам, когда уверен в правильности их, понимает, что они соответствуют его взглядам и убеждениям. Внушаемый человек поддаётся любому совету; при некотором старании его можно уговорить совершить поступок, который никак не согласуется ни с его взглядами, ни с его намерениями.

Внешнюю противоположность внушаемости образует *негативизм*, т. е. немотивированное стремление действовать наперекор другим. Негативизм выражается в желании во что бы то ни стало поступать по-своему и во внутреннем противодействии тому, чтобы послушаться какого-либо совета или указания, исходящего от другого человека.

Негативизм, так же как и внушаемость, — признак слабости, а не силы воли. В обоих случаях человек лишён подлинной сознательности поступков и руководствуется не оценкой по существу получаемых им советов и указаний, а слепой тенденцией слушаться их — при внушаемости — или противоречить им — при негативизме.

2. Решительность, под которой разумеется способность своевременно принимать устойчивые решения.

Не следует смешивать решительность со склонностью «быстро решать». Торопиться с принятием решения без наличия достаточных данных в тех случаях, когда обстоятельства не требуют немедленного действия, — признак слабости, а не силы воли. Такая торопливость наблюдается нередко как раз у людей нерешительных; для них принять решение — мучительная операция, от которой они стремятся возможно скорее избавиться. Подлинная решительность предполагает умение задержать решение, если это позволяют обстоятельства, до того момента, когда оно может быть вынесено с наибольшим знанием дела и уверенностью.

Но, с другой стороны, решительность предполагает умение — в тех случаях, когда ждать нельзя, — принимать решение немедленно. Она требует способности к риску тогда, когда рисковать необходимо. «Лётчик, — сказал И. В. Сталин, — это концентрированная воля, характер, умение идти на риск».

Будучи в основе своей волевым качеством, решительность тесно связана с определёнными качествами ума: она

предполагает большую критичность и в то же время смелость мысли.

Решительным мы назовём человека, который в нужный момент умеет устранить излишние сомнения и колебания. Но мы не назовём решительным человека, который не способен испытывать никаких сомнений вследствие ограниченности своего кругозора и недостаточной вдумчивости. Про такого человека нельзя сказать, что он действует решительно, а можно сказать, что он действует необдуманно.

Следствием обдуманности, обоснованности решений является устойчивость их. Решительный человек твёрд в принятых им решениях, тогда как человек нерешительный постоянно колеблется — и до принятия решения, и после него. Страх перед всяким окончательным шагом заставляет нерешительного человека сначала откладывать решение, а затем бесконечно пересматривать и отменять его.

3. Владение собой. Эта сторона воли проявляется в двух направлениях.

Во-первых, в умении *заставить* себя выполнить принятое решение, поборов для этого противодействующие побуждения: страх, лень, застенчивость и т. п. В жизни именно это волевое качество чаще всего называется *силой воли*. Без него невозможны не только выдающиеся подвиги мужества, но и самые обыдённые проявления добросовестности и прилежания.

Во-вторых, владение собой проявляется в умении *сдерживать* нежелательные обнаружения чувств и аффектов и не допускать импульсивных действий. В этом смысле говорят о *выдержке* и *самообладании человека*.

Замечательный пример и силы воли, и выдержки представляет жизнь Н. Островского. Ослепший и лишившийся способности двигаться, он героическим усилием воли заставил себя овладеть новым оружием — художественным словом, не только подавив в себе всякое проявление отчаяния, но даже «запретив» себе, по его собственному выражению, такие «простые человеческие чувства», как грусть, «имеющие право на жизнь почти для каждого, но не для него». Чтобы представить себе, каким подвигом воли было создание двух его романов, достаточно принять во внимание одно: «Всё, что писал, он должен был помнить слово в слово»; «в процессе работы ему приходилось по памяти читать целые страницы, иногда даже главы».

И такую работу должен был выполнить не многоопытный профессиональный писатель, а человек, впервые пробующий силы в этой области и к тому же испытывающий непрерывные мучительные страдания.

4. Энергия и настойчивость, проявляющиеся в преодолении внешних препятствий, стоящих на пути к поставленной цели.

Не всегда оба эти качества совмещаются в одном человеке. Некоторые люди чрезвычайно энергично берутся за дело, но скоро «выдыхаются»; они способны лишь на кратковременный натиск; им не хватает настойчивости в преодолении сколько-нибудь длинного ряда трудностей. В отличие от этого люди подлинно большой воли способны к длительному и неослабному напряжению энергии; сила их волевого натиска не только не ослабевает, но даже возрастает при встрече с трудностями и препятствиями.

Настойчивость проявляется в реализации намеченного плана.

Во всяком плане надо различать две стороны: 1) Формулировку цели или задачи: *что* именно должно быть выполнено? *сколько* должно быть сделано? *к какому сроку* работа должна быть закончена? Это количественная сторона плана. 2) Намечание тех способов, путей и средств, которыми должна решаться задача: *как* именно, *какими приёмами* и *в какой последовательности* должна осуществляться поставленная цель? Это качественная сторона плана.

Настойчивость предполагает неуклонное выполнение количественной стороны плана при возможно более гибком отношении к способу выполнения. Цель должна быть достигнута во что бы то ни стало, но средства, намечавшиеся вначале, могут и должны меняться в зависимости от изменения обстановки. Намеченный способ действий не должен сковывать человека. Он выполняется до тех пор, пока является наилучшим из возможных, но заменяется другим, как только обнаружится, что этот последний лучше ведёт к цели.

68. ВОСПИТАНИЕ ВОЛИ

Воля выражается в преодолении трудностей, а преодолевать трудности человек может только в том случае, если он знает, во имя чего он это делает. Поэтому первым и решающим

условием воспитания воли является *формирование мировоззрения, развитие общественных чувств* и на этой основе — *воспитание в себе чувства долга.*

Вторым условием воспитания воли является *овладение умением хотеть.* Пока стремления человека выливаются в форму вялых, расплывчатых и бездейственных желаний, не может быть и речи о развитии сильной воли. В записной книжке Г. И. Котовского, героя гражданской войны и боевого командира красной конницы, есть такая запись: «Хотеть — значит мочь». Для людей большой воли, к которым принадлежал Котовский, желание есть могучая сила, для которой нет непреодолимых препятствий. Но таким может быть лишь желание, вытекающее из основных жизненных установок человека, а не из мимолётных впечатлений и изменчивых настроений. Таким является то «страстное большевистское желание», о котором говорил И. В. Сталин, подчёркивая его решающее значение для достижения успеха (речь на совещании хозяйственников в 1931 году).

Третье условие воспитания воли — *не принимать решений неисполнимых и не вооружаться намерениями, которые не будут осуществлены.* Никто так часто не принимает решений и не имеет так много добрых намерений, как люди слабовольные. Человек же, стремящийся воспитать в себе сильную волю, должен к каждому своему решению и намерению относиться, как к делу ответственному, помня, что неисполнение принятого решения развращает волю.

Четвёртым условием воспитания воли является *образование привычки оценивать свои действия, осознавать их последствия, смотреть на них со стороны.* Не выработав критического отношения к себе и к своим поступкам, нельзя воспитать в себе сильную волю. Большая требовательность к себе — один из характерных признаков человека сильной воли.

Наконец, последнее условие воспитания воли — *постоянная тренировка себя в преодолении внутренних и внешних препятствий, постоянное упражнение волевого усилия.* То своеобразное состояние внутреннего напряжения и активности, которое называется «волевым усилием», составляет характерную особенность всякого волевого действия. Там, где не требуется усилия, там нет основания говорить о серьёзной волевой задаче. Но «способность

к волевому усилию», а следовательно, и умение преодолевать препятствия развиваются в результате практики. «Уже и маленькая победа над собой, — писал Горький,— делает человека намного сильней». Воля формируется в действии. Только тот способен проявить сильную волю в больших делах, кто долгим упражнением закалил её на сотнях маленьких дел.

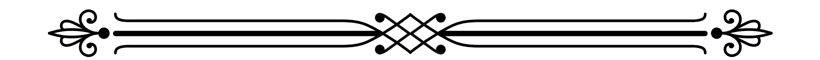
Возможность воспитания человеком своей воли безгранична. Каждый учащийся должен сознательно работать над воспитанием своей воли. Смелость и упорство в труде, дисциплинированность, высокое чувство долга — вот те требования, которые предъявляет к молодёжи наша страна.

Советские школьники воспитывают свою волю не в порядке индивидуального самосовершенствования, а как члены коллектива, стремящегося вместе со всем советским народом к общей великой цели.

Вопросы для повторения

1. В чём различие между мотивом и целью действия?
2. В чём различие между влечением и желанием?
3. Какими признаками отличаются произвольные движения от непроизвольных?
4. Дайте характеристику импульсивных действий.
5. Что называется волей?
6. Какова связь воли с чувствами и с мышлением?
7. В чём различие между понятиями «решение» и «намерение»?
8. При каком условии борьба мотивов становится подлинно волевым процессом?
9. В каких случаях волевое действие требует составления плана?
10. Дайте характеристику волевых качеств человека.
11. Перечислите важнейшие условия воспитания воли.

Глава XI

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

69. ЗАДАЧИ И МОТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Всякая деятельность — труд, ученье, игра — направлена на определённые цели или задачи: например, выработать установленную норму, повысить дневную выработку до трёх или четырёх норм, научиться читать по-английски лёгкие книги без словаря, сдать все экзамены на пятёрку, завоевать своей команде первенство в спортивных состязаниях и т. д.

Причиной постановки тех или других целей, как мы уже указывали (см. стр. 178), являются определённые мотивы. Однако в ходе деятельности взаимоотношение мотивов и целей или задач может меняться: *само выполнение задачи может становиться мотивом деятельности*. Определённые мотивы побудили десятиклассника поставить перед собой задачу окончить школу с медалью. В дальнейшем же стремление выполнить эту задачу само становится побудительной силой, мотивом его деятельности. Так бывает всегда, когда человек действительно *стремится* выполнить стоящие перед ним задачи, действительно *живёт* своей деятельностью, а не является равнодушным и безучастным исполнителем её.

Во всякой деятельности человек руководствуется не одной какой-либо задачей, а *целой системой подчинённых друг другу задач*. Ученик занимается английским языком. В данный момент перед ним стоит ближайшая, непосредственная задача — понять смысл трудного предложения. Но за ней стоит более общая задача — перевести целый отрывок, который надо приготовить к завтрашнему уроку. Эта задача через ряд промежуточных задач входит в состав большой задачи — овладеть английским языком,

которая в свою очередь является условием разрешения ещё более широкой задачи — выработать из себя полноценного специалиста в определённой области. Но и эта последняя задача является подчинённой по отношению к той центральной, высшей задаче — служению Советской родине и борьбе за коммунизм, — в которой советский человек видит своё жизненное назначение и исходя из которой он намечает свою будущую профессию.

Отношение человека к деятельности, а следовательно, и то, *как* он выполняет её, в сильной мере определяется тем, насколько далеко видит он перспективу стоящих перед ним задач. Если мотивы деятельности человека определяются не только ближайшими, но и более отдалёнными, большими, принципиальными задачами, мы говорим о *далёкой мотивации деятельности*; в отношении же человека, который побуждается к деятельности только ближайшими задачами, не включёнными в систему широких принципиальных задач, мы говорим о *короткой мотивации*. Последняя создаёт то отношение к деятельности, которое характеризуется отсутствием перспективы, узостью горизонта и недостаточной принципиальностью.

Только далёкая мотивация даёт человеку желание и силы бороться с трудностями и преодолевать их, потому что она заставляет видеть в отдельном звене деятельности необходимый этап для достижения конечной цели, этап, который нужно преодолеть во что бы то ни стало, так как иначе достижение этой цели невозможно. Если человек не видит перспективы дальше ближайшего этапа, во имя чего он будет преодолевать связанные с этим этапом трудности?

Дальность мотивации влияет и на отношение человека к успеху, к победам и достижениям. Для человека короткой мотивации успех в разрешении отдельной задачи переживается как конечный успех, как окончание дела и поэтому демобилизует его, вызывая чувство успокоенности. При далёкой мотивации успех в разрешении одной задачи переживается лишь как подъём на одну ступень, за которым тотчас же открывается перспектива следующих ступеней; чувство успеха поэтому мобилизует человека, переходя в стремление к новым достижениям, ради которых нужно работать и бороться. Вот как описывает И. В. Сталин отношение В. И, Ленина к поражениям и к победам.

«Второй раз встретил я Ленина в 1906 году на Стокгольмском съезде нашей партии. Известно, что на этом съезде большевики остались в меньшинстве, потерпели поражение. Я впервые видел тогда Ленина в роли побеждённого. Он ни на йоту не походил на тех вождей, которые хныкают и унывают после поражения. Наоборот, поражение превратило Ленина в сгусток энергии, вдохновляющий своих сторонников к новым боям, к будущей победе».

«На следующем съезде в 1907 году в Лондоне большевики оказались победителями. Я впервые видел тогда Ленина в роли победителя. Обычно победа кружит голову иным вождям, делает их заносчивыми и кичливыми. Чаще всего в таких случаях начинают торжествовать победу, почивать на лаврах. Но Ленин ни на йоту не походил на таких вождей. Наоборот, именно после победы становился он особенно бдительным и настороженным».

Деятельность человека всегда имеет то или другое общественное значение. Если даже человек ставит перед собой только личные цели, всё же деятельность его своими объективными результатами неизбежно будет иметь какое-либо — положительное или отрицательное — значение для общества. *Сознательность человека* характеризуется прежде всего тем, в какой мере он способен сознавать это общественное значение своей деятельности. *Уровень же*, или *высота мотивации*, человеческой деятельности характеризуется тем, в какой мере общественные задачи (благо родины, интересы класса, задачи, стоящие перед производственным или учебным коллективом) становятся личными целями человека, мотивами его деятельности. Чем большее место в мотивах, побуждающих человека, занимает сознание общественного долга, тем выше его уровень мотивации.

Основная деятельность человека — это *общественный труд*. «Духовный облик нынешних советских людей, — сказал товарищ Молотов в докладе, посвящённом тридцатилетию Великой Октябрьской социалистической революции, — виден, прежде всего, в сознательном отношении к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед Советским государством».

Большое влияние на деятельность человека оказывает *оценка*, которую он получает со стороны других людей, причём существенным проявлением сознательности является умение различать, чьей оценкой надлежит руководствоваться.

Презирая мнение «светской черни», той «толпы холодной», для которой был недоступен внутренний смысл его творчества, Пушкин высоко дорожил подлинно народной оценкой:

Слух обо мне пройдёт по всей Руси великой,
И назовёт меня всяк сущий в ней язык...
И долго буду тем любезен я народу...

(«Памятник».)

Знаменитая трактористка Паша Ангелина пишет в своей автобиографии: «Такое это хорошее чувство, когда знаешь, что твоя работа нужна всем, что люди желают тебе успеха!»

Оценка тех людей, которые воплощают в себе общественную совесть, голос народа, имеет решающее значение для деятельности человека, направляя её и давая высшую награду достижениям человека.

Великий русский учёный И. В. Мичурин, получив в день своего 80-летия телеграмму И. В. Сталина, содержащую высокую оценку его деятельности, писал в своём ответе: «Телеграмма от Вашего имени явилась для меня высшей наградой за все 80 лет моей жизни. Она дороже мне всяких наград».

Одна лишь мысль о такой оценке может иногда вдохновлять человека на подвиги. «Английский шофёр грузовой машины Джон на поле битвы в Испании под ураганным огнём противника доставлял воду изнывавшим от жажды бойцам; смертельно раненный, он говорил: «Если бы это видел товарищ Сталин, он похлопал бы меня по плечу и сказал: «Ты хорошо вёл себя, ты прекрасный товарищ, Джон».

70. СОЗНАНИЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В предыдущей главе мы установили, что всякое действие человека является сознательным, хотя степень этой сознательности и бывает различной. Тем более относится это к сложной деятельности, состоящей из ряда действий. Деятельность человека в нормальных условиях является *сознательной деятельностью.*

Однако столь же неизбежно и то, что не все компоненты деятельности, т. е. не все составляющие её элементы, осуществляются сознательно. Всякая сколько-нибудь сложная деятельность включает в себя отдельные процессы, движения и т. п., которые протекают *автоматически*, т. е. без полного осознания их. Это является необходимым следствием той особенности работы мозга, которая проявляется в явлениях внимания. Как мы знаем, наличие

в коре головного мозга участка с оптимальной возбудимостью связано с торможением других отделов коры. Это значит, что сознание, направляясь на определённый объект или комплекс объектов, тем самым неизбежно отвлекается от других объектов. Естественно, что в процессе выполнения сложной деятельности сознание может быть направлено лишь на отдельные компоненты или стороны её.

Говоря об осознанности тех или других актов человеческой деятельности, мы прежде всего должны иметь в виду, *на что* направлено сознание, *что именно* осознаётся человеком.

Один из героев «Мёртвых душ», слуга Чичикова Петрушка, имел большую склонность к чтению книг, причём чтение это носило у него своеобразный характер: «Ему было совершенно всё равно, похождение ли влюблённого героя, просто букварь, или молитвенник: — он всё читал с равным вниманием; если бы ему подвернули химию, он и от неё бы не отказался. Ему нравилось не то, о чём читал он, но больше самое чтение, или, лучше сказать, процесс самого чтения, что вот де из букв вечно выходит какое-нибудь слово, которое иной раз чорт знает что и значит».

Чтение Петрушки является типичным образцом «несознательного» чтения, но это не значит, что оно протекает вовсе без участия сознания. «Несознательность» выражается в данном случае в том, что сознание направлено не на то, на что ему надлежит быть направленным,— не на содержание читаемого, а на самый процесс чтения.

Сознательное выполнение деятельности предполагает возможно более полное осознание того содержания, на которое она направлена, её задач, ожидаемых результатов и возможных последствий, и, наконец, как мы видели в предыдущем параграфе, её общественного значения. Но это может быть лишь в том случае, если возможно большее число компонентов самого процесса деятельности осуществляется автоматически. Полностью сосредоточить внимание на содержании читаемого может лишь тот, у кого процесс чтения протекает автоматически, не требуя осознания его. Чем лучше владеет человек техникой данной деятельности, тем меньше уделяет он внимания самому процессу выполнения этой деятельности. А это даёт возможность сознанию целиком сосредоточиться на содержании и задачах деятельности, на отыскании наилучших путей и способов разрешения этих задач.

Иначе говоря: чем лучше владеет человек *навыками*, связанными с данной деятельностью, тем больше *творчества*

может он внести в выполнение её. Для того чтобы творчески исполнять музыку, надо иметь хорошие навыки игры на музыкальных инструментах; без этого сознание играющего будет целиком приковано к технике выполнения движений, чтению нот и т. п. Творчество писателя возможно лишь при условии прекрасного владения навыками письменной речи; иначе всё внимание и все духовные силы его будут направлены на то, чтобы избежать орфографических, синтаксических и стилистических ошибок.

Навык и *творчество* — две важнейшие стороны всякой сложной деятельности. Навык состоит в возможно более совершенном, лёгком и автоматическом выполнении тех постоянных устойчивых операций, которые составляют технику данной деятельности. Творчество проявляется в учёте своеобразия данных условий, в нахождении способов действия, отвечающих этим условиям, в осмысливании новых, не встречавшихся раньше задач и в отыскании путей решения их, наконец, во всяком проявлении инициативы и преодолении шаблонов.

Творческой деятельностью в собственном смысле мы называем такую деятельность, которая даёт новые, оригинальные продукты, имеющие высокую общественную ценность. Творчество проявляют учёные, художники, изобретатели, передовики промышленности и сельского хозяйства, находящие способ повысить производительность труда. «Мы каждый день думаем,— говорил А. Х. Бусыгин, инициатор стахановского движения в машиностроительной промышленности, — как получше рабочее место организовать, каждый день что-нибудь новое придумываем и вперёд двигаемся».

В других деятельностях, которые обычно не называют творческими, творческий момент, однако, может быть также представлен достаточно ярко. Даже ученик, которому удаётся найти решение математической задачи незнакомого ему типа, с психологической точки зрения проявляет творчество, хотя использованный им приём и не является новым в математике.

И во всех случаях *условием проявления творчества является владение соответствующими навыками*, дающее возможность сознанию целиком сосредоточиться на основных, решающих моментах, от которых зависит успех деятельности.

71. НАВЫКИ

Из сказанного в предыдущем параграфе следует, что под навыками разумеются такие компоненты сложной деятельности — т. е. отдельные системы движений, процессов, входящих в деятельность, — которые протекают автоматически, т. е. без участия сознания. Однако в отличие от тех движений, которые с самого начала протекают автоматически, каковы, например, безусловные рефлексы, навыки *становятся* автоматическими в результате более или менее длительного упражнения. Поэтому их следует называть *автоматизированными*, т. е. «превращёнными в автоматические», а не просто «автоматическими» компонентами деятельности.

Навыки — это автоматизированные компоненты сознательной деятельности, вырабатывающиеся в процессе выполнения её.

Никогда не следует забывать, что при выработке навыков автоматизируется не самая деятельность в целом, а лишь отдельные её компоненты. Чтение, письмо, стрельба, игра на рояле и т. п. всегда остаются сознательной деятельностью, автоматизируются же лишь *операции*, посредством которых эта деятельность осуществляется, лишь *способы её выполнения*.

Всякий навык представляет собой систему условно-рефлекторных связей; в частности, двигательный навык есть система временных связей в двигательном анализаторе. При формировании и перестройке навыков действительны все законы образования, изменения и торможения условных рефлексов.

1) Формирование навыков

Укажем некоторые важнейшие моменты, характеризующие формирование навыков.

1. Объединение ряда частных действий в одно целостное действие. По подсчёту некоторых специалистов лётного обучения, во время учебного полёта по прямоугольному маршруту («по кругу»), продолжающегося 5—6 минут, лётчик должен выполнить около 200 действий. Легко понять, что за такой короткий промежуток нельзя успешно выполнить 200 самостоятельных сознательных действий. Одним из важнейших моментов

формирования лётных навыков и является объединение отдельных групп таких первоначально самостоятельных действий в одно целостное действие, подчинённое одной задаче. То, что было раньше отдельным сознательным действием, становится теперь автоматизированной операцией, входящей в состав нового сложного действия.

Таким образом, по мере овладения навыками человек начинает работать всё более «крупными единицами». Обучаясь читать, учащийся читает сначала по буквам, затем по слогам и, наконец, целыми словами. На первых шагах обучения письму изображение каждого элемента буквы (палочка, кружок и т. п.) стоит в сознании ученика как особая задача; следующим этапом является целостное написание отдельных букв; при полном владении навыками письма написание целого слова, а иногда и целой фразы становится единым действием, которое осуществляется плавным и непрерывным движением.

2. Устранение излишних движений и напряжённости. Характерным признаком неумелого выполнения какой-либо деятельности является большое количество излишних движений. Ребёнок, начинающий писать, в большинстве случаев не может производить движение только рукой; он «помогает» себе языком, мышцами лица, движениями корпуса, а иногда и ног. По мере овладения техникой письма эти излишние движения устраняются. Другим проявлением отсутствия навыка является *напряжённость*, сопутствующая первым попыткам выполнить непривычное действие. Когда неумелый человек (в особенности, если он вообще непривычен к тонкой ручной работе) пытается вдеть нитку в иголку, у него можно наблюдать такое напряжение мышц всего тела, что вызываемый им расход энергии не меньше, чем при тяжёлой физической работе. Одним из важнейших моментов формирования навыков является устранение излишних движений и излишнего мышечного напряжения.

Выпадение лишних движений представляет собой результат дифференцировки: движения, не подкрепляемые успешным результатом, постепенно затормаживаются, а движения, приводящие к нужному результату, в ходе повторений всё более закрепляются.

3. Ослабление роли зрительного и увеличение роли двигательного контроля. Неумелый человек, пытаясь работать на пишущей машинке, ищет

глазами каждую букву на клавиатуре; отведя взор от клавиатуры, он не сможет напечатать ни одного слова. В отличие от этого опытная машинистка почти не смотрит на клавиатуру, а машинистки, прошедшие правильную школу, могут работать совсем вслепую. Происходит это потому, что их движения контролируются не зрительными, а двигательными ощущениями. То же имеет место в большинстве двигательных навыков; по мере того как человек овладевает навыком, глаза его всё менее и менее прикованы к движениям, потому что вырабатывается умение тонко контролировать движения с помощью двигательных ощущений.

Один из основных признаков автоматизированности движений заключается в том, что каждое движение непосредственно вызывается двигательным ощущением от предыдущего.

4. Возможность осуществления деятельности разными способами, или приёмами. Овладевая навыками, человек вырабатывает некоторые постоянные, устойчивые, закрепившиеся способы выполнения тех или других действий. Это составляет необходимое условие автоматизации этих способов. Выполняясь всякий раз по-иному, они, конечно, не могли бы выполняться автоматически.

Однако полная неизменность в способах выполнения данной деятельности не является желательной. Подлинное *мастерство* требует гибкого изменения способов выполнения деятельности при изменении задач и условий, в которых она протекает. Хороший *мастер* тем и отличается от человека, только умеющего выполнять данное дело, что он владеет множеством приёмов и может применять любой из них в зависимости от данных обстоятельств. А это значит, что *он владеет не одним, а многими навыками* данной деятельности и, кроме того, владеет *умением гибко пользоваться ими*.

Возьмём самый элементарный пример. Всякий человек владеет навыками ходьбы, но не у всякого человека эти навыки достаточно разнообразны и использование их достаточно гибко. Некоторые люди причиняют немало неприятностей окружающим тем, что не умеют сменить, когда это нужно, тяжёлую походку на лёгкую и бесшумную и в комнате больного ходят таким шагом, который уместен при прохождении церемониальным маршем. Многие люди быстро устают при длинных переходах, потому что идут такой походкой, которая целесообразна только на небольших прогулках. Овладение умением

ходить, составляющее важную задачу физкультурной подготовки, предполагает выработку достаточной гибкости в использовании способов ходьбы.

В качестве другого примера можно взять навыки чтения. Одним из условий хорошего мастерства чтения является владение навыком быстрого чтения; нужно уметь, когда это необходимо, читать возможно более быстро. Бывают, однако, люди, которые не могут читать иначе, как очень быстро. Владея навыком быстрого чтения, они не владеют навыком медленного чтения, а этот навык не менее важен. Например, чтение художественной литературы, как правило, должно быть медленным чтением; в противном случае не может развернуться та работа воссоздающего воображения, без которой, как мы видели, невозможно полноценное восприятие художественного произведения. Не менее вредным оказывается это обстоятельство и при чтении научной литературы. Уметь читать—значит уметь читать по-разному, в зависимости от того, что и зачем читаешь.

Возможность осуществления одной и той же деятельности разными способами, или приёмами, предполагает одно обязательное условие. Вырабатывая автоматизированные способы выполнения действий, человек не должен терять возможности в любой момент, когда это понадобится, осознавать эти способы; он должен сохранять возможность сознательного контроля над ними.

Отсюда ясно, какое огромное значение в образовании навыка имеет вторая сигнальная система в её взаимодействии с первой. Вторая сигнальная система оказывает регулирующее влияние на работу первой сигнальной системы. Применение сигналов второй сигнальной системы (словесные инструкции, указания) может вести к объединению движений, накопленных в прошлом опыте, и тем самым даёт возможность решения новой задачи в изменившихся условиях; словесными сигналами может достигаться также нужное торможение деятельности. Формирование навыка с участием второй сигнальной системы, т. е. использование работы сознания, имеет поэтому важнейшее значение. Мастерство предполагает *умение сознательно пользоваться* автоматизированными операциями и, когда это нужно, *сознательно контролировать их*.

2) Упражнение

Навыки формируются в процессе упражнения, т. е. повторного осуществления данной деятельности с целью усовершенствовать способ её выполнения. Чтобы приобрести стрелковые навыки, надо более или менее длительно упраж-

няться в стрельбе; чтобы приобрести навыки плавания, надо плавать.

Однако не всякое повторное выполнение той же деятельности может быть названо упражнением. Люди с плохим почерком пишут всю свою жизнь — и некоторые из них пишут очень много, — однако почерк их не улучшается от этого; здесь происходит постоянное повторение, но не имеет места упражнение.

Укажем два наиболее существенных условия, без соблюдения которых повторное выполнение деятельности не может стать подлинным упражнением.

1. *Обучающемуся необходимо иметь возможно более ясное знание того, что именно он должен сделать, чего он должен добиться.*

Для получения такого знания в некоторых случаях большую пользу может принести теоретическое ознакомление с данной деятельностью и анализ тех приёмов, которыми она выполняется (объяснения педагога). Ещё большее значение имеет непосредственное наблюдение того, как эта деятельность выполняется хорошим мастером (показ педагога).

Но и тот, и другой способ могут принести действительную пользу лишь в том случае, если обучающийся при попытках самому выполнять данное действие будет стараться возможно отчётливее держать в сознании показанный и объяснённый ему образец.

2. *Обучающийся должен знать результат каждого отдельного упражнения.* После каждого повторного выполнения данного действия он должен отдать себе отчёт в том, чего он достиг, каковы недостатки его выполнения, какие он допустил ошибки, и следующее повторение должно быть направлено на устранение этих недостатков и ошибок. Специальные опыты показывают, что, если обучающийся не знает своих результатов, совершенствование не наступает даже при бесконечно большом числе повторений.

В этом ярко сказывается условно-рефлекторный характер навыков: необходимость *подкрепления* для образования временных связей. Выше отмечалось, что выработка двигательного навыка представляет собой процесс дифференцировки, основанный на торможении *неподкрепляемых* движений, с одной стороны, и упрочении *подкрепляемых* условных связей в двигательном анализаторе, — с другой.

Велика при этом роль второй сигнальной системы: словесные указания на ошибку или указания о правильности выступают в качестве тех тормозных и подкрепляющих раздражителей, которые заменяют непосредственные (безусловные) раздражители.

Важнейшее значение имеют в этом отношении указания педагога, оценивающего достигнутые результаты. Однако следует как можно раньше приучаться к тому, чтобы, исходя из оценок педагога, уметь и самому оценивать свои достижения и недостатки. Только тот может добиться высокого мастерства в какой бы то ни было деятельности, кто научится быть своим собственным критиком. *Умение видеть свои ошибки и недостатки* — важнейшее условие успешного упражнения.

72. ПРИВЫЧКИ

Привычки, так же как и навыки, представляют собой автоматизированные элементы поведения. Отличаются же они от навыков следующим: *навык предполагает лишь умение* совершать автоматизированно, т. е. без специального контроля сознания, те или другие операции, *привычка же связана с тенденцией или потребностью* совершать те или другие автоматизированные акты.

Мы говорим, что у ребёнка имеется навык мыть руки, если он умеет совершать этот процесс достаточно ловко и автоматизированно. Но мы скажем, что у него выработалась привычка мыть руки перед едой, если у него образовалась потребность совершать этот акт, так что, перед тем как сесть за стол, он почти машинально направляется к умывальнику или водопроводной раковине и не должен специально «вспоминать», что перед едой следует вымыть руки.

Всякий навык или полезен, или по крайней мере безразличен; привычки же могут быть как полезными, так и вредными. Навык, т. е. умение, свистеть не может быть сам по себе вредным; наоборот, в известных жизненных ситуациях он может оказаться очень полезным. Привычка свистеть безусловно вредна, выражаясь в том, что человек начинает свистеть непроизвольно, она делает обладателя этой привычки неприятным для окружающих. Такие на первый взгляд «невинные» привычки, как привычка вертеть в руках предметы во время разговора или привычка вставлять в речь

некоторые навязчивые слова («так сказать», «значит», «знаете» и т. д.), являются на самом деле если и не вредными, то всё же неприятными и неудобными чертами. Первая из этих привычек нередко приводит к тому, что при появлении обладателя её знающие его люди начинают спешно прятать со столов всякие хрупкие и ценные предметы. Вторая привычка — вставлять в речь «слова-паразиты» — делает речь человека навязчиво однообразной, а подчас и смешной в самых неподходящих для этого ситуациях.

Один из героев водевиля Чехова «Предложение», помещик Чубуков, имеет привычку вставлять в речь слова: «вот именно», «и тому подобное», «и прочее». Свою радость по поводу приезда жениха, сватающегося к его дочери, он выражает так: «Голубушка моя... Я так рад и прочее... Вот именно и тому подобное... Пойду, позову Наташу и тому подобное...» В горячем споре он выражает своё негодование такими фразами: «Вот именно, молодой человек, я не привык, чтобы со мною разговаривали таким тоном и прочее... Дед ваш пил запоем, а младшая тётушка, вот именно, Настасья Михайловна, бежала с архитектором и прочее...» Суетясь вокруг человека, упавшего в обморок, и делая попытки дать ему воды, он восклицает: «Выпейте!.. Нет, не пьёт... Значит, умер и тому подобное...»

Речь людей, привыкших употреблять такого рода «слова-паразиты», легко может стать столь же комически бессмысленной.

С другой стороны, полезные привычки имеют очень большую ценность в жизни человека. Они ещё больше, чем навыки, освобождают сознание, обеспечивая автоматизацию не только техники выполнения известных необходимых в жизни актов, но и самого факта совершения их. Полезно *уметь* поддерживать порядок на своём рабочем месте, но ещё полезнее *превратить* поддержание этого порядка *в привычку*, в силу которой человек непроизвольно — не думая и не заботясь об этом — кладёт предметы на определённое место. Необходимо иметь гигиенические навыки, т. е. уметь мыть руки, чистить зубы, но этого недостаточно; надо ещё иметь соответствующие привычки, т. е. выработать у себя потребность в совершении этих действий, не быть в силах обходиться без них, не испытывая неприятного чувства.

Замечательный советский педагог А. С. Макаренко писал: «Наша задача не только воспитывать в себе правильное, разумное отношение к вопросам поведения, но ещё и воспитывать правильные привычки, т. е. такие привычки,

когда мы поступали бы правильно вовсе не потому, что сели и подумали, а потому, что иначе мы не можем, потому что мы так привыкли».

Из всего сказанного ясно, какое большое значение имеет *выработка полезных привычек и борьба с дурными, вредными привычками*.

Привычки представляют собой особенно яркий пример образования в коре больших полушарий *динамического стереотипа*. Как мы знаем, для хорошо закреплённого динамического стереотипа характерно то, что вся данная последовательность условных рефлексов может быть воспроизведена лишь по одному «пусковому» сигналу. Так и привычные действия осуществляются «сами собой», автоматически, при наличии определённой ситуации, которая является для них «пусковым» сигналом.

Одно из важных отличий привычек от навыков заключается в том, что навыки вырабатываются, как правило, в результате сознательного упражнения, привычки же очень часто возникают непреднамеренно, без всякого сознательного упражнения. С физиологической стороны это объясняется тем, что образование новых временных связей и систем этих связей, например динамических стереотипов, может совершаться не только в участках с оптимальной возбудимостью, но и в частях полушарий, находящихся в известной степени торможения. О такого рода неосознанном образовании новых временных связей И. П. Павлов писал: «Пусть этот акт тогда не сознаётся, но он произошёл, и при благоприятных условиях может обнаружиться в сознании готовым и представляться как возникший неизвестно как». Действительно, многие привычки представляются человеку возникшими у него «неизвестно как».

Однако из того, что привычки могут образовываться непреднамеренно и без контроля сознания, не следует, что они не могут вырабатываться сознательно. Наоборот, из законов высшей нервной деятельности вытекает, что наиболее быстро и прочно временные связи образуются в участках с оптимальной возбудимостью. Следовательно, *человек всегда может сознательно и преднамеренно выработать у себя желательные привычки и искоренить нежелательные*.

Чтобы сознательно выработать у себя желательную привычку, надо неуклонно, *никогда не отступая от принятого решения,* действовать в определённом направлении.

Ещё строже должно соблюдаться это правило при искоренении нежелательных привычек. Только человек, способный вооружиться бесповоротной решимостью и последовательно проводить её в жизнь, не давая себе никаких поблажек, может научиться *управлять своими привычками,* а следовательно, и управлять своим поведением.

Сознательное воспитание привычек требует сильной воли, но оно же является и лучшим средством воспитания воли.

73. ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Творческой деятельностью в собственном смысле называется, как мы уже говорили, деятельность, дающая новые, оригинальные продукты высокой общественной ценности. Научное исследование или изобретение, создание художественного произведения, нахождение рабочим-стахановцем способа увеличить производительность труда или новатором-колхозником нового приёма повышения урожайности — типичные примеры творческой деятельности.

Процессы творчества могут протекать очень различно, в зависимости от содержания самой деятельности и от индивидуальных особенностей личности и таланта творца. Однако можно указать некоторые моменты, характерные для большинства случаев творческой деятельности.

1) Вдохновение

Первое, что всегда обращает на себя внимание при анализе процесса творчества, — *это то состояние особого напряжения и подъёма всех сил и способностей человека,* которое обозначается словом *вдохновение.* Оно связано обычно с важнейшими, решающими моментами творческой деятельности — с возникновением замысла и идеи произведения, с нахождением решения научной проблемы, принципа изобретения или идеи оперативного плана, с созданием центральных образов художественного произведения и самых проникновенных и волнующих моментов его.

Состояние вдохновения характеризуется прежде всего *полным сосредоточением внимания на предмете творчества* и отвлечением от всего остального.

Один из земляков М. А. Шолохова, товарищ его по рыбной ловле, рассказал такой случай: «Забросив удочки, Шолохов присел на берегу Дона с трубкой в зубах. Он просидел так, не шевелясь, смотря в одну точку, более часа. Напрасно спутник заговаривал с ним, — он не получал ответа. Напряжённая поза, неподвижный, устремлённый в воду взгляд, полное безразличие к окружающему испугали товарища. Он решил следить за каждым шагом Шолохова. Наконец, словно очнувшись от забытья, Шолохов начал собирать снасти и побежал домой. Весь день и всю ночь сидел он затем за столом и писал».

Результатом такого исключительного сосредоточения внимания является *максимальное обострение сознания, максимальная ясность его.* «Вдохновение, — по выражению Пушкина, — есть расположение души к живейшему принятию впечатлений и соображению понятий, следственно, и объяснению оных». Это и является причиной необычайной продуктивности работы в состоянии вдохновения.

Но как раз потому, что сознание целиком сосредоточено на *предмете* творчества, самый *процесс* творчества очень мало осознаётся в состоянии вдохновения. Художник обычно не может ответить на вопрос, как родились в нём самые вдохновенные образы, учёный не может сказать, как пришла ему на ум в минуту «озарения» решающая идея его открытия. В состоянии вдохновения человек менее чем когда-либо способен следить за тем, как протекают у него процессы мышления и воображения. Поэтому в состоянии вдохновения творческие процессы являются мало осознанными. Но это не значит, что самое творчество в состоянии вдохновения является, как иногда думают, «бессознательным». Как раз наоборот. Неосознанность творческих процессов — следствие максимальной сознательности самого творчества.

Вдохновение характеризуется не только сосредоточением внимания на предмете творчества, но и *эмоциональным погружением* в него, глубокой захваченностью теми чувствами, которые возбуждаются предметом творчества.

Относящиеся сюда примеры мы приводили в § 42 и 54. Вдохновение — это *состояние большого эмоционального подъёма,* при котором, однако, сохраняется исключительная ясность сознания.

Одна из важнейших психологических особенностей действительно продуктивного творческого процесса, наиболее ярко проявляющегося в состоянии вдохновения,—*совместная работа воображения и мышления.*

Творчество в равной мере невозможно и без воображения, и без строгой критической мысли. По образному выражению А. Н. Толстого, «в писателе должен действовать одновременно мыслитель, художник и критик».

2) Подготовительные этапы творческого процесса

Нередко бывает, что основные идеи, дающие решение научной проблемы, или центральные моменты художественного произведения создаются в течение сравнительно коротких периодов большого подъёма вдохновения. Но это не значит, что такими «вспышками вдохновения» исчерпывается весь процесс творчества. Кратковременные периоды исключительной творческой продуктивности *всегда представляют собой лишь итог огромной предварительной работы*. Если решение сложнейшей научной проблемы иногда приходит в голову учёного как бы внезапно, без всяких усилий, в самый неожиданный момент — на прогулке, в трамвае, в театре, в постели перед засыпанием или после пробуждения, — то на самом деле, конечно, не этот момент *даёт решение*; он является только *конечной точкой длительного процесса творческой работы*.

Предварительная работа, служащая *подготовкой творческого решения задачи,* заключается в изучении, обдумывании этой задачи и в собирании необходимых материалов. Такая подготовка имеет место не только в работе учёного, но и в работе писателя, художника. Из материалов, которыми пользовался Толстой при написании «Войны и мира», у него, по его собственным словам, «образовалась целая библиотека».

Однако подготовительная работа не сводится только к собиранию материалов специально для осуществления данного замысла. Не меньшее значение имеет то, что можно назвать *собиранием материалов «впрок»*, которое составляет необходимый момент в творческой деятельности и учёного, и художника. Всякий хороший специалист постоянно занят собиранием фактических данных в области своей специальности и обдумыванием, осмысливанием их. Поэтому, сталкиваясь с какой-либо новой проблемой, он располагает уже значительным запасом подготовительного материала, фактов и идей. Возможность давать быстрые решения новых вопросов и является результатом такой *общей подготовки* в определённой области творческой деятельности.

В некоторых специальностях такого рода «подготовка

себя» к решению творческих задач имеет даже большее значение, чем длительная предварительная работа специально над данной проблемой. Так обстоит дело, например, в деятельности военачальника, который нередко лишён возможности длительно изучать и обдумывать встающую перед ним проблему и поэтому должен заранее подготовить себя, свой ум к тому, чтобы быстро давать творческое решение новых, неожиданных, непредвиденных проблем.

В области искусства творческая деятельность совершенно невозможна без «собирания материала впрок». Вспомним приводившиеся нами слова Горького: «Необходимо очень хорошо присмотреться к сотне, другой попов, лавочников, рабочих, для того, чтобы приблизительно верно написать портрет одного рабочего, попа, лавочника». Если бы писатель впервые начинал «присматриваться» к определённой категории людей только тогда, когда он приступает к работе над произведением, ему понадобилось бы несколько лет для создания каждого отдельного образа. Творческая работа художника предполагает наличие достаточно большого *запаса жизненных наблюдений*. В непрерывном пополнении этого запаса и сказывается та *наблюдательность* художника, которая составляет необходимое условие художественного творчества.

Изучая качества ума и волевые качества человека, мы отмечали, что подлинная быстрота мысли, так же как подлинная решительность, не имеет ничего общего с торопливостью. Об отрицательном значении торопливости надо помнить и при анализе творческих процессов. Всякое крупное произведение должно быть *не только тщательно подготовлено, но и «выношено»*. По выражению Алексея Николаевича Толстого, «нетерпеливость нужно сдерживать». Большие деятели искусства и науки умели годами вынашивать свои творческие замыслы и в результате этого создавали действительно значительные произведения.

Очень поучительна с этой точки зрения работа Дарвина над «Происхождением видов».

В 1837 году в его записной книжке впервые появляются отдельные наброски идей, относящихся к теории эволюции. Есть основания думать, что в 1839 году наметились уже общие очертания теории. Однако лишь через три года, в 1842 году, Дарвин набросал на бумаге первый, ещё сравнительно краткий, очерк своей теории. Этот «Очерк 1842 года» содержит уже все основные разделы, все основные идеи «Происхождения видов», но он в 12 раз короче знаменитой книги и имеет характер черновых

неоформленных набросков. Ещё через два года Дарвин пишет уже в четыре раза более подробный и значительно более отделанный «Очерк 1844 года». Прошло, однако, ещё 15 лет, прежде чем Дарвин счёл возможным приступить к написанию самой книги. Эти 15 лет были целиком посвящены дальнейшему собиранию материалов и нахождению новых доказательств основных положений теории. К концу этого периода Дарвин накопил настолько огромный материал черновых заметок, что, по его словам, нужен был целый год, чтобы только просмотреть их и привести в порядок.

Легко понять, что после такой подготовительной работы написание книги могло быть произведено в очень короткий срок: Дарвин начал писать «Происхождение видов» в июле 1858 года, а в апреле 1859 года книга уже стала печататься.

3) Труд и творчество

Творчество есть прежде всего большой, постоянный и напряжённый труд. Только тот может творить, кто умеет работать, кто способен к усидчивому, неутомимому, подчас кропотливому труду, к «страшной работе», как называл Л. Н. Толстой творческую работу писателя. Горький утверждал, что своими успехами он обязан прежде всего «умению работать, любовью к труду».

Основным условием продуктивности творческой деятельности является *постоянство в труде и систематическая, регулярная работа.*

Тот факт, что важнейшие моменты творчества связаны с состоянием вдохновения, может при поверхностном подходе к вопросу создавать такое впечатление, словно творческий труд осуществляется главным образом короткими вспышками и не требует усидчивой и регулярной работы. Это впечатление, однако, глубоко ошибочно. Во-первых, как мы уже видели, богатая творческая продукция в моменты вдохновения создаётся не этими только моментами, но и всей длительной предшествующей работой. Во-вторых, *само состояние вдохновения является по большей части результатом систематической, регулярной работы. Нужно уметь заставлять себя работать регулярно и при отсутствии вдохновения;* лишь при этом условии можно рассчитывать на сколько-нибудь частое появление и самого вдохновения.

Чрезвычайно поучительно познакомиться с отношением к этому вопросу Чайковского, который может служить образцом подлинно вдохновенного художника. «Работать нужно всегда, — писал он, — и настоящий честный артист не может сидеть сложа руки, под предлогом,

что он не расположен. Вдохновение-это такая гостья, которая не любит посещать ленивых. Она является к тем, которые призывают её. Весь секрет в том, что я работал ежедневно и аккуратно. В этом отношении я обладаю над собой железной волей, и когда нет особенной охоты к занятиям, то всегда умею заставить себя превозмочь нерасположение и увлечься. Я положил себе во что бы то ни стало каждое утро что-нибудь сделать и добьюсь благоприятного состояния духа для работы».

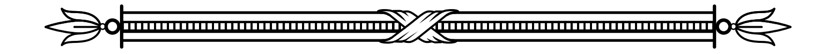
Такое же отношение к творческой работе имел в виду Тургенев, когда писал одному молодому литератору: «Нечего ждать так называемых благодатных минут вдохновения: придёт оно — тем лучше, а нет — всё-таки работайте».

Вдохновение — это состояние, наиболее благоприятное для творческой работы. Но оно само приходит в результате этой работы. «Мне кажется, — писал Горький, что вдохновение ошибочно считают возбудителем работы, вероятно, оно является уже в процессе успешной работы, как следствие её».

Вопросы для повторения

1. Какова связь между мотивами и задачами деятельности?
2. Что называется «высотой мотивации»?
3. Что называется навыком?
4. Каково взаимоотношение между навыками и творчеством?
5. Перечислите важнейшие моменты, характеризующие формирование навыков.
6. Чем отличается подлинное мастерство от простого умения?
7. При каких условиях повторение становится упражнением?
8. Что называется привычкой и в чём её отличие от навыка?
9. Какими признаками характеризуется состояние вдохновения?
10. Какие формы имеют подготовительные этапы творческого процесса в различных видах деятельности?
11. Какие условия способствуют продуктивности творческой работы и, в частности, возникновению состояния вдохновения?

Глава XII

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

74. ПСИХИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА ЛИЧНОСТИ

Психология изучает не только отдельные психические процессы и те своеобразные сочетания их, которые наблюдаются в сложной деятельности человека, но и *психические свойства, характеризующие каждую человеческую личность:* её интересы и склонности, её способности, её темперамент и характер.

Нельзя найти двух людей, совершенно одинаковых по своим психическим свойствам. Каждый человек отличается от других людей рядом особенностей, совокупность которых образует его *индивидуальность*.

Говоря о психических свойствах личности, мы имеем в виду *существенные, более или менее устойчивые, постоянные особенности её*. Всякому человеку случается забыть что-нибудь; но не для всякого человека «забывчивость» является характерной чертой. Всякий человек переживал когда-нибудь раздражённое настроение, но «раздражительность» характерна лишь для некоторых людей.

Психические свойства человека не являются чем-то таким, что человек получает в готовом виде и сохраняет неизменным до конца своих дней. *Психические свойства человека* — его способности, его характер, его интересы и склонности — *вырабатываются, формируются в ходе жизни*. Это особенности более или менее устойчивые, но не неизменные. *Совершенно неизменных свойств в человеческой личности не бывает.* Пока человек живёт, он развивается и, следовательно, так или иначе меняется.

Никакая психическая особенность не может быть врождённой. Человек не рождается на свет, уже имея какие-нибудь

определённые способности или черты характера. *Врождёнными могут быть только некоторые анатомические и физиологические особенности организма,* некоторые особенности нервной системы, органов чувств и — что особенно важно — мозга. Эти анатомо-физиологические особенности, образующие врождённые различия между людьми, называются *задатками*. Задатки имеют важное значение в процессе формирования индивидуальности человека, но они никогда не предопределяют её, т. е. не являются *единственным* и главным условием, от которого эта индивидуальность зависит. Задатки, с точки зрения развития психических особенностей человека, многозначны, т. е. на основе каких-либо определённых задатков могут выработаться различные психические свойства в зависимости от того, как будет протекать жизнь человека.

И. П. Павловым установлено, что существуют значительные индивидуальные различия *типов нервной системы,* или, что то же самое, *типов высшей нервной деятельности.* Различные типы высшей нервной деятельности отличаются друг от друга по следующим трём признакам: 1) *сила* основных нервных процессов — возбуждения и торможения; этот признак характеризует работоспособность клеток коры; 2) *равновесие* между возбуждением и торможением; 3) *подвижность* этих процессов, т. е. способность их быстро сменять друг друга. Это основные свойства нервной системы. Различные типы высшей нервной деятельности отличаются друг от друга различным сочетанием, комбинированием этих свойств.

Тип высшей нервной деятельности есть основная характеристика индивидуальных особенностей нервной системы данного человека.

Являясь врождённой особенностью, тип высшей нервной деятельности не остаётся, однако, неизменным. Он изменяется под влиянием условий жизни и деятельности человека, под влиянием «постоянного воспитания или обучения в самом широком смысле этих слов» *(Павлов).* «И это потому, — пояснял он, — что рядом с указанными выше свойствами нервной системы непрерывно выступает и важнейшее её свойство — высочайшая пластичность». *Пластичность нервной системы,* т. е. способность её изменять свои свойства под влиянием внешних условий, является причиной того, что свойства нервной системы, определяющие её тип, — сила, равновесие и подвижность нервных процессов — не остаются

неизменными на протяжении жизни человека.

Таким образом, следует различать врождённый тип высшей нервной деятельности и тип высшей нервной деятельности, сложившийся в результате условий жизни и, в первую очередь, воспитания.

Индивидуальность человека — его характер, его интересы и способности — всегда в той или иной мере отражает его *биографию*, тот *жизненный путь,* который он прошёл. В преодолении трудностей формируются и закаляются воля и характер, в занятиях определённой деятельностью развиваются соответствующие интересы и способности. Но так как личный жизненный путь человека зависит от *общественных условий,* в которых человек живёт, то и возможность формирования у него тех или других психических свойств зависит от этих общественных условий. «Удастся ли индивиду вроде Рафаэля развить свой талант, — писали Маркс и Энгельс, — это целиком зависит от спроса, который, в свою очередь, зависит от разделения труда и от порожденных им условий просвещения людей». Только социалистический строй создаёт условия для полного и всестороннего развития личности. И действительно, такого огромного расцвета талантов и дарований, как в Советском Союзе, не бывало ещё ни в одной стране и ни в одну эпоху.

Центральное значение для формирования индивидуальности человека, его интересов и склонностей, его характера имеет *мировоззрение*, т. е. система взглядов на все окружающие человека явления природы и общества. Но мировоззрение всякого отдельного человека является отражением в его индивидуальном сознании общественного мировоззрения, общественных идей, теорий, взглядов.

Никогда ещё история человечества не видела такого массового героизма, таких подвигов мужества, такой беззаветной любви к родине, как у советских людей в дни Великой Отечественной войны и в дни мирного труда. Решающим условием для развития всех этих качеств явилось мировоззрение Коммунистической партии, в духе которого росло, воспитывалось и развивалось сознание передового советского человека.

Сознание человека является продуктом общественных условий. Напомним слова Маркса, которые мы приводили ранее. «...Сознание с самого начала есть общественный продукт и остается им, пока вообще существуют люди».

Однако «Общественные идеи и теории бывают различные. Есть старые идеи и теории, отжившие свой век и служащие интересам отживающих сил общества... Бывают новые, передовые идеи и теории, служащие интересам передовых сил общества» *(Сталин)*. Усвоение человеком передового мировоззрения, передовых взглядов и идей не осуществляется автоматически, само собой. Прежде всего оно требует умения отличать эти передовые взгляды от старых, отживших взглядов, которые тянут человека назад и препятствуют полноценному развитию его личности. А кроме того, недостаточно простого «знания» передовых идей и взглядов. Нужно, чтобы они были глубоко «пережиты» человеком, стали его *убеждениями*, от которых зависят мотивы его действий и поступков.

Обусловленные личным жизненным путём человека, его убеждения в свою очередь влияют на ход этого пути, направляя поступки человека, его образ жизни и деятельности.

В детском возрасте решающее значение для формирования психических особенностей человека имеют *воспитание* и *обучение*. По мере того как формируется человеческая личность, всё большее значение приобретает *самовоспитание*, т. е. сознательная работа человека над выработкой своего мировоззрения и своих убеждений, над формированием в себе желательных психических свойств и искоренением нежелательных. Всякий человек в значительной мере является сам творцом своей индивидуальности.

75. ИНТЕРЕСЫ И СКЛОННОСТИ

Первое, что характеризует с психической стороны человека, — это его *интересы* и *склонности*, в которых выражается *направленность личности*.

Самый факт направленности нашего сознания в данный момент на какой-нибудь определённый предмет называется, как мы уже знаем, вниманием. *Под интересами же мы разумеем такое отношение к предмету, которое создаёт тенденцию по преимуществу обращать внимание на него.* Если мы, характеризуя человека, отмечаем у него «интерес к театру», то под этим мы разумеем, что он стремится возможно чаще бывать в театре, читает книги о театре, не пропускает в газетах сообщений, заметок и статей, касающихся театра, что, участвуя в разговоре или слушая радиопередачи, он обращает внимание на всё, так или иначе относящееся к театру,

что, наконец, мысли его часто направлены к театру.

Между понятиями «интерес» и «склонность» имеется некоторое различие. Под *интересом* разумеется направленность на определённый *предмет*, под *склонностью* же — направленность на занятие определённой *деятельностью*. Интерес — это тенденция к ознакомлению с каким-нибудь предметом, к изучению его, стремление воспринимать его, думать о нём. Склонность — это тенденция заниматься какой-нибудь определённой деятельностью.

Часто интерес к предмету бывает связан со склонностью к соответствующей деятельности. Интерес к шахматам почти всегда возникает вместе со склонностью играть в шахматы. Но интерес может существовать независимо от склонности. Далеко не все люди, интересующиеся театром, имеют склонность к театральной деятельности. Можно иметь живой и устойчивый интерес к истории и никакой склонности к деятельности историка.

В основе возникновения интересов и склонностей лежат потребности. Однако не всякая потребность порождает устойчивый интерес, характеризующий направленность человека. Потребность в пище является одной из основных потребностей всякого человека. Когда эта потребность не находит достаточного удовлетворения, т. е. когда человек голоден, у него возникает «интерес к еде»; его помыслы сосредоточиваются на еде. Но такой «интерес» имеет временный характер и проходит, как только человек насытится; в нём не выражается устойчивая направленность данного человека, он не является характерной чертой личности.

Интересы являются важнейшей побудительной силой к приобретению знаний, к расширению кругозора человека, к обогащению содержания его психической жизни. Отсутствие интересов или бедность, незначительность их делают жизнь человека серой и бессодержательной. Для такого человека самое характерное переживание — скука. Он постоянно нуждается в том, чтобы что-нибудь внешнее развлекало, забавляло его. Предоставленный самому себе, такой человек неизбежно начинает скучать, потому что нет такого предмета, такого дела, которое само по себе, независимо от внешней развлекательности, привлекало бы его, заполняло бы его мысли, зажигало бы его чувства. Человек с богатыми и глубокими интересами не знает скуки.

Характеризуя направленность человека, мы прежде всего

обращаем внимание на *содержательность и широту его интересов*.

Если направленность человека ограничена одним лишь изолированным интересом, не имеющим опоры ни в мировоззрении, ни в подлинной любви к жизни во всём богатстве её проявлений, то как бы ни был значителен сам по себе предмет этого интереса, невозможно ни нормальное развитие, ни полноценная жизнь личности.

Полноценное развитие личности предполагает большую широту интересов, без которой невозможно богатое содержание душевной жизни. Поражающее нас обилие знаний, отличающее многих выдающихся людей, имеет в основе своей такую широту интересов.

Когда дочери попросили Маркса указать его любимое изречение, он написал старинную латинскую поговорку: «Ничто человеческое мне не чуждо».

А. М. Горький в своих беседах с молодыми литераторами неустанно призывал к расширению круга интересов и знаний. «В мире нашем, — говорил он, — не существует ничего, что не было бы поучительно». «Недавно, — рассказывал Горький, — один начинающий литератор написал мне: «Я вовсе не должен знать всё, да и никто не знает всего». Полагаю, что из этого литератора не выработается ничего путного. Человек, который ещё в молодые годы ставит пределы своим интересам и своей любознательности, который заранее говорит себе: «Я вовсе не должен знать всё», — такой человек, по мнению Горького, не может достигнуть ничего значительного.

Широта интересов не исключает, однако, наличия какого-либо одного главного, *центрального интереса*. Мало того, разнообразие интересов только в том случае является ценным качеством личности, если эти интересы объединены некоторым основным жизненным стержнем.

В тех же ответах своим дочерям, где Маркс в качестве своего любимого изречения написал призыв к безграничной отзывчивости на все человеческие интересы, он назвал своей отличительной чертой единство цели. И действительно, вся жизнь его была направлена к достижению единой цели — освобождению рабочего класса.

М. И. Калинин, говоря о жизненном пути И. В. Сталина, отмечал единую линию всей жизни и деятельности великого вождя: «Семнадцатилетний юноша поставил задачей своей жизни освобождение угнетённых от цепей капитализма,

от всех видов угнетения. И этой идее он отдался без остатка. Вся его дальнейшая жизнь была подчинена этой идее, и только ей». Величайшим образцом сознательной целеустремлённости могут служить слова И. В. Сталина: «Если бы каждый шаг в моей работе по возвышению рабочего класса и укреплению социалистического государства этого класса не был направлен на то, чтобы укреплять и улучшать положение рабочего класса, то я считал бы свою жизнь бесцельной».

Единство жизненной цели, находящее своё выражение в центральном жизненном интересе, составляет тот стержень, вокруг которого группируются все прочие интересы человека.

Интересоваться надо всем — по крайней мере, многим,— но чем-нибудь одним особенно.

Суворов может служить примером человека с исключительно широким кругом интересов, подчинённых, однако, одному резко выраженному центральному интересу. С самых ранних лет обнаружились у него интерес и склонность к военному делу, превратившиеся в подлинную страсть. Подростком, находясь ещё в деревне, в отцовском доме, он подчинил всю свою жизнь подготовке к военной деятельности; прочёл все доступные ему книги по военной истории и технике, проводил большую часть времени в решении тактических задач, приучал свой организм к перенесению тягот и лишений боевой жизни. И в течение всей жизни, целиком посвящённой военной работе, Суворов никогда не упускал случая обогатить свои познания в любой из военных специальностей; в 60 лет он специально занялся изучением морского дела и сдал экзамен на мичмана.

Но наряду с этим Суворов интересовался буквально всеми областями знаний, всё свободное время до старости читал и учился и в результате этого был одним из образованнейших людей своего времени. Он хорошо знал математику, географию, философию, историю. Много времени уделял он изучению языков. Он знал языки: немецкий, французский, итальянский, польский, финский, турецкий, арабский, персидский. Особенно большое место в кругу его интересов занимала художественная литература. Он не только постоянно читал произведения лучших писателей и внимательно следил за текущей литературой, но и сам писал стихи. Исключительная широта интересов и безграничная любознательность принадлежали к числу самых характерных черт великого русского полководца.

Не менее важное значение имеет *устойчивость* интересов. Бывают люди, интересующиеся самыми разнообразными предметами, но ненадолго, один интерес быстро сменяется у них другим. У некоторых людей эти скоропроходящие интересы являются очень сильными и эмоционально

захватывающими; таких людей называют обычно людьми «увлекающимися». Становясь постоянной и характерной чертой человека, непостоянство и неустойчивость интересов превращаются в недостаток. Человек, не способный иметь устойчивые интересы, не может достичь значительного успеха ни в какой сфере деятельности.

У интересов имеется ещё одна особенность — это их *действенность*, или *сила*.

Интерес может иметь пассивный характер, выражаясь лишь в том, что человек охотно останавливает своё внимание на каком-нибудь предмете, если этот предмет попадает в поле его зрения. Такого рода интерес достаточен для того, чтобы ученик внимательно слушал на уроке рассказ учителя и охотно, даже «с удовольствием» готовил урок по данному предмету, но он не может побудить ученика активно, по собственной инициативе искать источников для расширения знаний в данной области. Крайняя степень пассивности интереса выражается в том, что человек по отношению к интересующему его предмету ограничивается одними намерениями заняться им: «обязательно надо будет начать читать исторические книги», «хорошо было бы сходить в музей». У некоторых людей такого рода намерения остаются навсегда нереализованными, несмотря на отсутствие каких бы то ни было внешних препятствий.

В отличие от этого подлинно действенный интерес побуждает человека активно искать ему удовлетворения и становится сильнейшим мотивом деятельности. Движимый таким интересом человек может преодолеть всякие препятствия и идти на любые жертвы.

Интерес к военному делу, достигший у Суворова исключительной действенной силы ещё в детские годы, победил и физическую слабость организма, и категорическое нежелание отца готовить мальчика к военной службе, и отсутствие какой бы то ни было помощи в изучении военного искусства. Жизнь Ломоносова представляет собой сплошной подвиг, главной движущей силой которого были необычайной силы интерес и любовь к науке.

76. СПОСОБНОСТИ И ОДАРЁННОСТЬ

Способностями называют такие психические свойства, которые являются условиями успешного выполнения какой-либо одной или нескольких деятельностей.

Способностью мы называем, например, наблюдательность, которая имеет большое значение в деятельности писателя, учёного, педагога. Способностями мы называем зрительную память, имеющую прямое отношение к работе художника-живописца; эмоциональную память и эмоциональное воображение, играющие большую роль в творчестве писателя; техническое воображение, необходимое в деятельности инженера или техника; музыкальный слух. Способностями мы можем назвать те качества ума, которые составляют условие успешного выполнения многих видов деятельности.

Совокупность тех задатков, которые составляют природную предпосылку развития способностей, называется одарённостью.

Важнейшее значение среди задатков имеют те признаки, которые лежат в основе различия типов высшей нервной деятельности: сила, равновесие и подвижность процессов возбуждения и торможения. Поэтому одарённость человека теснейшим образом связана с его врождённым типом высшей нервной деятельности.

Однако, как указывалось ранее, врождённый тип нервной деятельности не остаётся неизменным, а в ходе жизни развивается, меняется, вследствие чего нужно различать врождённый тип высшей нервной деятельности и тип высшей нервной деятельности, сложившийся в условиях жизни. *Свойства нервных процессов, характеризующие сложившийся в результате развития тип нервной деятельности, имеют важнейшее значение для понимания физиологической основы способностей.* От силы, равновесия и подвижности процессов возбуждения и торможения зависит быстрота и прочность образования разного рода систем временных связей. Следовательно, эти свойства нервных процессов имеют важнейшее значение для успешности выполнения человеком той или иной деятельности.

Успешность выполнения человеком какой-либо деятельности зависит не только от его способностей. Прежде всего и больше всего она зависит от наличия у него соответствующих знаний, умений, навыков, т. е. от того, какие выработаны у него системы временных связей. Отсюда ясно значение обучения для пригодности человека к занятию тем или иным делом.

Но и сами *способности*, как сказано выше, хотя и зависят от природных задатков, *являются всегда результатом*

развития. Развитие способностей осуществляется в процессе той самой деятельности, для которой эти способности необходимы, и прежде всего в процессе обучения этой деятельности. В процессе обучения, во-первых, вырабатываются новые системы временных связей, т. е. образуются новые знания, умения, навыки; во-вторых, совершенствуются основные свойства нервных процессов, т. е. развиваются соответствующие способности. При этом второй процесс — развитие способностей — происходит значительно медленнее, чем первый — образование знаний и умений.

Одним из характерных признаков хороших задатков к развитию какой-нибудь способности является раннее и притом самостоятельное, т. е. не требующее специальных педагогических мероприятий, проявление этой способности. Известно, что некоторые дети задолго до начала систематического обучения рисованию или музыке обращают на себя внимание своими способностями к этим предметам. Так, например, у Римского-Корсакова музыкальный слух ярко проявился уже к четырём годам. Способности к изобразительной деятельности начали проявляться у Репина, Сурикова, Серова в возрасте 3—4 лет.

В таких случаях часто говорят о «врождённых», или «природных», способностях. Однако и в этих случаях врождёнными могут быть только задатки, т. е. некоторые анатомо-физиологические особенности, благоприятствующие развитию способностей. Даже и самые способные в музыкальном отношении дети должны *научиться* правильно петь или узнавать мелодии; даже и самые одарённые к рисованию дети должны *научиться* рисовать. Особенность этих детей заключается лишь в том, что процесс этого научения происходит у них в столь раннем возрасте, так быстро и легко, в большинстве случаев в ходе игры, что ускользает от внимания родителей и педагогов.

Однако далеко не всегда можно наблюдать столь раннее проявление способностей и одарённости. Очень часто они впервые начинают проявляться сравнительно поздно, но в дальнейшем достигают исключительно высокого развития. В этих случаях развитие способностей становится возможным только в результате планомерного изучения данной деятельности и систематического занятия ею. Поэтому отсутствие раннего проявления какой-нибудь способности никогда не должно служить основанием для заключения

об отсутствии задатков для этой способности; достоверно судить об одарённости можно лишь по результатам обучения.

Не следует смешивать одарённость к какой-нибудь деятельности с *мастерством* в этой деятельности. Одарённость есть природные предпосылки способностей; мастерство же есть совокупность знаний, умений и навыков, т. е. сложнейших систем временных связей, возникающих в мозгу в ходе жизни как результат обучения в широком смысле слова. И способности — это не то же самое, что знание, умение, навыки. О многих начинающих писателях можно сказать, что они обнаруживают большие способности, но о них ещё нельзя сказать, что они обладают большим писательским мастерством.

Проводя различие между одарённостью, способностями и мастерством, мы должны в то же время подчеркнуть теснейшую связь между ними. От одарённости зависит развитие способностей и вместе с тем лёгкость и быстрота приобретения мастерства. Приобретение мастерства в свою очередь содействует дальнейшему развитию способностей, тогда как отсутствие необходимых знаний и умений тормозит развитие соответствующих способностей.

Никакая отдельная способность не может обеспечить успешное выполнение деятельности. Одна только наблюдательность, как бы она ни была совершенна, или одно лишь эмоциональное воображение, как бы сильно оно ни было, не делают ещё хорошего писателя. Наличие самого прекрасного музыкального слуха не говорит ещё о том, что обладатель его может стать хорошим музыкантом, так же как наличие одного лишь технического воображения не говорит ещё о том, что человек может стать хорошим инженером- конструктором. *Успешность выполнения любой деятельности зависит всегда от целого ряда способностей.* Так, например, для работы писателя первостепенное значение имеют и наблюдательность, и образная память, и целый ряд качеств ума, и способности, связанные с письменной речью, и способность к сильному сосредоточению внимания, и целый ряд других способностей.

То своеобразное сочетание способностей, которое обеспечивает возможность творческого выполнения какой-либо деятельности, называется талантом к данной деятельности.

Если наличие одной ярко выраженной способности ещё не говорит о высокой одарённости в данной области, то и слабость какой-либо одной способности никогда не может быть

основанием, чтобы признать себя непригодным для данной деятельности. Можно сделаться большим писателем, имея в юности плохую словесную память, или большим художником, имея плохую зрительную память. Если другие способности, требующиеся для данной деятельности, достаточно ярко выражены, то человек получает возможность много и относительно успешно заниматься этой деятельностью, а этим создаются благоприятные условия и для развития отстающей способности. В результате она может «выравняться» настолько, что не останется никаких следов первоначальной её слабости.

Очень сильная, действенная и устойчивая склонность к какому-нибудь делу, склонность, становящаяся подлинной любовью к этому делу обычно говорит о наличии важнейших способностей, связанных с этим делом. В то же время такая любовь к делу сама является важнейшим фактором развития таланта. «Талант развивается из чувства любви к делу, — писал Горький,— возможно даже, что талант — в сущности его — и есть только любовь к делу, к процессу работы». Эти слова не надо, конечно, понимать в буквальном смысле — талант включает в себя многое другое, кроме любви к делу, — но в них выражена очень глубокая и верная мысль. При отсутствии некоторого основного ядра способностей большая, страстная любовь к делу и не может возникнуть, а если она возникла, человек всегда сумеет победить свои слабые стороны — «подогнать» отстающие способности и добиться полноценного развития своего таланта.

Очень поучительна с этой стороны биография величайшего из ораторов древности, Демосфена.

В юном возрасте ему довелось услышать выступление одного выдающегося оратора. Он был потрясён тем, какое огромное воздействие на людей может оказывать искусство красноречия, и решил во что бы то ни стало добиться в нём успеха. После тщательной подготовки под руководством лучших учителей он сделал попытки выступать публично, но потерпел полную неудачу и был осмеян народом. Он понял, что неудача эта совершенно законна и что он имеет ряд недопустимых для оратора недостатков слабый голос, неправильное произношение, короткое дыхание, заставляющее его делать частые паузы, нарушающие смысл фраз, неловкость движений, запутанное построение речи и т. д. Для большинства людей этого было бы достаточно, чтобы признать себя неспособным к ораторской деятельности и отказаться от первоначальных намерений. Иначе поступил Демосфен. С беспримерной энергией и упорством принялся он за преодоление своих недостатков. Чтобы усилить

свой голос и добиться более глубокого дыхания, он упражнялся в произнесении длинных речей на бегу или при восхождении на гору. Чтобы устранить недостатки произношения, он брал в рот мелкие камешки и добивался того, чтобы и при этом условии речь его была чистой и внятной. Он устроил себе специальное подземелье, в котором наедине и подолгу мог заниматься упражнениями в ораторском деле. Иногда он оставался в этом подземелье по два-три месяца; чтобы не позволить себе выйти оттуда, он сбривал волосы с половины головы, придавая себе такой вид, который не давал возможности показаться на людях.

Страстная любовь к делу, вера в свой талант и исключительная сила воли дали возможность Демосфену преодолеть недостаточность целого ряда важнейших способностей. Имя его окружено славой одного из величайших ораторов всех времён.

Одной из важнейших особенностей психики человека является возможность очень широкой *компенсации* одних свойств другими, так что недостающая способность может быть в очень широких пределах замещена другими, высоко развитыми у данного человека. Иначе говоря, в основе одинаково успешного выполнения одной и той же деятельности могут лежать совершенно различные сочетания способностей. Это обстоятельство открывает действительно беспредельные возможности развития человека.

Ярким примером может служить жизнь слепоглухонемой Ольги Скороходовой. Она лишилась зрения и слуха в том возрасте, когда это приводит к таким же последствиям, как и врождённая слепоглухота: она потеряла и речь. Таким образом, она была лишена не только основных путей восприятия внешнего мира, но и нормальных способов общения с людьми. Дальнейшая жизнь Скороходовой является замечательным примером того, какие условия для беспредельного развития талантов и способностей созданы у нас, в Советском Союзе. Спустя несколько лет после потери ею зрения и слуха она была помещена в специальную клинику; она не только научилась говорить, читать и писать, но и стала высокоразвитым человеком, активной комсомолкой, ведущей общественную работу. Мало того, Скороходова проявила себя как поэт и как научный работник. Перу Скороходовой принадлежит одна научная книга, представляющая выдающийся интерес, ряд очерков и стихотворений.

У Скороходовой имеются несомненные литературные способности при отсутствии таких, казалось бы, необходимых предпосылок для этого, как зрение и слух. Литературные способности Оли Скороходовой высоко ценил Горький, в течение нескольких лет переписывавшийся с ней. Вот отрывки из стихотворения Скороходовой, в котором она отвечает на вопрос о том, как возможно писать стихи тому, кто не видит и не слышит:

Думают иные — те, кто звуки слышат,
Те, кто видят солнце, звёзды и луну:

—Как она без зренья красоту опишет,
Как поймёт без слуха звуки и весну!?

Я услышу запах и росы прохладу,
Лёгкий шелест листьев пальцами ловлю,
Утопая в сумрак, я пройду по саду,
И мечтать готова, и сказать люблю...

Я умом увижу, чувствами услышу,
А мечтой привольной мир я облечу...
Каждый ли из зрячих красоту опишет,
Улыбнётся ль ясно яркому лучу?

Не имею слуха, не имею зренья,
Но имею больше — чувств живых простор:
Гибким и послушным, жгучим вдохновеньем
Я соткала жизни красочный узор...

Замечательное развитие литературных способностей Скороходовой является следствием, с одной стороны, той заботы о человеке, которую проявляет партия и Советское правительство, а с другой стороны, неустанной работы над собой самой Скороходовой и её страстной любви к поэзии. «Поэзия—душа моя»,—пишет она в одной из своих статей. Страстная любовь к делу и неустанный труд дали возможность Скороходовой возместить отсутствующие у неё способности другими и добиться полноценного развития своей одарённости.

Из всего сказанного следует, что недостаток одной какой-либо частной способности никогда не должен останавливать человека, если склонности, интересы и другие способности серьёзно побуждают его заняться данной деятельностью.

Разбирая вопрос о творческой деятельности, мы видели, что творчество — это всегда большой и напряжённый труд. Но чем одарённее, чем талантливее человек, тем больше творчества вносит он в свой труд и тем, следовательно, напряжённее должен быть этот труд. Поэтому следует решительно отвергнуть возникший в условиях эксплуататорского строя предрассудок, согласно которому хорошие способности якобы избавляют человека от необходимости трудиться, талант якобы заменяет труд. В противоположность этому мы можем сказать, что талант — это «любовь к самому процессу работы», любовь к труду. Склонность и способность к труду — важнейшие слагаемые подлинной талантливости.

Творческое отношение к труду, ставшее характерной чертой передового советского человека, является одним

из важнейших условий массового расцвета дарований в СССР. У нас всякий труд становится творческим трудом, и благодаря этому во всех видах деятельности мы можем наблюдать проявления высокой одарённости, таланта.

Чтобы сознательно строить свою жизнь, очень важно уметь правильно оценивать свои способности. Но внимание должно быть направлено вовсе не на то, *как велики* мои способности, *как высока* моя одарённость к той или другой деятельности, а на то, *к чему я* более одарён, *какие* способности у меня ярче проявляются. Высота одарённости обнаруживается лишь по результатам жизненного дела человека, а знать эти результаты заранее нельзя. Характер же и направление одарённости проявляются раньше: в устойчивых интересах и склонностях, в сравнительной успешности осуществления разных видов деятельности, в сравнительной лёгкости усвоения разных предметов.

Известный русский писатель Сергей Тимофеевич Аксаков первую свою книгу написал, когда ему было 56 лет, а произведения, в которых в полной мере развернулся его литературный талант, — «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова внука»—написаны им в возрасте 65—67 лет. Кто бы мог в молодые годы предсказать высоту его одарённости? Но характер его способностей обнаружился очень рано: ещё в детские годы он отличался незаурядной наблюдательностью, страстной и устойчивой любовью к литературе, склонностью к литературным занятиям.

Важное значение для вопроса об одарённости и способностях имеет указание И. П. Павлова о специально человеческих типах высшей нервной деятельности: относительное преобладание первой или второй сигнальной системы в отдельных проявлениях высшей нервной деятельности человека дало основание И. П. Павлову выделить «художественный» и «мыслительный» типы. Особенности взаимодействия двух сигнальных систем наиболее резко обнаруживаются у крайних представителей этих типов. «Художественный» тип характеризуется повышенной чуткостью к возбуждениям через первую сигнальную систему: богатство и яркость непосредственных впечатлений, доставляемых органами чувств, отличает представителей этого типа. Наоборот, для «мыслительного» типа характерны способность и склонность к абстрактному мышлению. Как уже отмечалось при изложении вопроса о типах памяти, многие люди должны быть отнесены к среднему типу,

гармонически сочетающему в себе действие обеих сигнальных систем.

То своеобразие одарённости, которое отличает каждого человека, является залогом ценности человека для общества. Не бывает людей ни к чему не способных. Каждый человек имеет определённую, характерную для него одарённость, обеспечивающую возможность успешного осуществления определённых видов деятельности. Широта интересов и забота о всестороннем развитии способностей — самые важные условия для того, чтобы эта одарённость могла проявиться возможно раньше и определённее.

У нас в Советском Союзе молодёжи предоставлены широчайшие возможности и для получения образования, и для выбора специальности согласно склонностям и способностям. Наша жизнь открывает перед каждым человеком необозримые перспективы для применения его сил и способностей. При этих условиях теряет смысл разделение людей на «способных» и «неспособных». Справедливо говорил Николай Островский: «У нас не талантливы только лентяи. Они не хотят быть ими. А из ничего не рождается ничего, под лежачий камень вода не течёт».

Но тем больший смысл приобретает у нас вопрос: к чему более всего способен данный человек, каковы его способности и его одарённость?

77. ТЕМПЕРАМЕНТ

Ещё со времён древности принято различать четыре основных темперамента: холерический, сангвинический, меланхолический и флегматический.

Темпераментом называются индивидуальные особенности человека, выражающиеся: 1) в эмоциональной возбудимости (быстрота возникновения чувств и сила их), 2) в большей или меньшей тенденции к сильному выражению чувств вовне (в движениях, речи, мимике и т.д.), 3) в быстроте движений, общей подвижности человека.

Холерический темперамент характеризуется быстро возникающими и сильными чувствами, *сангвинический* — быстро возникающими, но слабыми чувствами, *меланхолический* — медленно возникающими, но сильными чувствами, *флегматический* — медленно возникающими и слабыми чувствами. Для *холерического* и *сангвинического* темпераментов характерны, кроме того:

1) быстрота движений, общая подвижность и 2) тенденция к сильному выражению чувств вовне. Для *меланхолического* и *флегматического* темпераментов, наоборот, характерны: 1) медленность движений и 2) слабое выражение чувств.

Типичных представителей каждого из темпераментов можно охарактеризовать следующим образом.

Холерик — человек быстрый, иногда порывистый, с сильными, быстро загорающимися чувствами, ярко отражающимися в речи, мимике, жестах; нередко — вспыльчивый, склонный к бурным эмоциональным вспышкам.

Сангвиник — человек быстрый, подвижный, дающий эмоциональный отклик на все впечатления; чувства его непосредственно отражаются во внешнем поведении, но они не сильны и легко сменяются.

Меланхолик — человек, отличающийся сравнительно малым разнообразием эмоциональных переживаний, но большой силой и длительностью их; он откликается далеко не на всё, но когда откликается, то переживает сильно, хотя мало выражает вовне свои чувства.

Флегматик — человек медлительный, уравновешенный и спокойный, которого нелегко эмоционально задеть и невозможно вывести из себя; чувства его почти никак не проявляются вовне.

Характерными представителями четырёх темпераментов могут служить четыре действующих лица романа Тургенева «Накануне»: Инсаров (холерический темперамент), Шубин (сангвинический), Берсенев (меланхолический), Увар Иванович (флегматический). Яркие представители холерического темперамента—старый князь Болконский («Война и мир») и Чертопханов, герой двух рассказов из «Записок охотника» Тургенева («Чертопханов и Недопюскин» и «Конец Чертопханова»). Законченный тип сангвиника — Степан Аркадьевич Облонский («Анна Каренина»),

Контраст между сангвиническим и флегматическим темпераментами ярко показан Гоголем в образах Кочкарёва и Подколёсина («Женитьба»). Контраст между сангвиническим и меланхолическим темпераментами отчётливо выступает при сопоставлении двух женских образов в «Войне и мире»: Лизы, жены князя Андрея («маленькая княгиня»), и княжны Марьи.

Характерные черты темпераментов объясняются теми свойствами высшей нервной деятельности, которые кладутся в основу деления типов высшей нервной деятельности: 1) силой нервных процессов, 2) уравновешенностью или неуравновешенностью процессов возбуждения и торможения,

3) подвижностью нервных процессов. Так, например, вспыльчивость холерика, его склонность к бурным аффективным вспышкам объясняется отсутствием равновесия между процессами возбуждения и торможения, преобладанием возбуждения над торможением. Такой тип нервной системы называется «возбудимым», или «безудержным», типом. Различие между эмоциональной живостью и общей подвижностью сангвиника, с одной стороны, и эмоциональной невозмутимостью и общей медлительностью флегматика — с другой, объясняется различиями в степени подвижности нервных процессов.

Мы знаем, что тип нервной системы не является чем-то совершенно неизменным. Не является неизменным и темперамент. Нередко темперамент меняется с возрастом; он может изменяться и «под влиянием жизненного воспитания». Но во всяком случае темперамент — достаточно устойчивое свойство, относящееся к числу характерных психических свойств личности.

Было бы ошибкой думать, что всех людей можно распределить по четырём основным темпераментам. Лишь немногие являются чистыми представителями типов холерика, сангвиника, меланхолика или флегматика; у большинства же мы наблюдаем сочетание отдельных черт одного темперамента с некоторыми чертами другого. Один и тот же человек в разных ситуациях и по отношению к разным сферам жизни и деятельности может обнаруживать черты разных темпераментов.

Так, например, у Пьера Безухова («Война и мир») в большинстве обыдённых житейских проявлений бросаются в глаза черты флегматического темперамента: медлительность, добродушное спокойствие, невозмутимость. Но в редких, чрезвычайных обстоятельствах он обнаруживает типичную для холерика вспыльчивость и не только даёт бурные эмоциональные вспышки, но и совершает под влиянием их экстраординарные поступки. В то же время мы можем заметить у него черты, характерные для меланхолического темперамента: медленно возникающие, но сильные, устойчивые и почти не выявляющиеся вовне чувства.

Каждый из темпераментов имеет свои положительные и отрицательные стороны. Страстность, активность, энергия холерика, подвижность, живость и отзывчивость сангвиника, глубина и устойчивость чувств меланхолика, спокойствие и отсутствие торопливости флегматика — вот примеры тех ценных свойств личности, наклонность к которым

связана с отдельными темпераментами. Но не всякий холерик энергичен и не всякий сангвиник отзывчив. Эти свойства надо выработать в себе, а темперамент лишь облегчает или затрудняет эту задачу. Холерику легче, чем флегматику, выработать у себя быстроту и энергию действия, тогда как флегматику легче выработать выдержку и хладнокровие.

Чтобы использовать ценные стороны своего темперамента, человек должен научиться *владеть* им, подчинять его себе. Если же, наоборот, темперамент будет владеть человеком, управлять его поведением, то при любом из темпераментов возникает опасность развития нежелательных черт личности. Холерический темперамент может сделать человека несдержанным, резким, склонным к постоянным «взрывам». Сангвинический темперамент может привести человека к легкомыслию, склонности разбрасываться, недостаточной глубине и устойчивости чувств. При меланхолическом темпераменте у человека может выработаться чрезмерная замкнутость, наклонность целиком погружаться в собственные переживания, излишняя застенчивость. Флегматический темперамент может сделать человека вялым, инертным, зачастую безучастным ко всем впечатлениям жизни.

Осознание положительных и отрицательных сторон своего темперамента и выработка умения владеть и управлять ими составляют одну из важнейших задач воспитания характера человека.

78. ХАРАКТЕР

Словом «характер» обозначается совокупность стержневых психических свойств человека, накладывающих отпечаток на все его действия и поступки, тех свойств, от которых прежде всего зависит, как ведёт себя человек в различных жизненных ситуациях. Зная характер человека, мы можем предвидеть, как он поступит в таких-то обстоятельствах и чего следует ждать от него. Если же индивидуальность человека лишена внутренней определённости, если его поступки зависят не столько от него самого, сколько от внешних обстоятельств, мы говорим о «бесхарактерном» человеке.

Психические свойства личности, из которых слагается характер и которые позволяют с известной вероятностью

предугадать поведение человека при определенных условиях, называются *чертами характера*. Мужество, честность, инициативность, трудолюбие, добросовестность, трусость, лень, скрытность — примеры различных черт характера. Считая, что один человек обладает мужеством, а другому свойственна трусость, мы тем самым говорим, что следует ожидать от того и другого при столкновении с опасностью. Указывая на инициативность человека, мы хотим этим сказать, какое отношение к новому делу следует ожидать от него.

Темперамент сам по себе не может быть плохим или хорошим; может быть лишь хорошее или плохое умение владеть своим темпераментом, использовать его. В отношении же к характеру мы постоянно пользуемся выражением «хороший характер», «плохой характер». Это показывает, что словом «характер» мы обозначаем те особенности человека, которые непосредственно отражаются в его поведении, от которых зависят его поступки, которые поэтому имеют прямое жизненное значение. Многие из черт характера мы всегда оцениваем как положительные — мужество, честность, добросовестность, скромность, другие — как отрицательные — трусость, лживость, безответственность, хвастовство и т. д.

Характер проявляется как в целях, которые человек себе ставит, так и в средствах или способах, которыми он эти цели осуществляет. Личность человека, по словам Энгельса, характеризуется не только тем, *что* он делает, но и тем, *как* он это делает.

Два человека могут выполнять одно и то же дело и преследовать при этом одну и ту же цель. Но один будет работать с энтузиазмом, гореть» тем, что он делает, тогда как другой будет работать добросовестно, но равнодушно, руководствуясь лишь холодным сознанием долга. И это различие в том, *как* два человека выполняют одно и то же дело, нередко имеет глубокое характерологическое значение, отражая устойчивые особенности индивидуальности этих двух людей.

Характер человека прежде всего определяется его *отношением* к миру, к другим людям, к своему делу и, наконец, к самому себе. Это отношение находит своё сознательное выражение в мировоззрении человека, в его убеждениях и взглядах и переживается человеком в его чувствах.

Отсюда понятна тесная связь характера с мировоззрением и убеждениями человека. Из твёрдых убеждений рождается ясность целей, которые человек себе ставит, а ясность целей является необходимым условием последовательности действий.

Люди без твёрдых убеждений никогда не могут иметь и твёрдого характера; их поведение будет определяться главным образом внешними обстоятельствами и случайными влияниями. Яркую характеристику таких людей дал И. В. Сталин: «Есть люди, о которых не скажешь, кто он такой, то ли он хорош, то ли он плох, то ли мужественен, то ли трусоват, то ли он за народ до конца, то ли он за врагов народа… о людях такого неопределённого, неоформленного типа довольно метко сказал великий русский писатель Гоголь: «Люди, говорит, неопределённые, ни то, ни сё, не поймёшь, что за люди, ни в городе Богдан, ни в селе Селифан». О таких неопределённых людях и деятелях также довольно метко говорится у нас в народе: «так себе человек — ни рыба, ни мясо», «ни богу свечка, ни чёрту кочерга».

Характер связан со всеми сторонами психической жизни. Чертами характера могут быть индивидуальные особенности и познавательных процессов, и чувств, и воли, если только они приобретают существенное значение в психическом складе данного человека, если они влияют на его линию поведения, определяют свойственный ему способ действия.

Такие признаки, как наблюдательность или критичность ума, нередко бывают не просто особенностями процессов восприятия или мышления у данного человека, а существенными чертами его личности. Критичность ума Онегина или Андрея Болконского, несомненно, является чертой характера.

Ещё более очевидно, что чертами характера могут быть индивидуальные особенности в области чувств. Сентиментальность Манилова, быстрая притупляемость чувств Онегина и Печорина — всё это ярко выраженные черты характера.

Однако преобладающее значение в характере имеют особенности воли, как той стороны психики, которая непосредственно выражается в действиях и поступках. Все волевые качества, которые мы разбирали в § 67, приобретают значение черт характера, если они составляют устойчивые свойства

личности. Можно, конечно, проявить в отдельном случае решительность или настойчивость, не будучи ни решительным, ни настойчивым человеком. Но как только решительность становится постоянным признаком волевых действий данного человека, она тем самым становится и чертой характера.

Значительная часть черт характера имеет сложную природу и включает в себя особенности и познавательной, и эмоциональной, и волевой сферы. Это относится к таким, например, чертам, как мужество, трудолюбие, инициативность, скромность и другие.

Анализ отдельных черт характера и их классификация составляют одну из самых сложных задач психологии. Здесь мы укажем на некоторые важнейшие группы черт характера.

Во-первых, наиболее общие черты характера, образующие *психический склад личности*. Таковы, например, следующие важнейшие черты: принципиальность, последовательность, мужество, честность, дисциплинированность, активность.

Во-вторых, черты, в которых выражается *отношение человека к другим людям*. Сюда входят такие черты, как общительность (и противоположная ей черта — замкнутость), откровенность (и противоположная ей — скрытность), чуткость, способность к товарищескому отношению (та черта, которая имеется в виду, когда говорят о человеке: «он хороший товарищ»), вежливость и целый ряд других.

В-третьих, черты, выражающие *отношение человека к самому себе*. Таковы: чувство собственного достоинства, скромность (и противоположные ей — самомнение, заносчивость), обидчивость, застенчивость (которая иногда бывает результатом большой скромности, а иногда — результатом большого самолюбия), эгоцентризм (т. е. наклонность постоянно иметь в центре внимания себя и свои переживания), эгоизм (т. е. наклонность заботиться по преимуществу о своём личном благе) и другие.

В-четвёртых, черты, выражающие *отношение человека к труду, к своему делу*. Сюда входят: инициативность, настойчивость, трудолюбие (и противоположная черта — лень), любовь к преодолению трудностей (и противоположная черта — боязнь трудностей), добросовестность, аккуратность и другие.

Характер ещё менее, чем какие-либо другие качества личности, является врождённым и неизменным свойством. *Черты характера не только проявляются в действиях и поступках, они и образуются, формируются в них.* Чтобы стать аккуратным, надо систематически поступать аккуратно, чтобы стать вежливым, надо постоянно вести себя вежливо. Мужество формируется в процессе совершения мужественных поступков, а чертой характера оно становится тогда, когда такие поступки перестают быть случайными эпизодами в жизни человека и превращаются в привычный, нормальный для него образ действия.

Мировоззрение и убеждения человека создают у него стремление, тенденцию к выработке определённых черт характера. Но эти тенденции могут реализоваться только в том случае, если человек будет постоянно и неуклонно поступать соответствующим образом. Единственный способ сделать себя дисциплинированным — всегда и везде поступать дисциплинированно.

Нет такого характера, которого нельзя было бы переделать. Поэтому бессмысленно ссылаться в оправдание какого-либо дурного поступка на недостатки характера. *Человек сам несёт ответственность за свой характер.*

79. ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА

Самые важные черты характера определяются *общественными условиями*, в которых живёт человек, и его *мировоззрением*, его *убеждениями*. Поэтому можно говорить о типичных характерах, являющихся продуктами определённых общественно-исторических условий.

В образах Павла Петровича и Николая Петровича Кирсановых («Отцы и дети» Тургенева), Обломова, Рудина мы видим типичные черты характера русских помещиков середины XIX в. В пьесах А. Н. Островского и во многих произведениях Горького ярко показаны типичные характеры русского купечества. Типичные черты характера передового рабочего-революционера с большой силой даны Горьким в образе Павла Власова («Мать»).

В классовом обществе нельзя говорить о характерах, типичных для всего народа. Черты психического склада, характерные для данной нации, отступают на задний план по сравнению с различиями, определяющимися классовой

принадлежностью человека. Как нельзя говорить о мировоззрении, общем для помещика и крестьянина, для капиталиста и рабочего, так нельзя говорить и об общности их характеров. Тщательным анализом можно выделить черты, характеризующие психический склад данной нации; но не эти черты определяют характер человека в классовом обществе, не они являются центральными, решающими чертами характера.

У нас в Советском Союзе, в стране победившего социализма, нет антагонистических классов. Все эксплуататорские классы — класс помещиков, класс капиталистов — ликвидированы у нас полностью. У нас остался рабочий класс, остался класс крестьян, осталась интеллигенция. Но между этими социальными группами нет антагонистических противоречий: интересы их не только не враждебны, а, наоборот, дружественны. Самое различие между ними постепенно стирается; «...расстояние между этими социальными группами всё более и более сокращается» *(Сталин)*.

Общие жизненные интересы, объединяющие всех трудящихся Советского государства, неизмеримо важнее, значительнее, чем интересы отдельных социальных групп. Борьба за прочный мир во всём мире, строительство коммунизма в нашей стране составляют смысл жизни всех советских людей. Единое мировоззрение — мировоззрение Коммунистической партии — объединяет весь советский народ. Великая Отечественная война показала монолитное единство всего советского народа, руководимого Коммунистической партией и великим вождём народов И. В. Сталиным. Это же единство лежит в основе тех трудовых подвигов, которые совершают советские люди на всех участках работы в годы послевоенных пятилеток.

На основе единства жизненных интересов и мировоззрения в характере советских людей выделяются общие черты, типичные для всякого передового советского человека, как человека социалистического общества, как борца за коммунизм. Новый духовный облик, отличающий советских людей наших дней, сказывается и в новых чертах характера. Важнейшей задачей, стоящей в настоящее время перед психологической наукой, является изучение *типичных черт характера советского человека*.

Не следует, однако, упускать из вида, что в характере человека наряду с чертами общими, типичными для всех представителей общественно-исторической группы, имеются

и черты *индивидуальные*, отличающие каждого данного человека от других представителей той же группы. Это особенно важно подчеркнуть, изучая характеры советских людей. При социалистическом строе впервые в истории человечества создаются условия для подлинно всестороннего развития личности. А это значит, что при социалистическом строе создаются наиболее благоприятные условия и для развёртывания всего бесконечного многообразия индивидуальных характеров людей.

Единство мировоззрения не исключает разнообразия характеров. Оно исключает лишь определённые черты характера, стоящие в противоречии с принципами этого мировоззрения. Так, например, трусость, лень, безответственность стоят в противоречии с нашим мировоззрением и поэтому несовместимы с обликом передового советского человека.

Итак, при изучении характеров советских людей следует руководствоваться следующими двумя положениями:

1) Имеются черты характера, общие для всех передовых советских людей и отражающие общность их жизненных интересов и мировоззрения.

2) Наличие этих общих черт характера не исключает бесконечного разнообразия индивидуальных характеров.

Яркую иллюстрацию сказанному можно видеть, например, в романе Фадеева «Молодая гвардия». Всех героев-молодогвардейцев объединяют общие черты, характеризующие их психический облик как лучших представителей передовой советской молодёжи. Но в то же время их индивидуальные характеры резко различны. Индивидуальные черты характера Ули Громовой и Любы Шевцовой, Серёжи Тюленина и Вани Земнухова во многом противоположны.

Остановимся на некоторых важнейших чертах характера, типичных для передового советского человека.

1) Идейная направленность и целеустремлённость. Нет ничего более чуждого психологии советского человека, как безидейность и сознание бесцельности своего существования, своей деятельности.

Мы знаем, что в прошлом «трагедией жизни» многих умных и даровитых людей, не удовлетворённых общественными условиями, в которых они жили, было отсутствие

руководящей жизненной идеи, отсутствие цели, ради которой стоило бы жить и бороться. Такие люди сознавали себя, по меткому выражению Герцена, «умными ненужностями». Вспомним запись в дневнике Печорина, сделанную им в ночь перед дуэлью: «Пробегаю в памяти всё моё прошедшее и спрашиваю себя невольно: зачем я жил? для какой цели я родился?» Полная бесцельность жизни и отсутствие всякой руководящей идеи, приводящие к постепенному духовному умиранию человека, к разрушению всех его лучших сторон, с большой силой показаны Чеховым в рассказе «Ионыч».

В советской действительности невозможны «лишние люди» или «умные ненужности». Великая цель, стоящая перед всем советским народом, — построение коммунизма, борьба за коммунизм — выдвигает необозримое количество подчинённых целей и более частных задач, определяющих деятельность каждого советского гражданина. Нельзя представить себе советского человека — рабочего, крестьянина, интеллигента, — который бы страдал от бесцельности своей деятельности. Речь может идти лишь о том, насколько ясно сознаёт человек цель своей деятельности и насколько он подчиняет этой цели все свои силы и способности. Вот эта готовность отдать все свои силы и способности на достижение поставленной цели и называется *целеустремлённостью*, характерной для передового советского человека.

Идейность же советских людей заключается в осознании связи между теми частными целями и задачами, которые стоят перед каждым человеком в его работе, и великой конечной целью — построением коммунизма, к которой ведёт советский народ Коммунистическая партия. Умение видеть в каждом маленьком деле необходимую ступень для достижения конечной цели — лучший показатель идейности человека.

Замечательная жизнь Николая Островского была возможна только потому, что вся она была служением великой идее коммунизма. На вопрос одного иностранного корреспондента: «Скажите, если бы не коммунизм, вы могли бы так же переносить своё положение?» — Островский ответил: «Никогда!»

2) Советский патриотизм. «Патриотизм, — говорил Ленин,— одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств».

И в прошлом народы СССР выдвинули немало замечательных патриотов, отдававших свои силы интересам родины, боровшихся со всякого рода угнетателями и поработителями своего народа.

Советский патриотизм — патриотизм нового, высшего типа. «Для советских патриотов Родина и коммунизм соединены в одно нераздельное целое» *(Молотов)*. Советские люди видят в своей родине страну победившего социализма, страну, осуществляющую переход к коммунизму, страну, являющуюся маяком для всего прогрессивного человечества. Борьба за коммунизм неотделима для советских людей от борьбы за интересы своей социалистической родины.

В основе советского патриотизма лежат не расовые или национальные предрассудки, а любовь к Советской родине, представляющей собой братское содружество трудящихся всех наций нашей страны. «Советский патриотизм не разъединяет, а, наоборот, сплачивает все нации и народности нашей страны в единую братскую семью» *(Сталин)*.

Любовь к родине у советских людей имеет активный, действенный характер. Это горячая, страстная любовь, не останавливающаяся ни перед какими жертвами, если они требуются интересами родины. Это любовь, неразрывно связанная со столь же страстной ненавистью ко всем врагам родины, любовь, не знающая пощады к врагам.

Советский патриотизм включает в себя беззаветную преданность Коммунистической партии, ведущей народы нашей страны к коммунизму, руководящей всей грандиозной работой по строительству нового, социалистического общества. Советский патриотизм неотделим от безграничной любви, уважения и преданности к великим вождям народов В. И. Ленину и И. В. Сталину, которые живут в сердцах всех советских граждан.

«За Родину, за Коммунистическую партию, за Сталина!» — с этими словами шли в бой сотни тысяч героев, покрывших себя бессмертной славой в годы Великой Отечественной войны. И в годы послевоенного мирного строительства имя Сталина вдохновляло советских патриотов, работающих на заводах и фабриках, на колхозных полях, в научных лабораториях, в школах, в больницах, в дальних экспедициях.

Замечательным проявлением советского патриотизма является всенародная забота об огромном строительстве,

которое осуществляется в нашей стране. Строительство грандиозных каналов и гидроэлектростанций, лесонасаждения, борьба за высокий рост колхозного производства — стало кровным делом миллионов советских людей.

Советский патриотизм является великой движущей силой развития советского общества на пути к коммунизму.

3) К о л л е к т и в и з м. В советском обществе не может быть личности вне коллектива. Советский человек не может ставить перед собой жизненно важные цели, которые противопоставлялись бы целям коллектива; советский человек не рассматривает свою личную судьбу, свой личный успех оторванно от судьбы коллектива, от успеха общего, коллективного дела. Сознание своей неразрывной связи с тем коллективом, членом которого данный человек является, а в конечном счёте и со всем советским народом, сознание того, что общие интересы, интересы коллектива, стоят выше узко личных интересов, — составляет основу коллективизма советских людей.

В классовом обществе, основанном на принципе частной собственности, господствует мораль *индивидуализма*. «Старое общество,— говорил Ленин в речи на III съезде комсомола, — было основано на таком принципе, что либо ты грабишь другого, либо другой грабит тебя, либо ты работаешь на другого, либо он на тебя, либо ты рабовладелец, либо ты раб». И понятно, что воспитанные в этом обществе люди «с молоком матери» воспринимают психологию человека, «который заботится только о том, чтобы иметь свое, а до другого ему дела нет».

Уничтожение частной собственности на средства производства, переход к новому, социалистическому строю разрушили материальную основу индивидуалистической психологии и создали основы новой, коллективистической психологии.

Психология индивидуализма очень ярко выражена, например, в образе Печорина. Рассказ «Тамань», представляющий собой отрывок из записок Печорина, кончается следующими словами: «Что сталось с старухой и с бедным слепым — не знаю. Да и какое дело мне до радостей и бедствий человеческих, мне, странствующему офицеру, да ещё с подорожной по казённой надобности!..».

Отношение к людям, отразившееся в этих словах, совершенно невозможно для передового советского человека.

Характерной чертой психологии советского человека является уничтожение разрыва между личными и общественными интересами, между своими личными «радостями и бедствиями» и «радостями и бедствиями» других людей. Подлинный коллективизм выражается в том, что общие интересы, интересы коллектива, становятся личными интересами, что человек «живёт» коллективными интересами, переживает их так же остро, как свои личные интересы.

Чувство коллективизма советского человека ярко показано в романе Павленко «Счастье», в образе Воропаева. Полковник в отставке, четыре раза раненный, лишившийся ноги, больной туберкулёзом, Воропаев после демобилизации приезжает в Крым с мечтой найти счастье в спокойной жизни вдвоём с маленьким сыном. Действительность опрокидывает эти мечты и показывает, что для Воропаева, коммуниста, подлинно передового советского человека, не этот путь ведёт к счастью. Своё счастье он находит в работе с людьми, с народом, сначала в качестве районного пропагандиста, а затем — секретаря райкома партии.

В этой работе он нашёл то «возбуждение, довольство и уверенность, которые делают человека счастливым». «Двадцать лет я в партии, — говорит Воропаев, — старик, огромную жизнь прожил, и, веришь ли, омолодила меня работа у вас. Не сознаньем, а плечом, телом своим, дыханьем своим чувствую, что я — народ, в народе, с народом, что я — его голос».

В образе Воропаева показан тип передового советского руководителя, для которого характерны связь с народом, забота о людях, органическая потребность помогать людям. «Приятно, когда есть на свете люди, которым хочется помочь», — говорит Воропаев. Самая существенная черта характера Воропаева выражена в следующих словах, сказанных о нём одним из действующих лиц романа: «Воропаев — человек для всех».

4) С о ц и а л и с т и ч е с к и й   г у м а н и з м. Коллективизм советских людей неразрывно связан с гуманистическим, человечным отношением к людям, заботой о людях, любовью к детям, что и составляет сущность социалистического гуманизма.

В одном из своих выступлений М. И. Калинин, отвечая на вопрос о том, какие лучшие человеческие качества надо воспитывать у советской молодёжи, на первом месте поставил «любовь, любовь к своему народу, любовь к трудящимся массам». «Человек, — говорил М. И. Калинин,— должен любить людей. Если он людей будет любить, то ему будет жить лучше, веселее будет жизнь, ибо никто не живёт так худо в мире, как мизантроп-человеконенавистник».

Идеал гуманного отношения к человеку советские люди видят в В. И. Ленине и И. В. Сталине. Примером чуткого,

бережного, заботливого отношения к людям является вся их жизнь, посвящённая борьбе за свободу и счастье человечества.

В романе «Счастье» наряду с Воропаевым, характерной чертой которого является забота о людях, замечательное умение выращивать кадры, показан другой руководитель, Корытов, который, несмотря на его несомненную преданность партии и горячую любовь к своему району, не может быть признан настоящим руководителем-коммунистом. Слабой стороной Корытова является прежде всего отсутствие подлинного внимания и интереса к человеку, отсутствие заботы о людях, а поэтому и неумение ни находить, ни выращивать кадры. «Меня, брат, твой отдельный человек не интересует, — говорит Корытов Воропаеву.— Меня интересуют люди. Я люблю обобщать». Результатом этого является отрыв Корытова от масс, от народа, превращение его в «руководителя-единоличника» (так характеризует его Воропаев).

Черты подлинно социалистического гуманизма ярко показаны в образе комиссара Воробьёва из «Повести о настоящем человеке» Полевого. Его внимательность к людям, к их мыслям, заботам, интересам так велика, что он, — по выражению его соседа по госпитальной палате, Героя Советского Союза, сибирского колхозника Степана Ивановича, — словно «колдун» «чужие мысли угадывает», умеет к «каждому подобрать свой особый ключик».

Будучи сам смертельно больным, он с редкой чуткостью заботится о том, чтобы Мересьеву легче было пережить самое большое для него несчастье — ампутацию ног. «Предвидя события, комиссар прятал часть его писем, чтобы в страшный для Мересьева день, передав лётчику дружеские приветы и новости с родного аэродрома, смягчить для него тяжёлый удар». Он сумел подготовить решающий поворот в настроении Мересьева, думавшего о самоубийстве после ампутации, показав ему заметку в газете о русском лётчике, научившемся летать с ампутированной ступнёй.

Социалистический гуманизм не имеет ничего общего с сентиментальной любовью ко всем людям без разбора. Он не только допускает, но и требует наряду с большой любовью и большую ненависть. Из действенной любви к людям, к народу, ко всем трудящимся необходимо рождается непримиримая ненависть к врагам трудящихся, к тем, кто борется против интересов народа, кто преграждает путь к счастливому будущему.

5) Коммунистическое отношение к труду. Одной из самых важных черт характера советского человека является новое отношение к труду.

Для советских людей труд является главным делом их жизни, основной формой проявления личности, центром

важнейших интересов, источником величайших радостей.

Для советских людей нет разрыва между трудовой деятельностью и личной жизнью; наоборот, трудовая деятельность и составляет основное содержание личной жизни человека.

В то же время для советского человека характерно «сознательное отношение к своему труду, как к делу общественной важности и как к святой обязанности перед Советским государством» *(Молотов)*. «При капитализме труд имеет частный, личный характер. Выработал больше, получай больше и живи себе, как знаешь» *(Сталин)*. У нас труд каждого человека имеет общественное значение. Трудовые достижения всякого работника рассматриваются как дело общественного, государственного значения. Поэтому труд у нас становится делом чести и славы.

В отношении к труду ярко сказывается важнейшая особенность психологии советского человека — слияние личного и общественного: по мере того как возрастает сознание общественного значения труда, увеличивается и место, занимаемое трудовой деятельностью в личной жизни человека.

Социалистическое соревнование, представляющее собой основную форму социалистической организации труда, коренным образом отличается от капиталистической конкуренции. В капиталистической конкуренции личный успех достигается за счёт поражения других. В социалистическом соревновании каждый отдельный работник стремится достичь наилучших результатов в интересах общего дела. «Принцип социалистического соревнования: товарищеская помощь отставшим со стороны передовых, с тем, чтобы добиться общего подъёма» *(Сталин)*. Зависть к чужому успеху, стремление выдвинуться вперёд за счёт отставания других — чужды психологии передового советского человека.

Характерная черта советского работника — творческое отношение к труду, лежащее в основе тех замечательных трудовых достижений, которые дают наши рабочие, колхозники, представители советской интеллигенции. В нашей советской действительности всякий труд становится творческим трудом.

6) С о з н а н и е д о л г а и о т в е т с т в е н н о с т и. Высокая идейность и принципиальность, отличающие передового советского человека, предполагают и высоко развитое сознание долга, чувства долга. А сознание своего гражданского долга, долга перед родиной, перед партией, перед коллективом

лежит в основе ответственного отношения человека к порученному ему делу, к своим обязанностям, ко всем своим действиям и поступкам.

Советскому человеку свойственно чувство ответственности не только за свою личную работу и за свои поступки, но и за работу других, за их поведение. Отсюда вытекает большая требовательность к себе и к другим.

Эта черта ярко выступает у всех лучших, передовых представителей советского народа, образы которых даны в нашей художественной литературе. Вспомним Павла Корчагина («Как закалялась сталь» Н. Островского), комиссара Воробьёва («Повесть о настоящем человеке» Полевого), полковника Воропаева («Счастье» Павленко).

Обострённое чувство ответственности за успех всей героической деятельности «Молодой гвардии» составляет неотъемлемую черту характера Олега Кошевого. «Он всё более сознавал,— читаем мы в романе Фадеева,— что успех или неуспех их деятельности во многом зависит от того, насколько он, Олег, среди всех своих товарищей сможет всё предусмотреть или ошибётся». Отсюда его замечательная собранность, внутренняя «подтянутость», неуклонная требовательность к себе и другим.

7) Готовность к преодолению трудностей. Важнейшее значение в характере имеют волевые качества личности, а воля, как мы знаем, выражается в преодолении трудностей. Нередко волю называют «хребтом характера». «Хребтом характера» можно, следовательно, назвать и способность к преодолению трудностей.

В отношении к трудностям больше всего обнаруживается сила характера, его твёрдость, стойкость, а без этих качеств нельзя представить себе духовный облик советского человека. Советский человек — это прежде всего *борец* за коммунизм и *строитель* коммунизма. Для борца же и строителя твёрдость характера, готовность преодолеть любые трудности, сломить любые препятствия — одно из самых необходимых психических качеств.

И. В. Сталин учил советских людей не бояться трудностей, не закрывать глаза на них, а смело идти навстречу трудностям, бороться с ними и преодолевать их.

«Видали ли вы рыбаков перед бурей на большой реке, вроде Енисея? — говорил И. В. Сталин в одном из своих выступлений. — Я их видал не раз. Бывает, что одна

группа рыбаков перед лицом наступившей бури мобилизует все свои силы, воодушевляет своих людей и смело ведёт лодку навстречу буре: «Держись, ребята, крепче за руль, режь волны, наша возьмёт!» Но бывает и другой сорт рыбаков, которые, чуя бурю, падают духом, начинают хныкать и деморализуют свои же собственные ряды: «Вот беда, буря наступает, ложись, ребята, на дно лодки, закрой глаза, авось как-нибудь вынесет на берег».

Малодушное стремление укрыться от бури, отступить перед трудностями — недостойно советского человека. «Трудности для того и существуют, чтобы побороться с ними и преодолеть их» *(Сталин)*.

8) Мужество. Мужество — сложная черта характера, включающая в себя храбрость, отвагу при непосредственном столкновении с опасностью, готовность, не останавливаясь ни перед чем, вести борьбу за великую идею коммунизма, стойкость, выдержку, самообладание.

В своём выступлении по радио 3 июля 1941 года И. В. Сталин сказал: «Великий Ленин, создавший наше Государство, говорил, что основным качеством советских людей должно быть храбрость, отвага, незнание страха в борьбе, готовность биться вместе с народом против врагов нашей Родины». Советские люди ответили на эти слова вождя воинскими подвигами на полях сражений, самоотверженной борьбой в тылу врага, героическими делами на трудовом фронте. Образцы беспримерного в истории мужества показала советская молодёжь — Зоя Космодемьянская, Александр Матросов, комсомольцы Краснодона.

Мужество советского человека вытекает из до конца осознанного чувства долга, до конца осознанной ответственности. Мужественный человек отличается не тем, что он никогда не испытывает чувства страха, а тем, что он, невзирая на страх, поступает так, как должно. Разные люди по-разному переживают опасность, но всякий человек, достойный названия советского гражданина, должен вести себя мужественно при любой опасности.

Не тот трус, кто испытывает страх, а тот, кто из-за страха может изменить своему делу. «Трус, — справедливо сказал Николай Островский, — почти предатель сегодня и, безусловно, изменник в борьбе». Поэтому-то «трус в нашей стране — это презренное существо». Иллюстрацией

к этим словам может служить страшная история Стаховича, предавшего героев-молодогвардейцев.

9) Инициативность. Творческое отношение к труду, готовность к преодолению трудностей требуют в качестве необходимого условия инициативности. Инициативный человек не ждёт «подсказки» со стороны; он способен к личному почину, не боится творческого риска.

Инициативность советских людей неразрывно связана с творческой энергией, способностью дерзать, с тем «чувством нового», без которого невозможен передовой деятель социалистического общества. Новаторство наших рабочих, колхозников, деятелей науки, техники и искусства говорит о том, что инициативность является отличительной чертой духовного облика советского человека.

Инициативность — важнейшее качество советской молодёжи. Обращаясь к комсомольским работникам, М. И. Калинин говорил: «В ваших выступлениях должны бить ключом творческая мысль и инициатива... Энергия у вас должна кипеть, а если она не кипит, то какая же вы молодёжь, какие же вы советские патриоты?»

Примером в этом отношении могут служить руководители героического комсомола Краснодона и в первую очередь Олег Кошевой и Сергей Тюленин.

Характеризуя Олега Кошевого, Фадеев отмечает, что «основу его натуры» составляла «исключительная жажда деятельности, желание проявить всего себя, желание вмешаться в жизнь людей, в их деятельность, с тем, чтобы внести в неё что-то своё, более совершенное, быстрее оборачивающееся и наполненное новым содержанием». Вспомним первую встречу Олега с Тюлениным, ещё до организации «Молодой гвардии», и их разговор, в котором Олег наметил свой план подпольной работы, план, в котором отразилась замечательная инициативность этого шестнадцатилетнего юноши: «Олег развивал перед товарищем свой план действий: присматриваться к молодёжи, брать на примету наиболее верных, стойких, годных к делу; узнать, кто арестован в городе и в районе, где сидят, найти возможность помощи им и непрерывно разведывать среди немецких солдат о всех военных и гражданских мероприятиях командования».

Исключительная инициативность Сергея Тюленина проявилась уже в том, что он тотчас после занятия немцами Краснодона, один, по собственной инициативе и без чьей бы то ни было помощи, осуществил поджог сначала здания треста, где разместился немецкий штаб, а затем бани, оборудованной немцами под казарму. По его же инициативе накануне занятия немцами Краснодона часть раненых, оставшихся в госпитале, была размещена по частным квартирам и тем самым спасена от гибели.

10) *Скромность*. Такие черты характера советских людей, как идейность, коллективизм, высокая требовательность к себе, стоят в противоречии с чрезмерно высокой оценкой своей личности, стремлением выдвигать на первый план свои личные заслуги, со всякого рода самомнением и заносчивостью. Скромность — одна из типичных черт характера советского человека.

«Скромность украшает бойца, — говорил Николай Островский, — кичливость, зазнайство — это капиталистическое старое, это от индивидуализма. Чем скромнее боец, тем он прекраснее».

Характеризуя одного из лучших командиров Красной Армии, героя гражданской войны, Г. И. Котовского, И. В. Сталин выдвинул на первый план две черты его характера: храбрость и скромность. «Храбрейший среди скромных наших командиров и скромнейший среди храбрых — таким помню я т. Котовского».

Очень поучительна с этой точки зрения параллель между двумя руководящими работниками молодёжной подпольной организации Симферополя: секретарём комсомольской организации и комиссаром — Борисом Хохловым, впоследствии арестованным немцами и замученным в гестапо, и командиром организации — Анатолием («В крымском подполье» И. Козлова).

Описывая свои встречи с Борисом Хохловым, руководитель симферопольского подполья И. Козлов говорит: «С первой же встречи этот юноша произвёл на меня необычайно светлое, обаятельное впечатление. Он был... в отличие от Толи...если можно так выразиться... органически скромен. Он искренне смутился, даже покраснел, когда однажды, говоря об их деятельности в немецком тылу, я произнёс слово «героическая». Всё, что они делали, казалось ему совершенно естественным, само собой разумевшимся. Радостно и странно было мне слышать, как этот молоденький юноша, вчерашний школьник, просто и естественно называет «работой» героические, без преувеличения, подвиги комсомольцев».

Прямо противоположную характеристику даёт И. Козлов Анатолию: «Костя» (партизанская кличка Анатолия. — Б. Т.) был смелый, инициативный парень, но он болел чрезмерным честолюбием и самонадеянностью, которые меня очень тревожили. Неприятно было слышать, когда в разговорах со мной он всячески старался умалить роль и заслуги Бориса Хохлова в создании комсомольской организации». Этот, на первый взгляд, несущественный недостаток повлёк за собой очень серьёзные последствия. После ареста Бориса, когда Анатолий фактически оказался во главе комсомольской организации, он стал проявлять крайнее легкомыслие и недисциплинированность. Стремясь лично выдвинуться, он предпринимал без согласования с партийным руководством симферопольского подполья рискованные и в сущности бесполезные операции,

грозившие погубить всё дело. В конце концов пришлось отстранить его от работы.

11) Бодрость, уверенность в своих силах, оптимизм. Духовный облик советских людей пронизан бодростью и оптимизмом. Источником их являются грандиозные успехи нашей родины на всех участках социалистического строительства и глубокая уверенность в победе коммунизма. А уверенность в правоте идеи, в правоте своего дела рождает и уверенность в своих силах. Современная буржуазная культура насквозь пронизана упадочничеством и пессимизмом. «Чувство обречённости — чувство, понятное для общественного сознания вымирающей группы» *(Жданов)*. В противоположность этому в советской культуре торжествует радость жизни, оптимизм.

Нет такого тяжёлого положения, нет такого несчастья, которое могло бы победить великую любовь к жизни, отличающую борцов за лучшее будущее человечества, строителей новой жизни.

Один из лучших сыновей Коммунистической партии Николай Островский, разбитый параличом, ослепший, испытывавший тяжёлые физические страдания, до последнего дня не терял радости жизни. Его письма к родным и друзьям неизменно пронизаны любовью к жизни и чувством счастья: «Я никогда не думал, что жизнь принесёт мне такое огромное счастье... Вся жизнь заполнена всепобеждающей радостью творчества. И кто знает, когда я был счастливее — юношей с цветущим здоровьем или сейчас?..» «Жизнь за моё упорство вернула мне счастье безмерное, изумительное, прекрасное...»

«Радостно жить и бороться в стране, где великая мудрость партии и железная воля её вождя Иосифа Сталина навсегда освобождает человека от проклятых навыков и предрассудков прошлого», — писал М. Горький. Советским людям выпало великое счастье — первым в истории человечества осуществлять строительство коммунистического общества.

Вопросы для повторения

1. От чего зависит формирование психических свойств человека?
2. Дайте определение интереса.
3. Охарактеризуйте основные особенности интересов.

4. В чём различие между интересом и склонностью?
5. Какая разница между понятиями «одарённость» и «способность»?
6. Каково взаимоотношение одарённости и мастерства?
7. Что такое темперамент?
8. Что такое характер?
9. Какова связь между характером и мировоззрением человека?
10. На какие группы можно разделить черты характера?
11. Перечислите важнейшие черты характера советского человека.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА I
ПРЕДМЕТ ПСИХОЛОГИИ

ГЛАВА II
РАЗВИТИЕ ПСИХИКИ

ГЛАВА III
ОЩУЩЕНИЯ

ГЛАВА IV
ВОСПРИЯТИЕ

ГЛАВА V
ВНИМАНИЕ

ГЛАВА VI
ПАМЯТЬ

ГЛАВА VII
ВООБРАЖЕНИЕ

ГЛАВА VIII
МЫШЛЕНИЕ И РЕЧЬ

ГЛАВА IX

ЧУВСТВА

ГЛАВА X

ВОЛЯ

ГЛАВА XI

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ГЛАВА XII

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ

Издание, восстановленное с оригинала 1954 года.

Редактор *В. В. Алпатова*
Техн. редактор *Н. Н. Махова*